

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

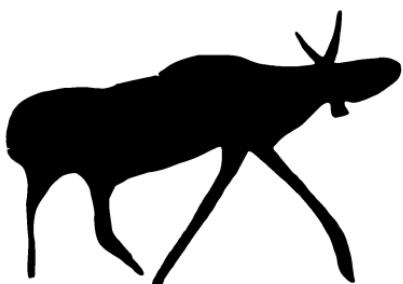
НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНАЯ
СЕРИЯ

А. А. ФОРМОЗОВ

**ПАМЯТНИКИ
ПЕРВОБЫТНОГО ИСКУССТВА**

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
Н А У Ч Н О - П О П У Л Я Р Н А Я С Е Р И Я

А. А. Ф О Р М О З О В

**ПАМЯТНИКИ
ПЕРВОБЫТНОГО
ИСКУССТВА**

Н А ТЕРРИТОРИИ С С С Р

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» · МОСКВА · 1966

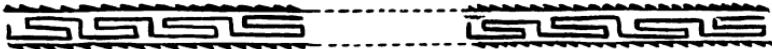
ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук А. Л. МОНГАЙТ

Scan AAW

1-6-2
76-66

ВВЕДЕНИЕ

За последние годы заметно возрос интерес к археологии. Разумеется, раскопки египетских пирамид или скифских курганов и раньше привлекали внимание широкой публики. Но теперь интерес стал глубже. Читатель — современник и участник великих исторических событий, обеспокоенный будущим своей планеты, хочет понять, что пережили люди в прошлом, «что случилось в истории» (так назвал одну из своих книг английский археолог Гордон Чайлд). Для этого недостаточно прочесть какие-нибудь очерки по новой истории; необходимо получить представление обо всем трудном и долгом пути человечества. И первое слово принадлежит здесь археологам.

Рассказать они могут о кремневых орудиях, о переселениях древних племен и многом другом. Но едва ли не самым волнующим будет другой круг тем, связанный с духовной жизнью, с вопросами, близкими нам и поныне.

Говорить об этом очень и очень непросто. Раскопав десятки стоянок и курганов, перевернув тысячи кубометров земли, мы можем ни на йоту не приблизиться к цели. Через наши руки пройдут миллионы черепков, сотни каменных и бронзовых изделий. Научная обработка этих находок займет месяцы, а то и годы: надо реставрировать разбитые сосуды, классифицировать и описывать коллекции. Рано или поздно все это пригодится, но в идеологии наших предков так мы не разберемся. Нельзя судить о ней по уровню материальной культуры. Прямого соответствия тут нет. Этнографов поразила сложность мировоззренияaborигенов Австралии, не знакомых с металлом, земледелием и скотоводством, не пользовавшихся луком со стрелами и глиняной посудой. Некоторые ученые даже считали австралийцев регressedировавшим в техническом отношении обществом.

Поэтому, не пренебрегая остатками древнего быта, обыденностью былых веков, нужно искать то, что сохранилось от творчества. Легче всего это было бы в Египте и в Двуречье. Там, в пыли тысячелетий, кроме черепков, попадаются обрывки папирусов и обломки глиняных табличек с клинописью. Если текст будет прочтен, зазвучит речь давно умерших людей. Но не каждый папирус и не каждая табличка приоткрывают завесу над скрытым для нас миром. «Дом Идин-еа у Идин-еа владельца дома Или-Уннена за наемную плату на один год нанял... Один сикль 15 ше серебра Или-Уннена Идин-еа серебро отвесит».., «39 талантов 50 мин шерсти в городе Сианур-матин, 27 талантов 10 мин шерсти в городе Акшак, 5 талантов 20 мин в городе Ишкун-еа. 4 таланта...»¹. Таково содержание большинства вавилонских клинописных документов начала II тысячелетия до н. э.

Но вот среди квитанций и списков товаров мелькнуло что-то иное. Это не нудное бормотанье какого-то торговца, сорок веков назад перебравшего свои богатства в краю, где нам вряд ли доведется побывать, и не подозревавшего не то, что о ракетах и телевизорах, но даже и о железе. Это не заклинания жреца смешных богов с коровьими головами. Это голос человека, поэта, мыслителя:

Скажи мне, друг мой, скажи мне, друг мой,
Скажи мне закон земли, который ты знаешь.
Не скажу я, друг мой, не скажу я.
Если бы закон земли сказал я,
Сел бы ты тогда и заплакал².

Эпос о Гильгамеше, «о все видавшем», откуда взяты эти строки, сложился в Месопотамии по меньшей мере в конце III тысячелетия до н. э.

«Нет праведных, и земля предоставлена творящим беззаконие... Человек таит лицо свое от братьев своих. ...Сердца черствы, бессердечен человек, на которого хотят опереться... Грех поражает землю и нет ему конца... Смерть стоит передо мною подобно выздоровлению»³,— говорится в «Беседе разочарованного со своим духом», восходящей, по мнению египтологов, к рубежу Древнего и Среднего царств, т. е. опять же к концу III тысячелетия до н. э.

«Подымись на холмы разрушенных городов. Пройдись по развалинам древности и посмотри на черепа людей, живших

раньше и после. Кто из них был владыкой зла, а кто из них был владыкой добра?»⁴ — вопрошает безымянный автор «Диалога господина и раба о смысле жизни» — сочинения эпохи Хаммурапи, первой четверти II тысячелетия до н. э.

Не жалко потратить годы в песках Египта и Ирака, чтобы найти при раскопках такие тексты.

Но район, где возможны открытия библиотек из глины и папируса, очень мал, а письменный период истории в двести раз короче бесписьменного. Удастся ли нам, русским археологам, узнать что-нибудь о духовной культуре племен, обитавших на территории СССР в дни расцвета цивилизаций Египта и Двуречья? Ведь даже в этих странах на долю археологов приходятся горы обыденности и только крупицы творчества прошлого, а наше положение еще тяжелее. И все же оно не безнадежно. Отсутствующие литературные источники могут заменить памятники искусства. Они обнаружены в Сибири и на Дону, в Средней Азии и на Кавказе, в Карелии и на Украине. Одни памятники датируются III—II тысячелетиями до н. э., другие — еще более ранним палеолитическим и мезолитическим временем.

Ценность любой гравюры на кости или рисунка на камне велика, но число их ничтожно на четыре десятка тысячелетий первобытной истории, в особенности, если вспомнить о количестве произведений архитектуры, живописи и графики, оставленных последними двумя тысячелетиями. Целые области художественного творчества погибли почти бесследно. Всего в четырех торфяниках сохранились деревянные скульптуры. В большинстве стоянок дерево истлело полностью. Так же исчезли ткани, кожаные, плетеные и берестяные изделия, когда-то богато украшенные.

И другие материалы нас не вознаградят, ибо каждый вид искусства живет своей особой жизнью. На плитах крымских погребальных каменных ящиков начала II тысячелетия до н. э. тремя красками нанесены геометрические узоры коврового типа (рис. 33). На лепных горшках из тех же могил такой орнамент никогда не встречается. На поселениях трипольской культуры III тысячелетия до н. э. в Поднепровье и Поднестровье много схематических глиняных статуэток. Глядя на эти статичные фигуруки, не догадаешься, что в росписи керамики трипольцы замечательно передавали движение. Сравним женскую статуэтку из Шипениц и изображения свернувшихся в беге собак на сосуде из этой стоянки (рис. 1). Те, кто побывал в Эрмитаже, видимо, не забыли шедевры скифской торевтики

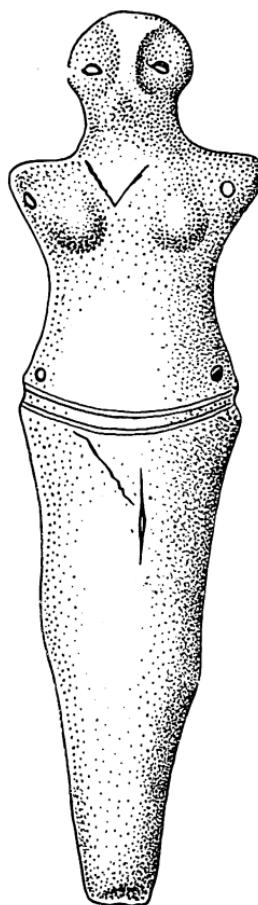

Рис. 1. ГЛИНЯНАЯ СТАТУЭТКА ЖЕНЩИНЫ И ИЗОБРАЖЕНИЯ БЕГУЩИХ СОБАК НА РОСПИСИ ГЛИНЯНЫХ СОСУДОВ СО СТОЯНКИ ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ ШИПЕНИЦЫ НА УКРАИНЕ

с характерными переплетающимися телами зверей. Не верится, что именно скифы ставили на курганах предельно примитивные каменные изваяния воинов. Точных, смело изогнутых линий, характерных для металлических блях, тут нет и в помине (рис. 2).

При раскопках Мари — переднеазиатского города II тысячелетия до н. э. найдена деревянная форма для оттискивания изображений на лепешках или пирожных. Композиция на ней построена по правилам перспективы. Между тем ни в одном произведении «большого», монументального дворцового искусства Дворечья перспектива не применялась⁶.

Нелегко восстановливать ду-

Рис. 2. ПРОИЗВЕДЕНИЯ СКИФСКОГО ИСКУССТВА ИЗ ПРИДНЕПРОВЬЯ.

Слева — серебряная бляха конца IV — начала III века до н. э. из Краснокутского кургана. Справа — каменное антропоморфное изваяние IV века до н. э. (Днепропетровский музей)

ховный мир древних людей, зная, что важные для нас памятники уцелели не везде, не от всех эпох, да еще в очень незначительной части. Опирая с такими сложными источниками, мы рискуем потерять научную объективность и впасть в субъективизм. Но должно ли это заставить нас отказаться от поисков?

Со времен «Истории русского искусства» И. Э. Грабаря символом красоты отечественной архитектуры стала церковь Покрова на Нерли. Тысячи экскурсантов, посетивших Владимир, восхищались ее «неописуемо стройным силуэтом», «стройной башней» в широкой пойме Клязьмы. Лишь в 1954—1955 гг. Н. Н. Воронин нашел при раскопках следы окружавшей храм

галереи. На реконструкции его первоначального облика показано теперь величественное, но несколько тяжеловесное здание. Трудно примириться с тем, что нынешний вид Покрова на Нерли — результат позднейших переделок, но об ошибке жаль не стоит. Грустная, лиричная башенка, бесспорно, помогла раскрыть что-то новое и в средневековом зодчестве, и в древней Руси вообще.

В Новгороде радует взор лебединая стая белых церквей над Волховом, но когда-то все они были красными. А наше восприятие античной скульптуры? Хорошо известно, что греки раскрашивали свои изваяния; мы же не представляем себе разноцветные статуи.

Так не будем бояться ошибок, обращаясь к эпохе, удаленной не на тысячу или две с половиной тысячи лет, а на многие тысячелетия. Постараемся нашупать пути к интересующим нас проблемам. Может быть не все пути окажутся верными, но лучше идти вперед, чем из осторожности стоять на месте.

И последняя оговорка. Здесь не затрагивается вопрос о происхождении искусства. Даже для постановки этого вопроса пришлось бы привлечь бесчисленное количество материалов и археологических, и этнографических со всех концов света, обратиться к наблюдениям психологов и пытаться осмыслить все эти разнохарактерные данные с философской точки зрения. Задача книги — иная: рассказать о творчестве первобытного человека в каменном и бронзовом веке на территории СССР.

Напомним лишь основные положения. Самые первые рисунки в пещерах и фигурки из камня и кости относятся к позднему палеолиту. Их создали кроманьонцы — древнейшие люди современного антропологического типа. В раннем палеолите у неандертальцев искусства еще не было. Для тех, кто предпочитает точные цифры, приведем даты ряда зарубежных стоянок, где найдены произведения живописи и пластики. Цифры получены по радиоуглеродному методу: Альтамира — $15\ 500 \pm 700$ лет, Ляско — $15\ 516 \pm 900$, Виллендорф — $31\ 840 \pm 250$, Долни Вестоницы — $25\ 600 \pm 170$ ⁶. Скорее всего в тот же период — от 30 до 14 тысяч лет до наших дней — были расписаны стены Каповой пещеры на Урале, а в Костенках на Дону вырезаны из мергеля десятки статуэток мамонта.

Возникновение искусства — закономерное следствие развития трудовой деятельности и техники палеолитических охотников, не отделимое от сложения родовой организации и современного физического типа человека. Увеличился объем его

Рис. 3. Силуэты животных, нанесенные красной краской на стены каловой пещеры в Башкирии

мозга, появилось множество новых ассоциаций, возросла потребность в новых формах общения. Факты опровергают теории клерикальных ученых о том, что искусство порождено религией. Однако вряд ли правы авторы, утверждающие, что оно не испытывало никаких влияний со стороны религии. И тот, и другой тезис в равной мере антиисторичны. В сознании людей каменного века не могла еще произойти дифференциация особых религиозной сферы и сферы искусства — нерелигиозной. Их сознание представляло собой сплав, переплетение ошибочных и верных посылок, охотничьей магии и выводов, подсказанных практикой, производством. Нужно говорить о своеобразном синкретизме первобытного мышления, включавшего в себя элементы религии и реального опыта. Это справедливо подчеркивают некоторые советские исследователи, и археологи, и фольклористы⁷.

ГЛАВА

ИСКУССТВО ОХОТНИКОВ

Первобытный человек овладел навыками земледелия и скотоводства менее десятка тысяч лет назад. До этого на протяжении сотен тысячелетий люди добывали себе пропитание способами, знакомыми уже животным,— охотой, рыбной ловлей и собирательством.

Конечно, даже на ранних этапах истории разум наших далеких предков ставил их неизмеримо выше любого хищного зверя. Палеолитические стоянки, как правило, расположены на мысах при выходе оврагов в ту или иную широкую долину. Пересеченная местность была удобнее всего для загонной охоты на табуны крупных травоядных. Успех ее обеспечивало не совершенство оружия — в палеолите это были только дротики и рогатины, а сложная тактика загонщиков. Преследуя мамонтов или бизонов, охотники не давали им свернуть в сторону и направляли их к неминуемой гибели на мысы, окруженные крутыми обрывами. Позднее, в начале мезолита, появляются лук и стрелы. К этому времени вымерли мамонты и носороги, и охотиться поневоле пришлось на мелких и нестадных млекопитающих. Отныне все определяла не величина и слаженность коллектива загонщиков, а ловкость и меткость отдельного стрелка-лучника. В конце мезолита были изобретены рыболовные сети и крючки.

Эти завоевания культуры — результат длительных поисков наиболее надежного, наиболее выгодного оружия — не меняли существа дела. Человечество по-прежнему лишь присваивало продукты природы. Оно целиком зависело от ее прихотей и было связано с нею неизмеримо теснее, чем в эпоху земледелия и скотоводства, не говоря уже о нашем веке машин.

Памятники палеолитического, мезолитического и северного неолитического искусства показывают нам, на чем в тот период было сосредоточено все внимание людей. Росписи и гравировки на скалах, скульптуры из камня, глины и дерева, рисунки на сосудах посвящены почти исключительно промысловым животным.

Палеолитические поселения Русской равнины содержат огромные скопления костей мамонта. Древнейшие обитатели междуречья Дона и Днепра великолепно умели выслеживать и истреблять стада этих гигантских неповоротливых зверей. Бизоны, лошади, олени были столь же частой и завидной добывчей. На Деснинской стоянке Мезин обнаружены кости 108 мамонтов, 80 северных оленей и 56 лошадей. Этих животных и запечатлел палеолитический художник. Красной краской он нанес силуэты семи мамонтов, двух носорогов и трех лошадей на стены Каповой пещеры в Башкирии (рис. 3)¹. В Костенках I на Дону он вырезал из мергеля статуэтки шести мамонтов, носорога, лошади и медведя и выгравировал на кости профиль овцебыка. Еще одна статуэтка мамонта происходит из Авдеева на Сейме (рис. 4), фигурка лошади — из Сунгирия на Клязьме, носорога — из Аносовки на Дону. Контуры могучего тела мамонта процарапаны на костяной пластинке со стоянки Мальта под Иркутском (рис. 5)².

Количество изображений разных видов млекопитающих не случайно. У нас нет таких стойбищ, как Солютре во Франции, с останками чуть ли не ста тысяч диких лошадей. Зато на Западе нет поселений вроде Мезина с большим числом костей мамонта. Обратимся к палеолитическому искусству, и мы увидим, что во Франции рисунки и скульптуры лошадей

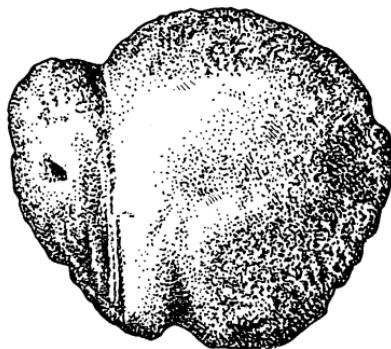

Рис. 4. СТАТУЭТКА МАМОНТА ИЗ ГУБЧАТОГО ВЕЩЕСТВА МАМОНОВОЙ КОСТИ СО СТОЯНКИ АВДЕЕВО НА СЕЙМЕ

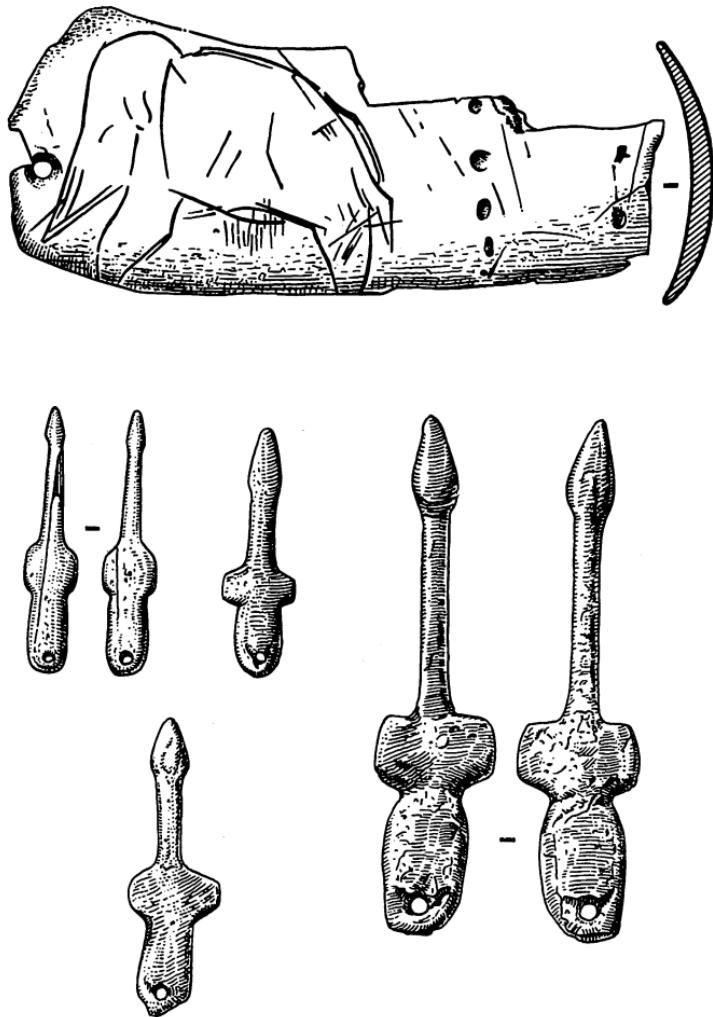

Рис. 5. ИЗОБРАЖЕНИЯ ЖИВОТНЫХ СО СТОЯНКИ МАЛЬТА
ПОД ИРКУТСКОМ.

вверху — контур тела мамонта, выгравированный на пластине из бивня мамонта,
внизу — скульптурные амулеты в виде птиц, сделанные из бивня мамонта

очень обычны, а мамонтов — сравнительно редки. На территории СССР соотношение тех же сюжетов несколько иное.

После того как вымерли мамонт, овцебык и носорог, возросло значение уцелевших крупных зверей. В северной полосе это был лось, в южной — бык. Быков изображали на скалах

Рис. 6. БЫКИ — ГРАВЮРА НА СТЕНЕ ПЕЩЕРЫ НА ВЕРХНЕЙ ТЕРРАСЕ
ГОРЫ БЕЮК-ДАШ В КОБЫСТАНЕ

Каменной могилы под Мелитополем³, Кобыстана в Азербайджане (рис. 6), ущелья Зараут-сай в Узбекистане (пещера Зараут-Камар) (рис. 7), лосей — на гранитных берегах Онежского озера и реки Выг на Белом море (рис. 8), на утесах Лены (рис. 9, 10) и Ангары. Известны и скульптуры лосей из кости в Базаике (рис. 11) и на острове Жилом в Сибири и из дерева — в Шигирском и Горбуновском торфяниках на Урале. Лосиные головы увенчиваются рукоятиями костяных кинжалов и жезлов из Олениостровского могильника на Онежском озере⁴. Когда на юге выбили и быков, на камнях стали высекать схематические фигуры оленей и горных козлов.

Изображений птиц — графических и скульптурных, в камне, кости, глине и дереве, особенно много в неолите⁵. Это понятно. Пернатые были недоступны для копий и дротиков палеолитического человека.

Итак, все как будто бы подтверждает полное соответствие сюжетов древнейшего искусства эволюции хозяйства в каменном веке. Но это не совсем верно. Этнография свидетельствует, что

в жизни первобытных народов громадную роль играет собирательство. Пока мужчины охотятся, женщины, дети, старики бросят в поисках грибов, ягод, злаков, птичьих яиц и моллюсков. Если мужчины вернутся с пустыми руками, от голода племя не погибнет. И вот эта сторона деятельности людей в искусстве почти не отражена. Правда, несколько палеолитических рисунков растений, всегда с очень разветвленной корневой системой (ведь собирателя прежде всего интересовали съедобные коренья), есть во Франции, но дальше к востоку — их нет нигде.

Как только появились рыболовные сети и крючки, в экономике лесной и таежной зон охота сразу же отошла на второй план. Однако на неолитических петроглифах Онежского озера изображения рыб составляют менее одного процента (четыре из

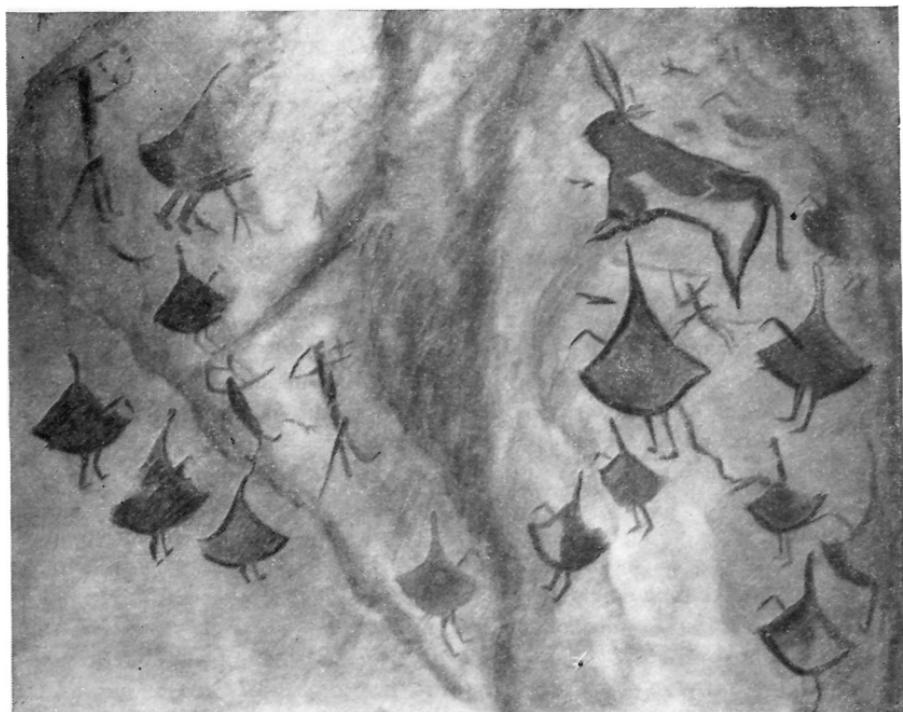

Рис. 7. СЦЕНА ЗАГОННОЙ ОХОТЫ, НАПИСАННАЯ КРАСНОЙ КРАСКОЙ
НА СТЕНЕ ПЕЩЕРЫ ЗАРАУТ-КАМАР В УЗБЕКИСТАНЕ

пятисот)⁶. Сходные цифры можно привести и для писаниц Сибири и Урала.

Дело, видимо, в том, что убить мамонта, быка, лося было очень нелегко, а набрать мешок грибов или наловить рыбы в какой-нибудь заводи гораздо проще. Страстное желание победить большого сильного зверя и вдоволь накормить мясом всю свою общину проявлялось в заклинаниях, магических обрядах, в монументальных наскальных рисунках и в мелких скульптурах. Более обыденные, менее сложные занятия не получили такого отзыва в искусстве.

На костяной бляхе с палеолитической стоянки Мальта выгравированы извивающиеся кобры. Змей из кости археологи нашли в неолитическом Олениестровском могильнике и в Тырвала в Эстонии⁷, из дерева — в Горбуновском торфянике. В той же Мальте много костяных амулетов в виде гусей или лебедей (рис. 5). До изобретения лука систематически охотиться на них не могли, и птичьих костей на стоянке — единицы. Вероятно, в змеях и лебедях художника привлекало совсем не то, что в мамонте, — не мясо, шкура и сухожилья. Прилетающие и улетающие в определенные сроки красивые белые птицы, впадающие в спячку и вновь возрождающиеся, сбрасывающие кожу и наносящие смертоносные укусы змеи вызывали какие-то другие ассоциации.

Искусство каменного века не откликнулось на целый ряд практических запросов той эпохи, вдохновляясь подчас сугубо «бесполезными» темами. Так или иначе главным объектом творчества палеолитического, мезолитического и неолитического времени были звери. Звери, а не люди.

В пещерной палеолитической живописи Франции нет или почти нет изображений людей. Среди сотен мамонтов, лошадей, бизонов, оленей крайне редко попадаются фигуры, в которых можно заподозрить что-то человеческое. Только заподозрить, не более. Иногда это предельные схемы, вроде линии с утолщением на одном конце, иногда какие-то обезьяны морды или фигуры с человеческим корпусом, но с головою животного. Все это совершенно не сопоставимо с реалистическими рисунками мамонтов или оленей. Одни ученые видят в этих существах охотников, совершающих магические обряды в особых масках, другие — считают, что это персонажи мифов и легенд (рис. 12)⁸.

Примем для проверки первую интерпретацию и представим себе древние религиозные церемонии. Когда палеолитический

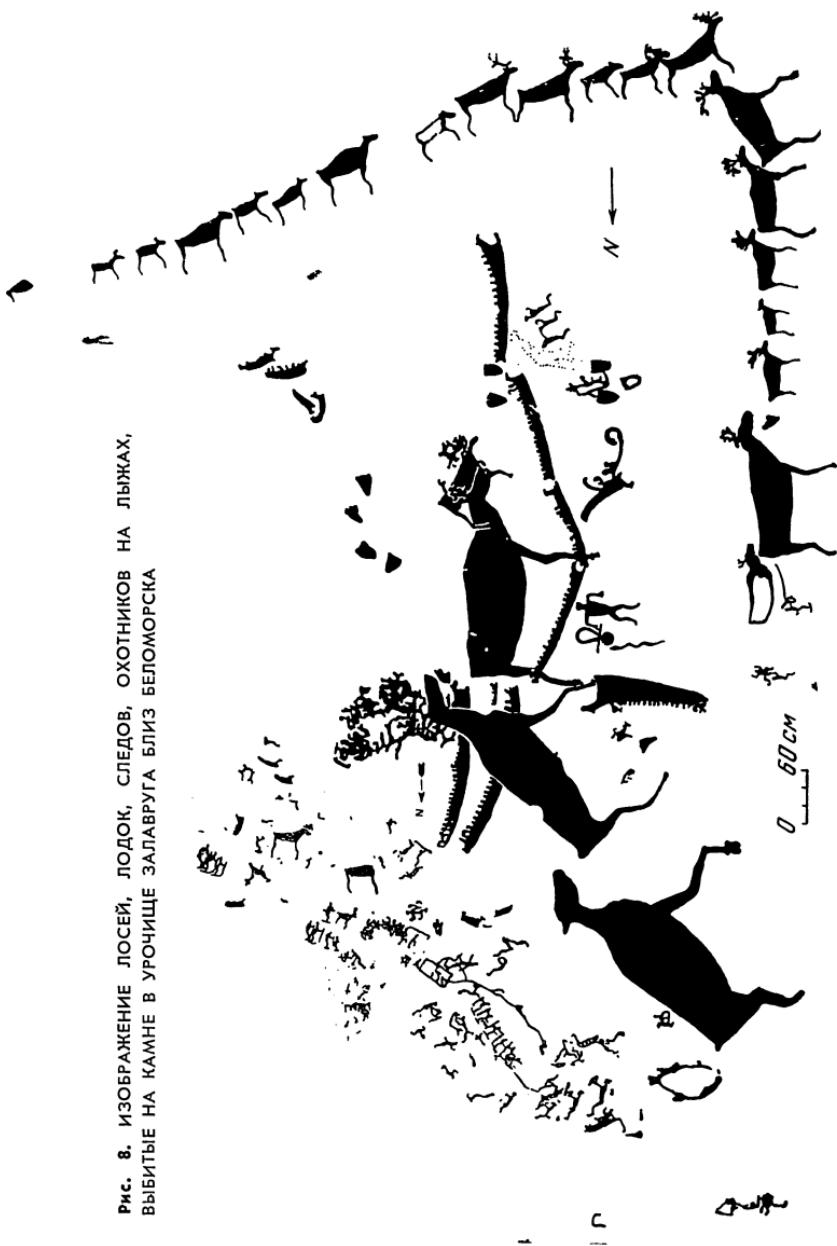

Рис. 8. ИЗОБРАЖЕНИЕ ЛОСЕЙ, ЛОДОК, СЛЕДОВ, ОХОТНИКОВ НА ЛЫЖАХ,
ВЫБИТЫЕ НА КАМНЕ В УРОЧИЩЕ ЗАЛАВРУГА БЛИЗ БЕЛОМОРСКА

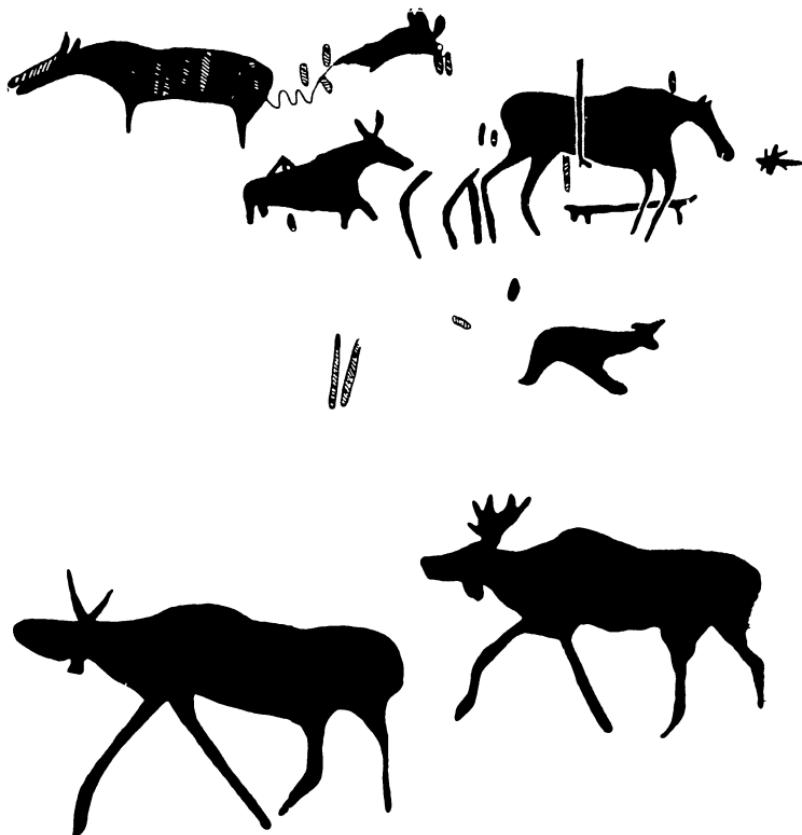

Рис. 9. ИЗОБРАЖЕНИЯ ЛОСЕЙ НА СКАЛАХ БЛИЗ Д. ШИШКИНО НА ЛЕНЕ, ВЫПОЛНЕННЫЕ ТЕХНИКОЙ ПРОТИРАНИЯ В КАМНЕ

колдун танцевал, одев ритуальную маску, окружающие забывали, что это их родич, член той же самой общины. Перед их глазами вставал какой-то другой образ. Этнографы описали восходящие к каменному веку мистерии у племени ведда на Цейлоне. Пение гимнов и священные пляски перемежаются с мольбами о помощи на охоте, обращенными к духу Яку. Роль духа исполняет жрец, но все зрители и даже сам «актер» верят, что к ним снизошел всемогущий Яку⁹. Значит, предположение о том, что загадочные уродцы из Труа Фрер, Комбарелля и других пещер — это люди в масках, не противоречит второй

гипотезе о духах со смешанными звериными и человеческими чертами.

Странные личины Комбарелля, аналогичные им скульптурные головки из Костенок I, неизвестное существа на рельефе из днестровской стоянки Молодово, с длинной шеей, без рук и на коротких ножках¹⁰ — отнюдь не портреты наших предков. Кроманьонцы, заселившие весь Старый свет, одолевшие мамонта, научившиеся строить жилища, создавшие живопись и скульптуру, разумеется, не были такими страшилками.

Анималист нового времени невольно очеловечивал животных. Жерико не избежал этого даже в зарисовках с натуры (рис. 13). А Дюрер в наброске по памяти заставил мартышек веселиться, словно крестьяне где-нибудь в Баварии¹¹. Палеолитический художник не очеловечивал зверей, а, так сказать, «озвевривал» самого себя. Начало обратного процесса можно проследить на материалах египетского и месопотамского искусства. Додинастические боги-животные постепенно антропоморфизируются: богиня-кошка превращается в богиню Бастет, сокол — в Гора, собака — в Анубиса, корова — в Хатор, львица — в Сохмет. На иллюстрациях к неведомым нам басням, украшающих арфу из Ура, шакал, осел, лев, лиса и медведь ведут себя точно шумерские горожане¹².

У некоторых племен, оставшихся охотничими уже в послепалеолитическое время, среди наскальных изображений тоже нет или почти нет человеческих фигур. Таковы сибирские неолитические писаницы. В бушменской живописи композиции с участием людей хронологически самые поздние, а в искусстве пигмеев их нет вовсе. У других охотничих народов, например у хантов и манси, людей рисовали, но всегда крайне условно — в виде палочки с точкой на конце. Олени в резьбе обских угров выглядят иначе: при всем схематизме они живее и выра-

Рис. 10. ГОЛОВА ЛОСЯ, ВЫПОЛНЕННАЯ ТЕХНИКОЙ ПРОТИРАНИЯ В КАМНЕ д. ШИШИНО.

зительнее¹³. Попав в Кобь стан или посетив Зарайт-Камар, мы удивимся примитивности если не беспомощности в изображении фигур лучников рядом с безупречными силуэтами диких быков (рис. 7).

Во многих книгах по первобытному искусству большое значение придается палеолитическим женским статуэткам. Они, действительно, весьма любопытны, но их ничтожно мало по сравнению с изображениями животных. Кроме того, так называемые Венеры типичны лишь для одного из этапов палеолита, притом для достаточно ограниченной территории. Это — краткий эпизод в истории культуры. Присмотревшись к статуэткам, мы заметим, что у них очень часто нет ни глаз, ни носа, ни рта, ни ушей, хотя некоторые детали выполнены со всей тщательностью. У лучшей «Венеры» из Костенок I — перевязь вокруг

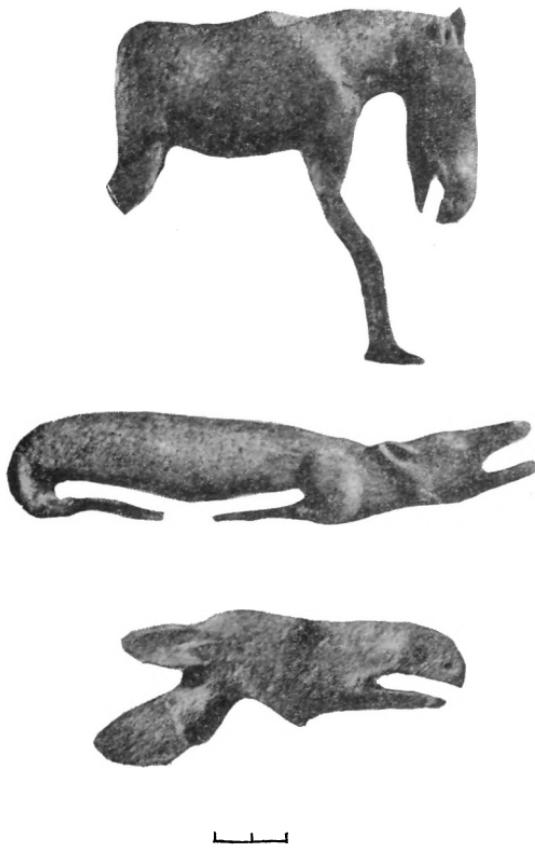

Рис. 11. КОСТЯНЫЕ СКУЛЬПТУРЫ ГО ПОГРЕБЕНИЯ В БАЗАИХЕ

талии, на голове шапочка, но вместо лица только гладкий овал (рис. 14). Нет лиц и на маленьких скульптурах из Авдеева, из Гагарина на Дону и из стоянок Западной Европы Виллендорф, Долни Вестоницы, Леспюг, Савиньяно, Ментона.

То же можно сказать и о мелкой пластике более поздней энеолитической эпохи. На глиняных трипольских фигурках III тысячелетия до н. э. из Правобережной Украины голова нередко передается в виде конического выступа, тогда как тело украшает богатый вычурный орнамент, обозначающий одежду или татуировку¹⁴. Такие же глиняные идолы есть на энеолитических поселениях Средней Азии и Кавказа.

И наскальные рисунки, и статуэтки помогают нам уловить самое существенное в первобытном мышлении. Духовные силы охотника направлены на то, чтобы постичь законы природы. От этого зависят и жизнь, и благосостояние общины. Охотник до тонкостей знает все повадки, все оттенки поведения зверей, по чьим следам он ходит год за годом. Именно поэтому художник каменного века сумел так убедительно показать на гравюре из Мальты величаво шествующего мамонта (рис. 5), на камнях Кобыстана — настороженно застывших лошадей и мирно пасущихся быков, а в Зараут-Камаре — быка, испуганно пятящегося от дождя стрел и копий (рис. 7). Мир внутренний, сам человек, не пользовался таким вниманием, как внешний мир. Поэтому нет

ЛОСЕЙ ИЗ НЕОЛИТИЧЕСКО-
ПОД КРАСНОЯРСКОМ

— — —

изображений людей в пещерной живописи Франции, и так безлики в полном смысле этого слова палеолитические скульптуры.

Когда мы говорим о воплощении образа человека в искусстве, мы неминуемо вспоминаем римский портрет, картины мастеров Ренессанса, XVII столетия или импрессионизма. Но портретному жанру очень мало лет. Он сложился на древнем Востоке, как по всей вероятности и наше восприятие лица («глаза — зеркало души»). Недаром египтяне верили, что статуи и саркофаги обретают душу в ту минуту, когда на них вырезают глаза и губы. Был даже специальный ритуал «отверзания уст и очей»¹⁵.

От возникновения цивилизации на Ниле и Евфрите до наших дней прошло около пяти тысяч лет. Еще на семь тысяч лет раньше нужно выделить другой важный рубеж — мезолитическое время. К нему относятся композиции со сценами охоты на быков в Зараут-Камаре и Кобыстане и испанские росписи Леванта, где мы видим десятки стройных гибких человеческих фигур, танцующих, сражающихся друг с другом, подкрадывающихся к добыче, преследующих оленей и т. д. Появление этих сюжетов можно поставить в связь с изобретением лука, изменившего всю систему охоты. Из однородной толпы загонщиков выдвинулись стрелки, прославившиеся своей меткостью и удачливостью, зачастую отправлявшиеся на промысел уже в одиночку. Активность человека возросла и это нашло отражение в духовной жизни. Конечно, перед нами лишь робкий намек на будущие откровения. Лучники в Кобыстане или Зараут-Камаре похожи друг на друга, как две капли воды. Индивидуальных характеристик нет и в помине. Да и образ зверя в мезолите все еще продолжал господствовать в живописи и скульптуре.

Затем, в эпоху неолита и бронзы, в ряде районов искусство свелось к орнаментации и примитивнейшим глиняным статуэткам. Регрессом и шагом назад считают эту эпоху многие искусствоведы. Между тем вполне закономерно, что с освоением земледелия и скотоводства охота потеряла свое значение и был утрачен интерес к зверю. Интерес к человеку едва зарождался. В результате у земледельческо-скотоводческих племен нет реалистических изображений ни людей, ни животных.

Но вернемся к палеолиту. Как известно, открытие пещерных росписей было встречено наукой конца XIX века с подозрительностью и сомнениями. Потребовалась длительная работа по сбору новых фактов, по обследованию новых пещер,

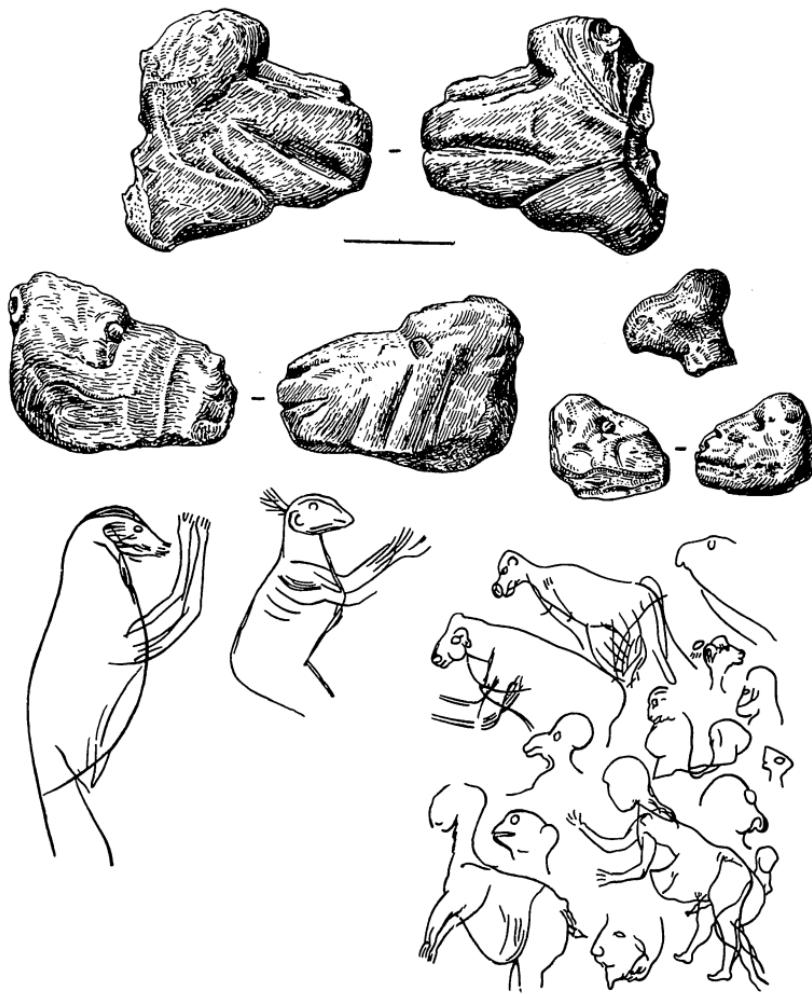

Рис. 12. АНТРОПОМОРФНЫЕ СКУЛЬПТУРНЫЕ ГОЛОВКИ ИЗ МЕРГЕЛЯ
СО СТОЯНКИ КОСТЕНКИ I НА ДОНЕ (ВВЕРХУ) И АНТРОПОМОРФНЫЕ
ИЗОБРАЖЕНИЯ НА СТЕНАХ ПЕЩЕР КОМБАРЕЛЬ ВО ФРАНЦИИ
(ВНИЗУ СПРАВА) И АЛЬТАМИРА В ИСПАНИИ (ВНИЗУ СЛЕВА)

прежде чем рассеялись все недоумения. Позиция скептиков была вполне естественна. Они воспитывались на лекциях о развитии ваяния в Греции от архаических курсов до Мирона, Фидия и Праксителя и на скудных отрывочных сведениях об Египте и Ассирии. Казалось логичным предполагать, что греческой архаике и ранним египетским статуям предшествовали еще более простые формы. Бизоны из Альтамиры никак не подходили под это определение.

Археологические данные перечеркнули традиционные положения старой эстетики. Теперь уже все понимают, что эволюция искусства чрезвычайно сложный процесс. Периодов упадка в нем не меньше, чем взлетов, а прямая преемственность отмечается довольно редко. Палеолит и мезолит знаменуют собой первый взлет в истории живописи, графики и скульптуры на территории нашей страны. Мы не раз упоминали гравировки на скалах Кобыстана. Нельзя не восхититься той уверенностью, той остротой глаза, с какой мезолитический человек одной линией, буквально не отрывая резца от камня, очерчивал контур тела дикого быка — туры рога, массивный круп, мощную холку. Все второстепенное опущено, у каждого животного только две ноги, но этот строгий рисунок оставляет глубокое впечатление (рис. 6).

Подержим в руках статуэтку мамонта из Авдеева. Она идеально вписывается в круг. Пропорции слоновьей туши из-за этого неизбежно искажены, но скульптура нисколько не проиграла в своей выразительности. Все решают три-четыре детали — горбатая спина, маленькие глазки, плотно прижатый к ногам хобот и короткий хвост зверя-великана. Фигурка изготовлена из кости с таким расчетом, чтобы на поверхность выступало губчатое вещество. Костяные «Венеры» из Авдеева на ощупь совсем другие — они заполированы до блеска. Видимо, с помощью фактуры скульптор хотел передать мохнатую шкуру мамонта (рис. 4) и гладкую кожу женщины.

И какой бы памятник искусства мы ни взяли — изящную статуэтку куропатки из Мальты¹⁶ или целое семейство лосей из Базаихи, — всюду чувствуется мастерство древнего художника, скромными, точно отобранными штрихами раскрывавшего самое главное в образе животного.

Мы часто недооцениваем наших пращурров. Разумеется, за те тысячи лет, что прошли после палеолита, а в особенности за последние два века, люди узнали неимоверно много. Но по мере того, как увеличивался объем знаний, некоторые из них,

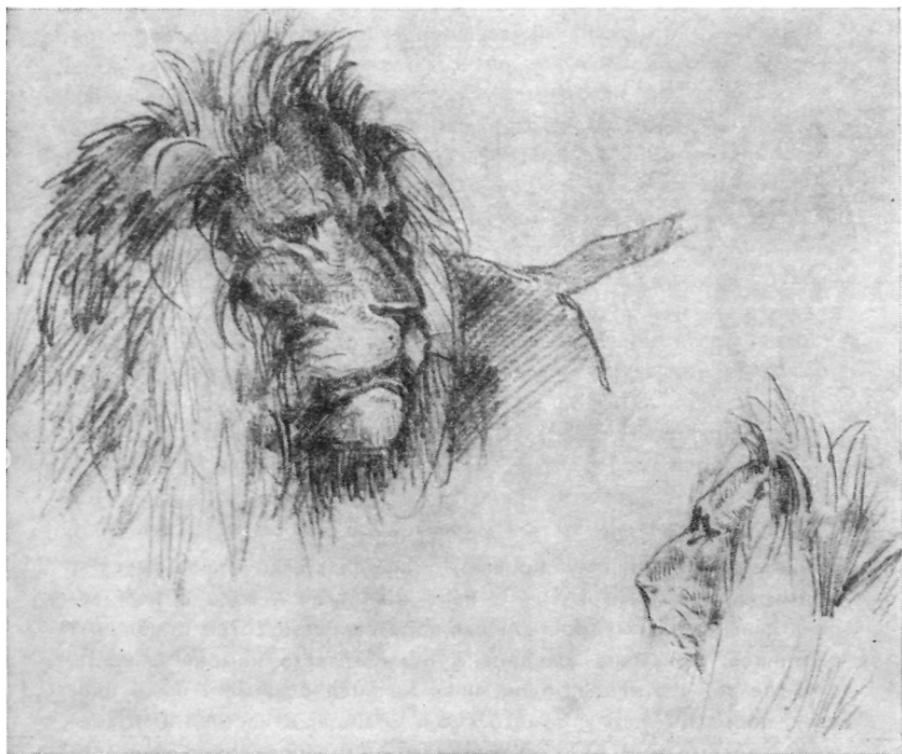

Рис. 13. Т. ЖЕРИКО. ГОЛОВЫ ЛЬВОВ. РИСУНОК

необходимые раньше и потерявшие значение теперь, утрачивались. Кое-что забыто всем человечеством — пример тому — секреты всевозможных средневековых ремесленников, еще больше — подавляющей массой его представителей. Никто из нас не сумеет сделать каменные орудия даже простейшие — древнепалеолитические. Собиратели Австралии различали до 240 видов растений, 93 вида моллюсков и 23 вида рыб, пригодных для пищи¹⁷. Вряд ли просвещенный горожанин да, в конце концов, и крестьянин перечислят десятую часть этих трав и раковин.

Точно так же редкостью стало знание психологии и анатомии зверя, безусловно, немало способствовавшее успехам скульпторов и живописцев каменного века. Чем ближе знакомишься с искусством этой эпохи, тем чаще поражаешься его

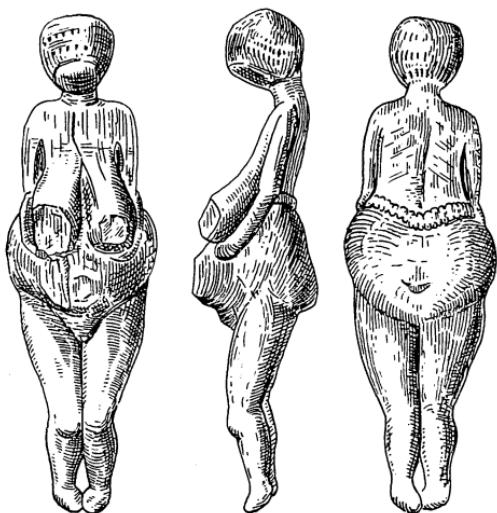

Рис. 14. СТАТУЭТКА
ИЗ БИВНЯ МАМОНТА
СО СТОЯНКИ КОСТЕНКИ I

удивительно высокому уровню, причудливо сочетающемуся с примитивизмом. Но иначе и быть не могло — ведь в нем запечатлены сразу мудрость и наблюдательность сотен поколений охотников, привычка ежедневно обрабатывать камень и кость, а также то, что наш предок лишь начинал осваивать свою планету, постигать мир и самого себя. Отсюда, в частности, и свежесть восприятия, не осложненного, не засоренного постоянной оглядкой на какие-то апробированные образцы.

В XIX веке открытия во французских пещерах были еще предметом спора. В нынешнем столетии целая плеяда художников бросилась в другую крайность, провозгласив первобытное искусство недосягаемой вершиной, целью, к которой нужно стремиться. Это, конечно, ошибка. Так, как кроманьонцу, сейчас действительно, никому не нарисовать бизона или оленя, но что из этого следует? В одной, в общем весьма ограниченной сфере палеолитический человек добился очень многоного, зато скольких же областей бытия для него попросту не существовало.

Попытаемся подойти к нашей теме исторически, отмечая и то, что уже было завоевано, и то, что только зарождалось, и то, чего еще не было вовсе.

Памятники первобытного искусства распределены по Старому Свету весьма неравномерно. Как и в античности или в новое время, в ту отдаленную эпоху искусство не везде занимало одинаковое место в жизни общества. Классические пе-

щерные святилища — Альтамира, Ляско, Нио, Фон-де-Гом сконцентрированы в западной половине Франции и в Испании. Люди, расписавшие их, к заключительной — мадленской стадии палеолита уже владели полихромией и могли передать красками форму и объем. Обитатели Русской равнины и Сибири даже в мезолите и неолите не достигли ничего подобного. Правда, отставали они только в живописи. Мелкая пластика и орнаментация были у них не ниже, чем во Франции.

Иную картину увидим мы на Черноморском побережье Кавказа. Пещерные поселения близ Сочи и Адлера, в Грузии и Абхазии изучены очень хорошо. Из этих пещер в музеях хранятся тысячи кремневых орудий и костных остатков животных. Но среди костей нет ни статуэток, ни пластинок с гравюрами и рельефами. Есть лишь два-три обломка с нарезками, и это все. Только один из них — из грота Гварджилас-клде заслуживает упоминания. На нем с двух сторон вырезаны линии с овалами на концах. Гравер очень старался, чтобы с каждой стороны было по семь линий, но, не рассчитав размеры орнаментального поля, вынужден был на одном из его краев расположить черточки чаще, чем на противолежащем¹⁸. Что это, если не символика чисел, приписывающая особый смысл цифре семь? Вот лишенное доказательство того, как сложно мировоззрение каменного века.

И в неолите Восточное Причерноморье отличалось от других областей. Там совсем не украшали глиняные горшки, тогда как повсюду их стенки покрывали обильным расписным или штампованным узором.

В Западной Европе у людей, создавших шедевры пещерной живописи, тоже были соседи, мало интересовавшиеся искусством. Почти все росписи, рельефы и статуэтки связаны со стойбищами орињакского и мадленского типа. На солютрейских поселениях таких находок мало. Зарубежные археологи думают, что носители культуры солютре, изготавливавшие изумительные по тщательности обработки кремневые листовидные наконечники копий, были слишком увлечены совершенствованием каменных орудий, чтобы уделять много внимания искусству¹⁹.

Попробуем применить это к Кавказу. Здесь раньше, чем на Русской равнине, распространились вкладышевые наконечники дротиков — костяные и деревянные стержни с пазами, куда вставлялись кремневые лезвия. Так что и тут налицо быстрые темпы развития техники наряду с пренебрежением

к изобразительной деятельности. Выходит, что уже в палеолите как и в более близкие к нам годы, одни общества сосредотачивали все свои силы на техническом прогрессе, забывая о духовной культуре, а другие — ради нее были готовы пожертвовать даже насущными практическими нуждами. Иными словами, утилитаризм, подавляющий искусство, характерен не только для определенных периодов истории, но и для отдельных стран и районов.

Не будем, однако, настаивать на этом выводе. По тому, что дошло до нас, нельзя получить полное представление о жизни палеолитических охотников. Никак не исключено, что на Кавказе или у солютрецов процветали музыка, пение, танец. Вспомним, что Франция — родина великих поэтов, писателей и художников не может похвастаться такой же когортой выдающихся композиторов. Напротив, Германия внесла в сокровищницу мировой живописи меньше Франции, но обогатила человечество многими замечательными музыкальными произведениями.

Время безжалостно уничтожало здания, фрески, изваяния, но некоторые из них все же дошли до нас. К музыке оно было поистине беспощадно. Вся античная литература по эстетике выдвигает на первый план не скульптуру, не архитектуру, а именно музыку. Для нас же искусство Греции и Рима — это храмы и статуи. Гимны и хоралы, звучавшие около них, умолкли навсегда. Акценты сместились. Что же говорить о меподиях еще более глубокой древности! Все, чем мы располагаем, это пара десятков костяных флейт-трубочек с рядом отверстий, а иногда наборы трубочек разной длины без отверстий, так называемые флейты пана. Обычные флейты нашли на палеолитической стоянке Молодово, на окском неолитическом стойбище Черная гора и в Грузии на энеолитическом поселении Гудабертка, а составные — в могилах III тысячелетия до н. э. в Прибайкалье, Поволжье и Приазовье²⁰.

Как бы там ни было, отношение палеолитического человека к художественному творчеству отличалось многообразием: кое-где ему уделялось огромное внимание, кое-где — совсем ничтожное, или, согласно другой интерпретации, кое-где популярностью пользовались пластические искусства, кое-где — «музыкальные». Никакой зависимости этих различий от особенностей хозяйства в тех или иных районах установить не удается. Всюду люди занимались охотой на крупных стадных млекопитающих.

Выявляется и еще одна закономерность. Как и в позднейшие эпохи — в культуре майя, например, в палеолите центры монументального искусства были обособлены от центров, где изготавливали маленькие скульптуры и предметы с орнаментом. В Польше, Чехословакии, Румынии, Венгрии и СССР обследованы сотни пещер и стоянок в гротах и навесах под скалами, но палеолитические росписи обнаружены лишь в одном пункте — в Каповой пещере в Башкирии.

Иное дело небольшие фигурки людей и животных, костяные орудия и украшения с гравировкой. И Западная, и Средняя, и Восточная Европа, а также и Сибирь дали первоклассные образцы этого искусства малых форм.

В противоположность наскальным изображениям оно имело много точек соприкосновения с производством. Авдеевские «Венеры» или лошадка из Сунгира были такими же поделками из кости, как и лощила, иглы и проколки. Показательно, что эти миниатюрные скульптуры по своим размерам совпадают с кремневыми орудиями. Можно даже заметить, что на стоянках Мальта и Гагарино, где предметы из камня сравнительно мелкие, столь же невелики и статуэтки, а большего размера они там, где и орудия покрупнее — в Авдееве и Констанках I. В распоряжении палеолитического человека были колоссальные бивни мамонта, но мастер, вырезавший фигурки, интуитивно подгонял их под привычный масштаб, тот же, что и у резцов, скребков и пластин. И впоследствии неолитические медведи и уточки из кремня копировали по размерам каменные наконечники стрел. Длина палеолитических статуэток и орудий колеблется как раз в пределах захвата руки — от 2 до 17 см. При создании наскальных росписей на таком узком пространстве художник был стеснен в движениях, и фигуры животных в пещерах обычно не меньше полутора-двух метров, а иногда, как в Ляско, даже и до трех метров в длину. В самом процессе украшения стен пещерных святилищ, отнюдь не служивших местом поселения, было мало общего с работой скульптора над костью, постоянно использовавшейся и для бытовых надобностей²¹.

Два вида палеолитического искусства во Франции развивались параллельно, бок о бок. Так ли это было на Урале, мы не знаем. Центральная и Восточная Европа пока что представляются нам царством мелкой пластики. В дальнейшем стилистический анализ позволит, наверное, выделить внутри этой обширной области какие-то варианты. В Чехословакии архео-

логи обнаружили статуэтки из обожженной глины и печь, где их прокаливали. В других районах до неолита никакой керамики не было. Мезин на Черниговщине знаменит геометрическим меандровым орнаментом на кости. В остальных частях Европы меандр появился только в эпоху бронзы. Исследователи пытаются сейчас нащупать стилевые различия между памятниками искусства из Костенок на Дону и из одновременных деснинских стоянок.

Мы вправе предположить, что редкое в древнекаменном веке население Европы распадалось на сотни замкнутых мирков, и в любом из них мог возникнуть свой неповторимый облик материальной и духовной культуры. Но человеческая психология едина, и круг наших идей в конечном счете не так уж велик.

Еще в палеолите перед людьми встал вопрос, что делать с мертвыми. В большинстве родовых общин их хоронили прямо на стоянках, среди домов живых. Подобные могилы изучены в Мальте близ Иркутска, в Сунгире, в Костенках II, XV и в Маркиной горе на Дону. В других случаях покойников зарывали в стороне от поселений. Таковы погребения в Александровском логу в Костенках и около Брно в Чехословакии. То же и в мезолите: ямы со скелетами в жилах крымских пещерах Мурзак-Коба и Фатьма-Коба и могильники на Днепровских порогах. То же и в неолите: костяки на стоянках Кубенино, Языково и огромный могильник на удаленном от стойбищ Оленьем острове.

И позднее люди искали или избегали соседства с усопшими. По рассказу Платона, Ликур повелел хоронить граждан своего идеального государства в самом полисе, чтобы дети и юноши чаще смотрели на траурные процесии и привыкали к мысли о смерти. Римляне, наоборот, строили гробницы далеко за городской стеной и могли годами их не видеть.

Всюду люди размышляли над одним и тем же вопросом, но решений было немного, и не менее чем двадцать тысяч лет назад они нашли оба наиболее распространенных ответа. И так почти во всем. Специфические черты идеологии той или иной общинны улавливаются иногда и при раскопках, но сами эти черты, как правило, нам знакомы. Они уже зафиксированы в каком-нибудь из уголков Старого Света. Оригинально лишь нестандартное сочетание известных явлений.

Но мы отвлеклись от нашей основной темы. Помимо обосновления области пещерных росписей от области с пре-

обладанием мелкой пластики, важно другое обстоятельство. Существовали комплексы произведений искусства в пещерах-святилищах и искусство в каждом доме, так сказать, вошедшее в быт. У нас пример первого — Капова пещера без всяких признаков культурного слоя, а второго — землянки Костенок I, где среди сломанных орудий и расколотых при добывании мозга костей попадаются статуэтки и вещи с орнаментом.

Отметим и дифференциацию между скульптурой и рельефом, гравюрой и живописью, и освоение приемов обработки таких непохожих материалов, как кость, глина, камень, а, вероятно, и дерево.

В качестве курьеза упомянем еще применение в искусстве чего-то вроде фокуса. В дни наших прародителей были модны портреты, которые, куда бы ты ни отошел, все равно направляли на тебя свои глаза. Этот трюк, для искусства вовсе не нужный, но в какой-то мере увеличивающий его воздействие на публику, изобрели не в XIX и не в XVIII веке. Статуи крылатых быков, стоявшие у врат Ниневийского дворца, были сделаны так, что входившему казалось, будто каменные стражи повернулись к нему, едва он вступил в царские чертоги²². Сходный кунстштук придумал в Костенках I палеолитический мастер, вырезавший из бивня мамонта женские статуэтки. Если взглянуть на них спереди, не сомневаешься, что их руки закинуты за спину, а если перевернуть статуэтку, создается иллюзия, что они сложены на лобке. В действительности руки — это всего лишь короткие валики, оканчивающиеся где-то около талии (рис. 14)²³.

Можно было бы и дальше продолжать сравнение палеолитического искусства с современным и еще не раз воскликнуть: «ничто не ново под луной», но пора сказать и о том, чего же не знал художник каменного века. Мы уже говорили, что в ту эпоху еще не было портрета и постарались объяснить почему. Гораздо удивительней равнодущие ко всему окружению зверя и человека. Люди, облюбовавшие для поселений живописные мысы на берегах спокойных русских рек и пещеры среди причудливых скал, на охоте прятавшиеся в зарослях, перевалившие через снежный Кавказский хребет, собиравшие съедобные ракушки на берегу Черного моря, нигде не поделившись с нами своим впечатлением от ландшафта. Зависевшие буквально во всем от природы, без труда ориентировавшиеся в ее жизни с помощью всевозможных примет,

они жестоко ограничили себя в творчестве, снова и снова рисуя мамонтов, лошадей и бизонов.

Прошли тысячетия, а пейзаж все еще был в зародыше — и на росписях египетских гробниц, и на помпейских фресках. Уже в XV веке Боттичелли заявлял: «достаточно бросить губку, наполненную различными красками, в стену, и она оставит на этой стене пятно, где будет виден пейзаж»²⁴. Тогда же другой классик Ренессанса, Микеланджело, утверждал, что предмет истинного искусства — человеческое тело, а все прочее — удел второразрядных художников, утешение для мелких талантов.

Только в XVII столетии в Голландии, а главным образом в XVIII—XIX веках пейзаж оформляется как особый жанр. Его основоположники Рейсдалль, Лоррен, Коре и другие были людьми городскими, смотревшими на поля и леса со стороны, лишь в мечтах ощущавшими себя неотрывной частью «натурь». Но это, по всей вероятности, и требовалось, ибо раньше, когда человек сливался с природой, он не смог воспеть ее ни в красках, ни в графике. Интересна мысль Д. И. Менделеева о том, что развитие пейзажа идет рука об руку с эволюцией естественных наук. Долгое время люди надеялись, познав самих себя, найти ключ ко всем тайнам бытия. Потом они разуверились в этом и лишь тогда принялись за изучение природы²⁵. Следовательно, человечеству нужно было преодолеть длительный путь философских исследований, прежде чем возникновение пейзажа стало неизбежным. В нем переплетаются и наблюдения над природой поколений естествоиспытателей и настроения, вызванные ею в душе художника. Одним словом, пейзаж очеловечен.

В первобытном искусстве нет не только ландшафтного, но и какого-либо другого фона. Нет и обязательного для нас обрамления. Фигуры мамонтов, лосей, быков свободно разбросаны по скальной стенке. Под ними не проведена даже символическая линия земли, и они как бы висят в воздухе (рис. 3). На неровном, изогнутом и изломанном потолке пещер звери размещены иногда в самом неожиданном, на наш взгляд, положении: вниз головою или боком. До египетских и месопотамских фризов сколько-нибудь упорядоченных композиций, вписанный в рамки, занимающих четко очерченное пространство, не было никогда.

С этим можно сопоставить любопытную особенность некоторых костяных и каменных амулетов в виде людей и животных. Лошадка из Сунгира, лебеди и женские фигурки из

Малты (рис. 5) да и отдельные энеолитические статуэтки (например, из Нальчикского могильника III тысячелетия до н. э.) подвешивались на шнурке вверх ногами²⁶. Очевидно, восприятие произведений искусства в древности было совершенно иным, чем сейчас. Многие въевшиеся нам в плоть и в кровь условности и правила выработались позже и не стесняли еще первобытного художника.

Кроме мадленцев, обитавших во Франции и Испании, в палеолите никто не умел передавать форму и объем средствами живописи. Вскоре этот прием был забыт и на Западе, а в других районах о нем не знали ни в мезолите, ни в неолите. В наскальных рисунках на территории Советского Союза — будь то росписи Зараут-Камара, гравировки Кобыстана или выбитые точечными ударами петроглифы Карелии — силуэты людей и животных стелются как ковер по поверхности камня. Все они двухмерны и начисто лишены объема. Отсутствует и перспектива. Равновеликие, почти всегда профильные изображения лежат в одной плоскости и нелегко решить, какие из них дальше от зрителя, а какие ближе к нему. Чаще всего передний план — внизу, а задний — наверху.

Палитра каменного века бедна: в ней четыре основные краски: черная, белая, красная и желтая. Две первые употреблялись довольно редко. Все наскальные росписи в СССР выполнены охрой разных оттенков. И как ни выразительны создания палеолитического человека, рассматривая их, чувствуешь, что тебе недостает какого-нибудь синего пятна, вроде плаща у ангела на рублевской «Троице» или пейзажа в окнах «Мадонны Литта».

Синюю и зеленую краски на территории СССР не применяли и в эпоху бронзы. Не прибегали к ним и в классической Греции раньше IV века до н. э., а на Боспоре, в Северном Причерноморье, и еще дольше. Уже Аристотель цитировал Гераклита Эфесского: «живопись делает изображения, соответствующие оригиналам, смешивая белые, черные, желтые и красные краски»²⁷. Египет и Двуречье обогнали в этом отношении Грецию на три тысячи лет.

В чем суть этой колористической загадки? Нужно учесть, что синюю и зеленую краски получить труднее, чем остальные. Для тех все было под рукой: для красной и желтой — охра, для белой — мел, для черной — уголь. Между тем даже в средневековой Руси синюю добывали из заморской ляпис-лазури. Поэтому в иконописи ее использовали весьма скруто.

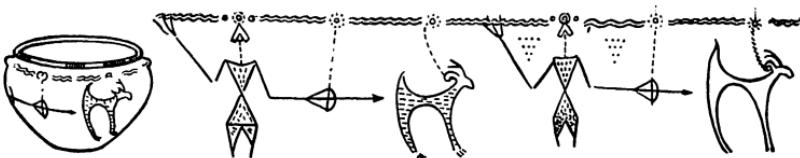
мыми дорогами были синяя и зеленая краски и в Египте. На роспись их накладывали в последнюю очередь²⁸.

Но редкость и дороговизна материалов это еще не все. Куда важнее данные психологии и лингвистики. В языках Западной Африки есть только три термина — «черное», «белое» и «красное». О темно-синем небе говорят — черное, о светло-голубом — белое²⁹. Австралийцы племени Арунта обозначают синий и зеленый цвет тем же словом, что и желтый³⁰. У туркмен «кок» — это и синее и зеленое. Сравнительную молодость этих понятий подтверждает и анализ китайского и древнееврейского языков. По наблюдениям психологов, дети сначала различают цвета зоны длинноволновых раздражителей — красный и желтый — и позднее средне- и коротковолновых — синий и зеленый³¹. Скорее всего наши далекие предки тоже не сразу разобрались в ярком оперении волшебной птицы — земли. Мир был для них более простым, чем для египтян и шумерийцев, совершивших великое открытие — целых два новых тона. Гомер вовсе не кокетничал эффектным эпитетом, называя море у Крита «винноцветным», т. е. не голубым, не синим, не зеленым, а желтоватым. Таким и было ощущение поэта.

Напрашивается оптимистический вывод, что восприятие природы человеком с годами становится полнее. Не увидят ли наши потомки неведомые нам оттенки спектра?

Итак, хотя палеолитические и мезолитические охотники в живописи, графике и скульптуре воплощали образ зверя с замечательным мастерством, очень и очень многое они еще не знали. Кое-чему древнейшим художникам суждено было научиться на более высокой ступени первобытного строя, когда население Европы и Азии освоило земледелие и скотоводство. Но решительные перемены принесла с собою лишь эпоха цивилизации.

ГЛАВА II

ИСКУССТВО ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ, СКОТОВОДОВ И ИХ СЕВЕРНЫХ СОСЕДЕЙ

Искусство эпохи неолита, энеолита и бронзового века на первый взгляд примитивнее палеолитического, но в действительности гораздо сложнее его.

Некоторые приемы древнейших художников сохранялись в творчестве их потомков очень долго. Среди наскальных рисунков II тысячелетия до н. э. в Кобыстане и в Карелии, в Сибири и на Урале немало профильных изображений лосей и оленей, свободно разбросанных по плоскости, словно висящих в воздухе, не касаясь земли. Знакомы нам по палеолитической живописи и иные сюжеты, вроде мифических существ — полулюдей, полуживотных. Но старое всюду сочетается с чем-то новым.

Прежде всего это керамика — глиняные скульптуры женщин, бычков, баранов и бесчисленные сосуды с орнаментом. Их формы и мотивы орнамента в неолите разных областей не похожи друг на друга, так что скорее всего керамику изобрели в нескольких районах. Это изобретение было весьма существенно для искусства. Куда проще нанести узор на глине, чем вырезать его на кости. Гравированные костяные изделия на палеолитических стоянках попадаются редко, тогда как в каждом жилище неолитического периода находят обломки лепных горшков для хранения и приготовления пищи.

Не удивительно, что в эту эпоху украшение бытовых, обиходных предметов достигло высокого уровня. Расписные, штампованные, прочерченные, как бы бегущие по кругу криволинейные и сухие геометрические узоры ритмичны, выразительны, разнообразны.

Стиль петроглифов и мелкой пластики отличался устойчивостью. Орнамент, напротив, крайне подвижен. В Южной Туркмении в культуре Анау (V—II тысячелетия до н. э.) в самом раннем памятнике — Джейтун на желтоватом фоне глиняных чаш темно-коричневой краской проведены простые полукружия — скобки. Позже — в Чопан-Тепе к ним добавились треугольники, в Намазга I — ромбы и шашечные поля. После фазы Намазга II употребляли одновременно черную и красную краски. В поселениях Геоксюрской группы на сосудах рисовали кресты, в Намазга III — козлов, птиц, пятнистых коров. С III тысячелетия до н. э. в Туркмении начали применять гончарный круг, и ремесло быстро подавило искусство. Роспись исчезает. На керамике стадии А трипольской культуры IV—III тысячелетий до н. э. наПравобережье Украины преобладают углубленные прочерченные спирали, на стадии В — трехцветные спиральные росписи, на стадии С — оттиски шнура. В северных районах тоже шли непрерывные поиски новых мотивов декорирования домашней утвари.

Фрески Каповой пещеры и Зараут-Камара монохромны. Теперь зарождается полихромия. В многослойных стоянках культуры Анау этот момент фиксируется особенно четко. Узоры на трипольских вазах или на стенках погребальных каменных ящиков II тысячелетия до н. э. в Крыму выполнены тремя красками — красной, белой и черной.

Изменения захватывают и скульптуру, и наскальные гравировки. В композиции все чаще вносится определенный порядок: изображения размещают на плоскости уже не произвольно, а в строго ограниченных поясах и фризах. В полном соответствии с этим амулеты в виде животных наконец-то закрепляют в привычном для нас положении: головой вверх, ногами вниз¹.

На обширных пространствах Европы и Азии в эпоху бронзы возводят сооружения из огромных камней, так называемые мегалиты — погребальные домики — дольмены, врытые стоймя монолиты — менгиры, круги из валунов или плит — кромлехи.

Далеко не все явления, с которыми мы впервые сталкиваемся в послепалеолитическое время, можно рассматривать

как достижения местного населения. Часть из них свидетельствует о влиянии на родовые коллективы Европы и Азии цивилизаций классического Востока.

В позднем мезолите произошло событие крупнейшего исторического значения. В Передней Азии люди сделали решающий шаг к освоению земледелия и скотоводства. В неолите уже не только на Ближнем Востоке, но и в Египте обработка земли и разведение домашних животных стали основой экономики.

Эволюция обществ, перешедших от присваивающего хозяйства к производящему, была стремительной, абсолютно не сравнимой с медленной трансформацией племен, по-прежнему занимавшихся охотой и рыболовством. Вступил в силу закон неравномерного развития разных районов. К III тысячелетию до н. э. в Египте и Месопотамии складываются древнейшие государства, создаются письменность и литература. В других областях первобытный строй еще не был поколеблен, а о письменности никто и не думал. В северную полосу Европы и Азии не проникли ни земледелие, ни животноводство, и жизнь осталась здесь почти такой же, как в мезолите.

Только спустя тысячелетия население всей Европы поднялось на стадию цивилизации. Неравномерность развития общества не уменьшилась и сейчас. Более того, она непрерывно нарастает. Посланцы России и Америки прокладывают дороги в космос, а в тропических лесах по Ориноко индейцы охотятся с помощью лука и спят под открытым небом, лишь изредка сооружая ветровой заслон из ветвей. Все так, как и тысячи лет назад! С каждым годом наука расширяет наш кругозор, но на земле еще 700 миллионов неграмотных². Две пятых человечества до сих пор не овладели завоеванием культуры пятитысячелетней давности.

Но лишь немногие из этих 700 миллионов не воспользовались никакими другими благами, добытыми за те же пять тысячелетий. Очень немногие народы задержались на уровне неолита. В большинстве случаев в жизни людей причудливо переплетается древнее, уходящее корнями в глубину веков, и новое, сегодняшнее. Неграмотный человек вовсе не обязательно должен бродить по лесу с луком и стрелами. В комфортабельной комнате он может смотреть на экран телевизора и видеть лучшие фильмы и спектакли XX века.

Переплетение старого и нового было достаточно сложным уже в эпоху неолита и бронзы. Обращаясь к памятникам этого

периода, всегда нужно помнить, что на идеологию обитателей нашей страны влияла мудрость древнего Востока. К сожалению, об этом часто забывают археологи и еще чаще — искусствоведы.

Начиная с неолитического времени, область земледелия последовательно расширялась. Соседи первых земледельцев заимствовали у народов Северной Африки и Передней Азии их опыт обработки почвы. В свою очередь от варварских племен, окружавших район древнейшей цивилизации, получали навыки производящего хозяйства жители еще более северных краев. На юге Средней Азии земледелие появилось в V тысячелетии до н. э., на Кавказе — в IV (может быть, и несколько раньше), в степях Европы и Азии — в III, в лесной зоне — только в I тысячелетии до н. э. Так же постепенно, чем севернее — тем позднее, распространялась потом металлургия меди. Осваивая земледелие, животноводство, металлургию, первобытный человек воспринял и отдельные идеи, свойственные Египту и Двуречью. Цель людей была сугубо практическая, но результаты сношений с Востоком оказались многосторонними.

В верховьях притока Кубани — реки Белой — в энеолите, примерно за 2500—2000 лет до н. э., жили племена майкопской культуры. Еще их неолитические предки научились возделывать землю и разводить домашних животных, а в III тысячелетии возник импорт медных вещей на северо-западный Кавказ из Малой Азии и Шумера. На майкопских стоянках больше всего каменных орудий. Среди них вкладыши-сегменты, совершенно мезолитического облика, и характерные для неолита полированные клиновидные топоры. Каменные браслеты, сделанные из галек при помощи выдалбливания с двух сторон, подвески из зубов и челюстей животных выглядят очень архаично. Неожиданной инородной примесью к этому комплексу находок кажутся обнаруженные в погребениях и кладах той же культуры медные долота и кинжалы шумерских типов, бусы из бадахшанского лазурита, анатолийской морской пенки и иранской бирюзы. В Майкопском кургане вместе с треугольным шлифованным топором, кремневыми сегментами и наконечниками стрел в могиле лежали золотые и серебряные сосуды, золотые диадемы с розетками и части богатого балдахина. Более сотни золотых колец и фигурок львов и быков было нашито на его полотнище, державшееся на серебряных трубках с надетыми на них скульптурами бычков. Все это великолепие

попало на р. Белую издалека, пройдя через руки многих посредников.

Геометрические кремневые вкладыши и выдолбленные из галек браслеты плохо вяжутся с медными кинжалами и блестящим золотом балдахином. Столь же необычно скрещение старого и нового в духовной жизни майкопских племен. Каменный топор, зарытый в Майкопском кургане, был при изготовлении умышленно оставлен тупым. Это вызвано страхом первобытного человека перед покойником. Охотники Прибайкалья тоже хоронили сородичей со сломанными стрелами и расколотыми топорами. Неровен час, мертвый выйдет из земли и нанесетувечья кому-либо из живых!

Идеи иного круга воплощают гравировки на серебряных сосудах Майкопского кургана. В стиле шумерского искусства здесь запечатлены популярные на древнем Востоке представления о вселенной, о «трех царствах естества». Так, в долину Белой просачивались не только украшения и медные орудия из Шумера и Анатолии, но и образцы самого передового искусства и мировоззрения той эпохи³.

Третье и начало второго тысячелетия до н. э., когда на юге нашей страны совершился переход от каменных орудий к металлическим, а в степной полосе распространились земледелие и животноводство, были временем широких связей между очень далекими районами. Если на Кавказ привозили бусы из малоазийских и среднеазиатских полудрагоценных камней, то в Приазовье и Нижнем Поднепровье носили ожерелья из кавказского гешира. В Нальчикском могильнике найдены средиземноморские раковины, в погребениях афанасьевской культуры в Минусинской котловине — своеобразные глиняные курильницы, такие же, как и в курганах Предкавказья и Левобережья Украины. Любопытен и горшок с росписью из другого афанасьевского кладбища, необычный для степной керамики, с нарезным и штампованным орнаментом и гораздо более близкий к среднеазиатской энеолитической посуде⁴.

О том же говорят и памятники искусства. Племена ямной культуры в степях Причерноморья ставили на своих курганах каменные изваяния, удивительно похожие на мегалитические антропоморфные стелы Франции (рис. 35). Буквально тождественные гранитные навершия со стилизованными головами животных происходят из северо-западного Прикаспия и из энеолитических поселений Румынии и Болгарии⁵.

Большинство археологов (автор данной книги принадлежит к их числу) считает, что это, равно как и сходство дольменов и некоторых сюжетов наскальных рисунков в разных частях Старого Света, не результат конвергенции, а свидетельство влияний одних областей на другие.

Период интенсивных межплеменных сношений в южной полосе СССР продолжался до середины II тысячелетия до н. э. Культуры развитого бронзового века — срубная, андроновская, северо-кавказская — уже в меньшей степени связаны с югом и западом, чем предшествовавшие им энеолитические — ямная, афанасьевская и майкопская. Вероятно, после того как были восприняты навыки земледелия, животноводства и металлургии, интерес к достижениям переднеазиатских цивилизаций ослабел. Лишь в трех-четырех районах нашей страны в эпоху бронзы отмечаются робкие попытки к созданию письменности. Все они, как будто, окончились ничем⁶. Видимо, обитатели Восточной Европы, Средней Азии и Сибири старались освоить только то, что могло облегчить пропитание и борьбу за существование. Овладеть всей суммой знаний, всеми сокровищами науки, литературы и искусства древнего Востока они и не стремились.

В лесную зону металлургия меди проникла на много столетий позже, чем в Причерноморье, на Кавказ и в Среднюю Азию, — во второй половине II тысячелетия до н. э. Тогда же степные скотоводческие племена срубной и андроновской культуры продвинулись на Оку, Средний Урал и в Зауралье. Для населения лесов начался тот период, который южные области пережили значительно раньше. На огромном пространстве от Сибири до Европейского Севера встречаются одинаковые бронзовые топоры, так называемые кельты сейминского типа.

Эти события не могли не отразиться в искусстве. Хорошо известен египетский миф, объясняющий смену дня и ночи, восход и заход солнца. Днем оно плывет по небесному Нилу, а вечером, у двери в подземный мир, пересаживается с дневной ладью Манджет на ночную — Месктет. Во время ночного плавания дорогу солнцу преграждают двенадцать змей, охраняющих двенадцать ворот (двенадцатьочных часов), а в самом конце — страшный Апол, мешающий светилу покинуть подземное царство. Но могучий Ра побеждает змей и, выйдя на небо, опять трогается в путь на дневной ладью. В некоторых вариантах мифа солнцу угрожают не змеи, а заглатывающий его крокодил⁷.

Иллюстрации к этому мифу, нередко встречающиеся в росписях египетских гробниц и святилищ (храмы Карнака, Эдфу, пирамида Рамзеса IV и т. д.), обнаружены в Европе и Азии. На скалах Кобыстана вырезано около двух десятков ладей. В них длинный ряд пловцов, а на носу — солнце с лучами. Часто люди, поднявши руки, как бы приветствуют его (рис. 15, 3). На утесах по берегам уральских рек Вишеры и Тагила мы увидим аналогичные рисунки, нанесенные охрой. Только тут солнце показано над ладьей, наверху. На Тагиле вокруг него извиваются змеи, заставляющие вспомнить о битве Ра с Апопом.

Еще в начале XIX века была скопирована красочная писаница на реке Смолянке близ Усть-Каменогорска. В центре ее — овал с перекрестием, укрепленный на ладье (рис. 15, 4)⁸. Лодки с людьми, усевшимися в ряд, иногда в позе оранты, есть и на писаницах Енисея — в Теси и Оглахты⁹. Характерен этот сюжет и для Шишкинских скал на Лене. Здесь в ладьях сидят человечки и рогатые человекоподобные существа. По соседству особенно интересная сцена: дракон, открыв пасть, хочет проглотить некий диск. Больше всего дракон похож на крокодила¹⁰. На стене пещеры Ак-Чункур на Тянь-Шане красной краской начертаны лодка и несколько змей. Единственный пловец, как и его двойники в Кобыстане, Шишкине и Теси, воздел руки к небу¹¹.

Отмечены подобные изображения даже на Амуре и Уссури¹². Еще больше их на Онежском озере и Белом море (рис. 8) и на петроглифах эпохи бронзы в южной Швеции. Там над ладьей обычно парит круг с вписанным крестом, а в ней теснятся люди или рогатые существа в позе оранты¹³.

Как достиг пределов нашей страны египетский солнечный миф? Возможны два пути — с юга и с северо-запада. В пользу юга свидетельствуют рисунки Кобыстана и Тянь-Шаня¹⁴. О влиянии на охотничьи племена Европейского Севера высокоразвитых скандинавских культур II тысячелетия до н. э. говорят находки в этом районе бронзовых топоров меларского типа. Солярный миф мог прийти к нам и с двух сторон. Наверное, не случайно ладьи из Кобыстана с сияющим солнцем на носу ближе к египетским, а карельские, уральские и сибирские — к шведским (рис. 15, 16). Почти совпадают два изображения змей — одно на Тагиле, второе — в Иерршадте, в Швеции. И на том, и на другом от каждого изгиба тела ползущей змеи вверх поднимается какой-то отросток¹⁵. Рогатые фигурки в

лодках Шишкина, солнце на писанице у Смолянки тоже имеют точные шведские аналогии.

Схема солнечной ладьи, повторяющаяся на камнях Азербайджана, Карелии, Урала, Тянь-Шаня, Казахстана, Сибири и Приамурья,— превосходный пример великой силы идей в истории человечества. Тысячи километров, моря, горы, леса отделяли от Египта обитателей Минусинской котловины или Беломорья, но представление о небе, сложившееся на берегах Нила, дошло до далеких северных племен.

В новой среде солярный миф подвергся переработке, искачениям и упрощению. Это можно заметить даже по памятникам искусства. В Кобыстане, в Смолянке и на шведских петроглифах светило плывет на ладье, как и в египетском мифе. На Тагиле и Вишере оно существует само по себе, а корабль

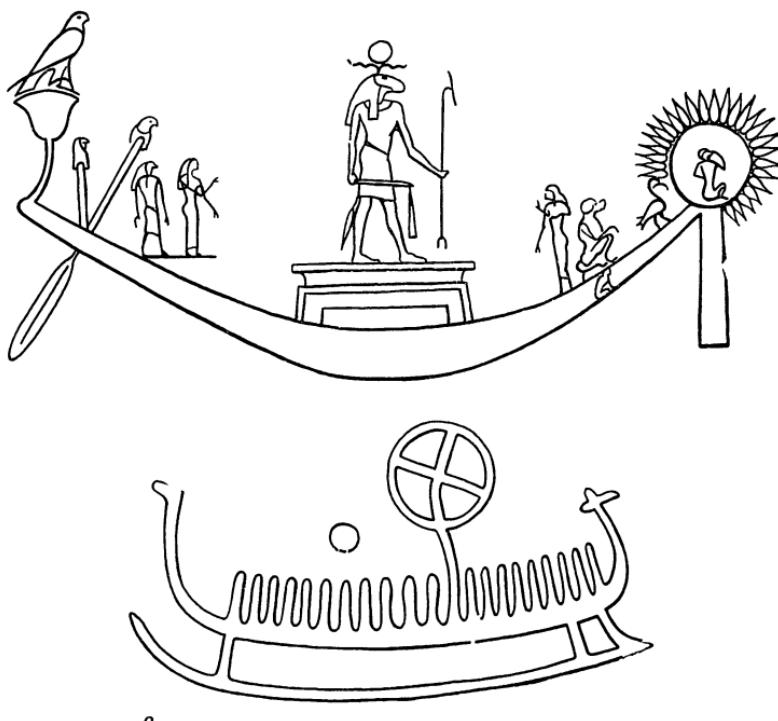
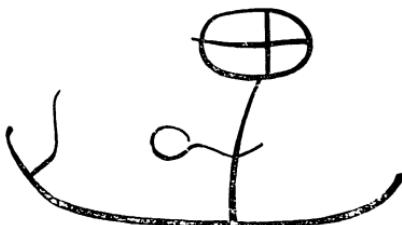
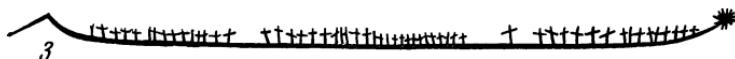

Рис. 15. СОПОСТАВЛЕНИЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ СОЛНЕЧНОЙ ЛАДЬИ ИЗ РАЗНЫХ
1 — Египет, Дендерский храм; 2 — Наскальные изображения в Богуслене,

сам по себе. На скалах Карелии и Сибири нарисованы одни только лодки без солнца. И все же архаичный бродячий сюжет оказался очень устойчивым. Настоящая солярная ладья вырезана на костяном гребне конца XII — начала XIII века из русского города Пскова. На ней укреплен квадрат с вписанным крестом¹⁶. В Швеции такие же изображения высекали на граните двумя тысячелетиями раньше.

Обзор иллюстраций к рассказу о странствиях Ра, успевший, наверное, утомить читателя, раскрывает перед нами обычную судьбу идеи в жизни общества. Сперва возникновение в одном узком районе, потом распространение, охватившее огромную территорию, практически весь мир древности. Этот процесс сопровождается утратой многих особенностей мифа, но основа его сохраняется и живет еще долгие века. Не такова ли история христианства и других учений?

Древние связи южных областей с северными можно проследить не только по композициям с ладьей и змеями. Заслуживают внимания оригинальные солнечные знаки — круги

РАЙОНОВ

Швеция; 3 — Кобыстан; 4 — Смолянка под Усть-Каменогорском

с двумя параллельными лучами, выгравированные и выбитые на камнях в Дагестане¹⁷, в Крыму¹⁸ и в Средней Азии¹⁹, в Карелии и Швеции (рис. 29)²⁰.

Поразительный факт: орнаментация керамики на Урале и в Азербайджане, в Казахстане и в Приамурье совершенно разная, а изображения на камне всюду очень сходны. Во введении к этой книге мельком уже было сказано, что каждый вид первобытного искусства развивался по своим законам. Узоры на посуде — это прикладное искусство и в то же время — присущий данному племени определенный набор знаков и идеограмм. Женщины, лепившие горшки, украшая их, искали новые декоративные возможности в усвоенной еще с детства системе орнамента. Изменить саму систему никто не решался. Монументальные наскальные рисунки вырезали или наносили краской надолго и вкладывали в них нечто более значительное, чем в узоры на хрупких сосудах для варки и хранения пищи. Поэтому в петроглифах ярче выявилось главное в жизни племен III—II тысячелетий до н. э.— воздействие цивилизаций Востока. Это воздействие столь значительно, что близкие до тождества гравировки и росписи в лесах создавали охотники и рыболовы, а на юге — земледельцы и скотоводы.

Разумеется, не нужно приуменьшать различия в мировоззрении и творчестве отдельных древних культур. Нигде в первобытную эпоху на территории нашей страны живопись и архитектура не могли подняться на такой высокий уровень, как в классовом обществе Египта и Месопотамии. Конкретную обстановку в том или ином районе надо учитывать и при исследовании памятников искусства.

На сибирских и уральских писаницах солярные ладьи перемежаются с традиционными реалистическими фигурами животных.

В южных краях изображения зверей и сцен охоты очень редки, но не известны здесь и рисунки, запечатлевшие обработку почвы или труд скотовода.

По наблюдению Г. Чайлда, в могилах охотников всегда закрыто оружие, чаще всего стрелы, а в погребениях земледельцев нет ни зернотерок, ни серпов²¹. Точно так же благодаря искусству мы можем получить представление об охоте первобытного человека, но отнюдь не о посеве или жатве. О производящем хозяйстве приходится судить по косвенным указаниям. Трипольские статуэтки женщин с зернами пшеницы, примешанными к глине, связаны с аграрным культом богини плодородия²².

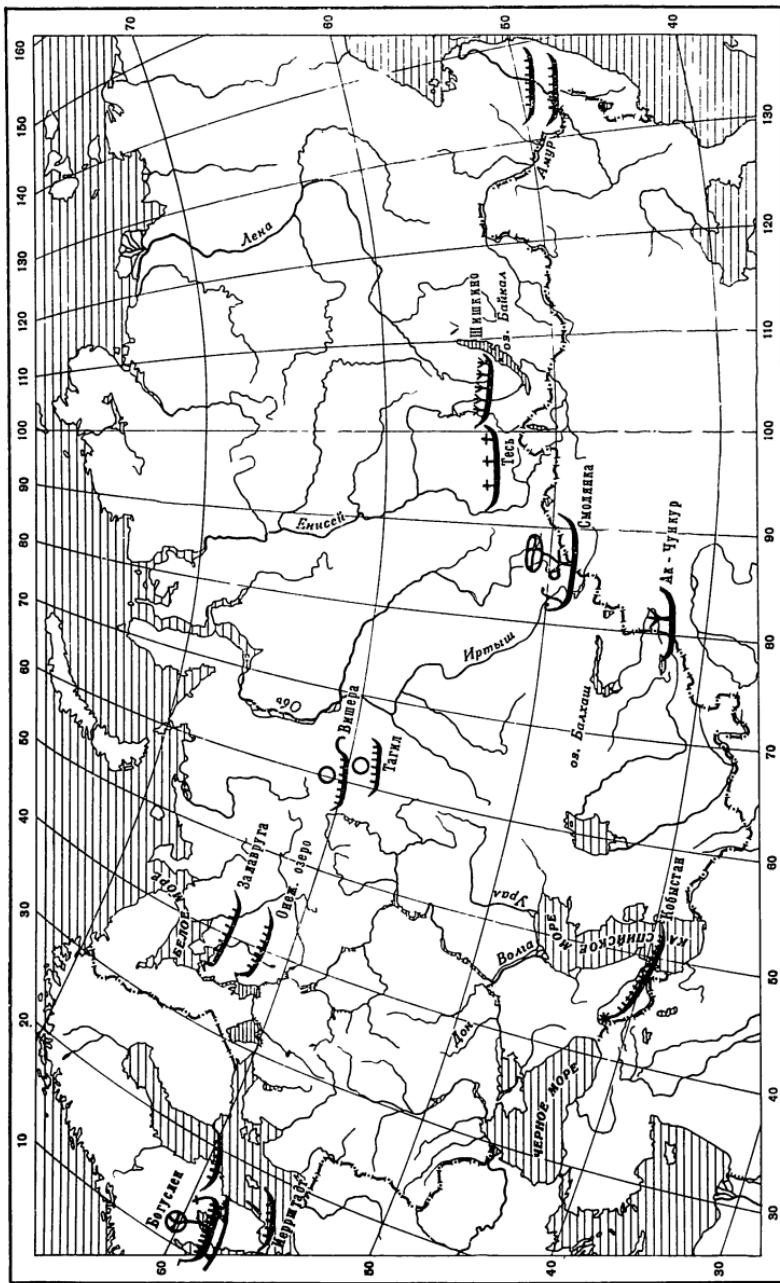

Рис. 16. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ СОЛЯРНОЙ ЛАДЫ НА ПЕТРОГЛИФАХ СССР

В сложных орнаментальных мотивах трипольской или куро-араксинской керамики нет-нет да узнаешь символы солнца — верховного божества любого земледельческого общества.

В целом культуры эпохи энеолита и бронзы СССР можно сгруппировать в три большие зоны. На Правобережье Украины, в Закавказье и на Юге Туркмении ведущая роль принадлежала земледельцам. Они любили ярко расписывать свою посуду, свои глинобитные дома и во множестве изготавливали глиняные женские статуэтки. Посуда из хорошей глины великолепно обожжена и отличается тонкостью стенок и изяществом формы. Эти племена хоронили сородичей в простых ямах без всяких надгробий.

Другой облик у скотоводческих культур предгорных областей Кавказа и степной полосы, тянувшейся от Днепра до Енисея. Керамика тут толстостенная, грубая, с плохим, неровным обжигом и бедным штампованным или прочерченным узором, а то и совсем без орнамента. Над могилами степняки насыпали огромные курганы, а обитатели северо-западного Кавказа возводили дольмены — каменные домики из многотонных плит. Сооружение и тех и других усыпальниц отнимало массу времени и сил. Вероятно, мы упрощаем картину, но носители культур крашеной керамики кажутся нам жизнерадостными, а строители дольменов сумрачными, погруженными в мысли о загробном мире.

Третья зона — лесная и таежная. Здесь люди по-прежнему занимались охотой и рыболовством, а искусство развивало старые палеолитические традиции. Поэтому в первой главе мы не раз ссылались на поздние пережиточно-неолитические памятники Севера — на петроглифы Карелии, деревянные скульптуры лосей из торфяников Урала и т. д. Лесные кладбища обычно не имели признаков на поверхности.

Влияние цивилизаций древнего Востока больше всего сказалось, конечно, на юге. И роспись на сосудах, и статуэтки, и глинобитные жилища культур Анау в Туркмении, трипольской и куро-араксинской находят близкие аналогии в Месопотамии, Иране и Анатолии. Но было бы ошибкой отрицать воздействие передовых районов в III—II тысячелетиях и на наш Европейский Север.

Рассмотрим глиняный горшок, орнаментированный зубчатым штампом из Перми под Новгородом (рис. 17). На венчике изображены плывущие утки. В искусстве охотников — это один из самых частых сюжетов. Вспомним силуэты птиц,

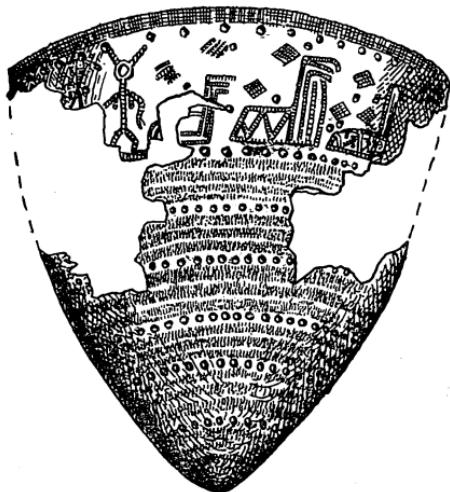

Рис. 17. СОСУДЫ С ФРИЗАМИ, СОДЕРЖАЩИМИ ИЗОБРАЖЕНИЯ ПТИЦ.
Слева — из Переславля под Новгородом; справа — из Суз I

выбитые на гранитных берегах Онежского озера и Белого моря, маленькие скульптуры уток из кремня, кости и глины и деревянные ковши с утиными головами на ручках со стоянок II тысячелетия до н. э. Среди уток стоит какое-то существо, вроде чертика с рожками²³. Подобные мифические персонажи уже встречались нам на петроглифах Карелии и в палеолитической живописи. Но этим все сходство и исчертывается. Фигуры птиц и зверей в гравировке и росписи на скалах разбросаны по плоскости и никак не отграничены от фона. Земля под ними не показана. Тут же мы видим узкий фриз, четко отделенный от нижней орнаментированной части сосуда. Утки на фризе вытянулись в цепочку, друг за другом, а «чертик» упирается ногами в линию, обозначающую землю. Отличие от изображений на камне нельзя объяснить тем, что мы имеем дело с небольшим полем на стенке сосуда. Также невелико пространство для рисунков на горшке из могильника срубной культуры Полянки под Казанью. Но там все, как на петроглифах: животные «висят», не касаясь земли, композиция не обрамлена и до того свободна, что две фигуры лошадей расположены перпендикулярно остальным²⁴.

Очень важно, что для древнего Востока типичны фризы с так называемыми процессиями животных. Нередко эти

фризы помещали на венчике бокалов и ваз. Взглянем на процессию длинношеих птиц в росписи керамики из Суз (рис. 17) и своеобразная находка в Перыни станет нам понятней.

Влияние южных культур отразилось не только на перынской композиции. В контуры утиных тел заключены зигзаги — знаки воды. Такие же символические знаки нанесены краской на тела уток на сосуде из Триалетских курганов в Грузии²⁵.

Искусство III—II тысячелетий до н. э. на территории СССР — сложное многогранное явление. Мы не сможем рассказать здесь обо всех его сторонах, о специфике художественного творчества в каждом районе и остановимся лишь на четырех наиболее интересных категориях памятников. Нами обойден самый обширный, самый массовый материал — керамика. Думается, что узорам на древней посуде должна быть посвящена специальная работа.

ГЛАВА

III

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ

Никто не взял на себя труда подсчитать, во скольких пунктах нашей страны обнаружены росписи и гравировки на камне. Если бы такой подсчет удалось произвести, думается, что цифра была бы трехзначной. Еще сложнее определить число отдельных фигур — людей, животных, мифических персонажей и т. д. на всех этих обширных панно и композициях. По-видимому, речь должна идти даже не о сотнях тысяч, а о миллионах. В одном урочище Саймалы-Таш в Киргизии, по утверждению А. Н. Бернштама, около 100 000 изображений¹.

Из этих миллионов рисунков по-настоящему изучены очень немногие. О большинстве имеются только предварительные сообщения, составленные к тому же не археологами, а геологами, зоологами, краеведами. Путешествуя по горам и пустыням, они довольно часто наталкиваются на петроглифы, но далеко не всегда снимают с них копии или делают фотографии. Судя по ежегодным открытиям в Сибири и Средней Азии, есть немало изображений вообще никому не известных. Как плохо мы знаем эти материалы, свидетельствует и тот факт, что первые бесспорные палеолитические росписи в СССР выявлены лишь в 1959 году, хотя Капову пещеру, где они найдены, посещали неоднократно, начиная с академических экспедиций XVIII века.

Несомненно, предстоит громадная работа по поискам новых памятников, их научной фиксации, анализу их стиля и содержания, но главные направления в толковании этих необычных исторических источников русской археологией уже намечены.

Рисунков на камне больше всего, разумеется, в горных областях и меньше на равнинах. В СССР по количеству петроглифов первое место принадлежит Средней Азии или Сибири. Кавказ и Урал в этом отношении им уступают, но зато именно здесь исследованы древнейшая живопись и самые ранние гравировки на скалах. В остальных районах эти виды искусства были развиты слабее. Все же в Приазовье, в Крыму и на Днестре, в Литве, на Онежском озере и Белом море, в Приамурье и на Камчатке встречаются весьма любопытные для нас объекты².

Все они очень разные по условиям расположения, возрасту, технике и размерам. Палеолитические рисунки Каповой пещеры и мезолитические — Зараут-Камара, все уральские и многие сибирские писаницы бронзового и железного века — красочные монохромные. Красную, желтоватую или коричневатую охру толкли в порошок, замешивали на воде или жире и наносили на стены гротов и береговые утесы кистью, а то и просто пальцем. В пещере Ак-Чункур на Тянь-Шане с росписями II тысячелетия до н. э. при раскопках найдена первобытная «палитра» — рог козла, заполненный охрой³. Кое-где преобладают силуэты (Капова, Зараут-Камар), кое-где — контуры (писаницы Тагила). Иногда сначала очерчивали контур какой-нибудь фигуры, а потом его замазывали. Иногда в нем проводили поперечные черты, похожие на ребра. Такой «скелетный стиль» характерен для Восточной Сибири⁴.

Нередко художник придирчиво выбирал фон для своих произведений. В Зараут-Камаре они размещены только там, где потолок навеса был покрыт известковым натеком, подвергшимся впоследствии изменению, так называемому пустынному загару. На этом желто-бежевом фоне рисунки четко выделялись, тогда как на природной серой поверхности они смотрелись бы хуже.

Гравировок на территории СССР больше, чем росписей. Чаще всего каменным или металлическим орудием в скале прорезали или точечными ударами выдалбливали одни контуры. Таковы основные кобыстанские и амурские композиции. Внутри некоторых изображений животных в Таджикистане видны круги — что-

то вроде «яблока» на теле лошади⁵, а в Сибири — «скелетные» полосы. В Карелии неолитический мастер с завидным упорством тысячи раз ударял кварцевым отбойником по твердой поверхности гранита, пока на ней не получался вогнутый и более светлый силуэт. Тем же методом пользовались и в Центральной Азии. На Каменной могиле, в Кобыстане и в Шишкуне на Лене в более мягких породах силуэты прополировывали. Раскопки показали, что для этого по плитам песчаника надо было с силой проводить обломками кварца⁶.

Гравировки подчас сочетались с тонированием. Углубленные изображения Каменной могилы были прокрашены. Кусочки охры, насыщавшие культурный слой в одной из пещер с петроглифами в Кобыстане, позволяют предполагать, что теми же особенностями отличалось монументальное искусство Закавказья.

Наскальных рельефов эпохи камня и бронзы на территории СССР нет. Те, что вырублены на берегу Днестра, датируются I тысячелетием н. э.⁷

Вся палеолитическая живопись Франции сосредоточена в пещерах. У нас в сходных условиях расположены палеолитические рисунки Башкирии, непонятные нарезки Мгвимеви в Грузии и Агца в Абхазии, древнейшие композиции Зараут-Камара и Кобыстана. Следуя давней традиции, гроты и навесы порой расписывали и позднее — в бронзовом веке (Ак-Чункур) и даже в скифское время (Таш-Аир в Крыму).

Как и во Франции, петроглифы занимают иногда не стены, а потолок пещеры. В Каменной могиле, чтобы их рассмотреть, надо лечь на спину, в Зараут-Камаре — задрать голову. Все навесы хорошо освещены. Капова пещера и гроты Каменной могилы совершенно темные. Туда нужно идти, вооружившись факелами. Их трепещущее пламя, на мгновенье прорезав тьму, падает на красные фигуры мамонтов и быков, делает их живыми и неизмеримо увеличивает впечатление. При ровном электрическом свете они выглядят уже иначе, становятся скучней, прозаичнее.

В неолите и в эпоху металла топография святилищ с росписями и гравировками меняется. На Вишере и Лене — это отвесные утесы, в Карелии — пологие берега Онежского озера и Выга, на Амуре — глыбы базальта в русле реки, в Саймалы-Таше — известняковые блоки на камнепадах по склонам гор. Даже в Кобыстане и на Каменной могиле все чаще начали украшать открытые скалы. В Литве и около Новгорода

обнаружены гравировки на валунах ледникового происхождения.

В популярной литературе любят называть наскальные изображения картинными галереями, палеолитическим Лувром, Эрмитажем и т. д. Сравнение неудачное. Галерея состоит из обособленных полотен. Сегодня их можно повесить так, завтра — по-новому, а послезавтра послать на выставку в другой город. Они очень мало или совсем не связаны с экспозиционным помещением. Петроглифы, напротив, буквально слиты со своим фоном. Их трудно оторвать от всего природного окружения. Пожалуй, более верным здесь будет сравнение с декоративной живописью или с архитектурным убранством здания. Древний художник приспосабливался к изгибам и выступам скалы, как мастер-декоратор приспосабливал лепнину и узоры в технике гризайль к архитектурным формам барокко или классицизма. Поэтому с интересующими нас памятниками очень важно знакомиться не по копиям, а на месте. Цвет гранита, известняка, песчаника, освещение, вода, омывающая онежские и беломорские изображения, закономерно входят в комплекс произведений первобытного искусства.

В Зараут-Камаре параллельно трещине в стене навеса выстроились загонщики, а перед углублением в ней нарисован раненый бык. Он как бы застыл на краю ямы, к которой его подогнали охотники (рис. 7). Присматриваясь к изломам скальной поверхности, мы подчас сможем расчленить самое сложное переплетение петроглифов на отдельные сценки, обрамленные этими природными гранями.

Ряд гравировок вписан в естественное обрамление с подлинным вкусом, но нельзя не признать, что их все же меньшинство. Проблемы композиции не беспокоили художников каменного века. Беломорские петроглифы перенасыщены фигурами людей, птиц, лосей. Им до того тесно, что, кажется, и дышать нечем. Подобная боязнь пространства, стремление заполнить его во что бы то ни стало сказывается в зодчестве древнего Востока. Иные египетские храмы внутри забиты колоннами, хотя для прочности конструкции этого вовсе не требовалось.

Старые композиции иногда подновлялись. В кобыстанские хороводы ввели еще двух-трех танцоров (рис. 18), в сцену загона в Зараут-Камаре — еще одного лучника. Эта фигура темнее и не так выцвела, как перекрытый ею силуэт убегающего джейрана (рис. 19).

Есть на скалах и изображения, наслонившиеся друг на друга, например на стене самой большой кобыстанской пещеры (рис. 18). Первобытный человек нисколько не заботился о сохранности старых гравировок и даже о том, чтобы хорошо были видны его собственные творения. Он жаждал одного — вырезать контур тела быка именно тут, на стене этой пещеры-святыни.

Рост охотников на быков в Зарапт-Камаре всего 4—20 см. Размеры лошади на Шишинской писанице больше натуральных. Ее длина — 2,8 м.

Велика разница и в стиле изображений — от реалистического до предельно схематизированного. При этом даже те из них, что схематизированы в одинаковой мере, отнюдь не похожи в деталях. Фигуры людей то очень вытянуты, как на греческих курсах и готических статуях, то нарочито приземисты, как на византийских мозаиках.

Перечисленные нами различия чаще всего отражают специфический облик культуры в том или ином районе, реже являются хронологическим показателем. Так, можно заметить, что на Урале представлены только росписи, а в Карелии только выбитые точечной техникой силуэты. В то же время мы вправе считать эту технику поздним признаком, ибо ни в палеолите, ни в мезолите ею не пользовались. Скелетный стиль свойствен лишь Восточной Сибири на определенном этапе железного века. Об изменениях в топографии рисунков на протяжении истории мы уже говорили.

Анализируя все эти особенности, археологи сумели подойти к решению вопросов хронологии. Огромную роль здесь играют камни, где древние изображения прорезаны более молодыми, изучение их сюжетов, единичные, но особенно ценные случаи перекрывания петроглифов культурными слоями стоянок, сопоставления рисунков на скалах и на вещах из могил и поселений или с самими вещами.

Прежде всего археолог должен выяснить, возникли данные изображения в одну эпоху или нет. Наблюдения над их техникой, стилем и степенью разрушения скажут ему о многом. Сотни силуэтов на берегу Онежского озера были выбиты за достаточно короткий отрезок времени. Гравировки на Каменной могиле и в Кобыстане, писаницы Вишеры и Шишина созывались тысячелетиями. Это как бы книги, которые надо прочесть в правильной последовательности, страница за страницей.

На втором этаже Каповой пещеры нарисованы вымершие животные — мамонты и носороги. Поэтому росписи смело можно датировать древнекаменным веком. Стиль их и условия расположения только подкрепляют этот вывод. К палеолиту же относятся нарезки на стене навеса Мгвимеви в Западной Грузии. Они были закрыты коркой сталагмита с позднепалеолитическими орудиями⁸.

А. П. Окладников пытался обосновать столь же ранний возраст трех шишкинских контурных рисунков, но не убедил своих коллег. Как он и сам подчеркивает, фигуры двух лошадей и быка по трактовке, технике исполнения и размерам совпадают с неолитическими изображениями лосей⁹. Сомнителен и главный аргумент, будто бык и лошадь в этих краях не дожили до неолита. В действительности на неолитических поселениях Якутии встречены и кости быка, и кости дикой лошади. Видимо, она приспособилась к обитанию в лесу и не исчезла на Лене вплоть до момента одомашнения¹⁰. Напомним и о том, что в палеолите на открытых скалах зверей не рисовали.

Может быть, в древнекаменном веке на утесе в верховьях реки Губс в Прикубанье появились оттиски кистей рук, намазанных красной краской. Рядом находятся позднепалеолитические стоянки, а отпечатки ладоней не раз попадались среди наиболее архаичных росписей Франции и Испании. Тем не менее в датировке памятника нет абсолютной уверенности (рис. 21).

В непосредственном соседстве с карельскими петроглифами открыты стоянки начала II тысячелетия до н. э., характерные для северного пережиточного неолита¹¹. В одной точке близ Беломорска те и другие связаны особенно тесно. После того как на граните были выбиты силуэты лосей и охотящихся на них лыжников, люди ушли из этого района, и камень затянуло песком. Вскоре на том же месте раскинула свой лагерь другая община, не знавшая, что скрыто под землей. Тем самым возраст ряда композиций определяется довольно точно.

Мощный культурный слой накопился с конца мезолита до бронзового века у подножия Каменной могилы¹². Заманчиво выделить и в комплексе гравировок пласти, соответствующие горизонтам поселения. Задачу облегчают раскопки курганов III—II тысячелетий до н. э. в Крыму и в Приднепровье. Найденные в них плиты со знаками типа Каменной могилы

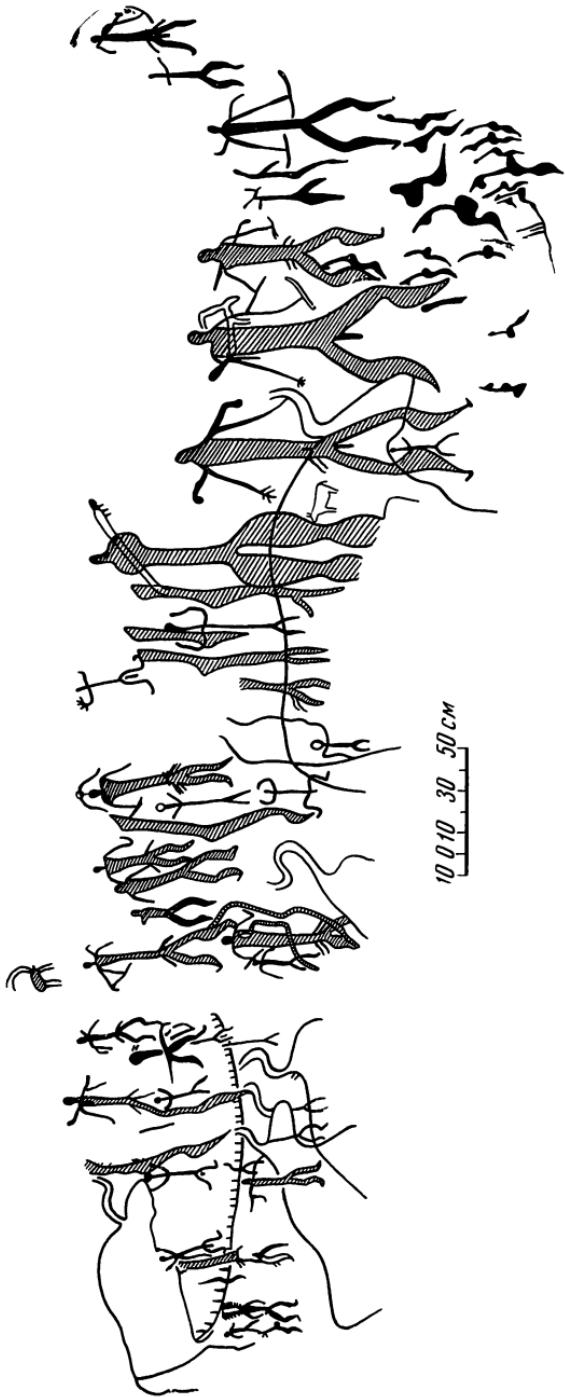

Рис. 18. ПАННО С ГРАВИРОВКАМИ НА СТЕНЕ ПЕЩЕРЫ НА ВЕРХНÉЙ ТЕРРАСЕ
ГОРЫ БЕЛКОК-ДАШ В КОБЫСТАНЕ

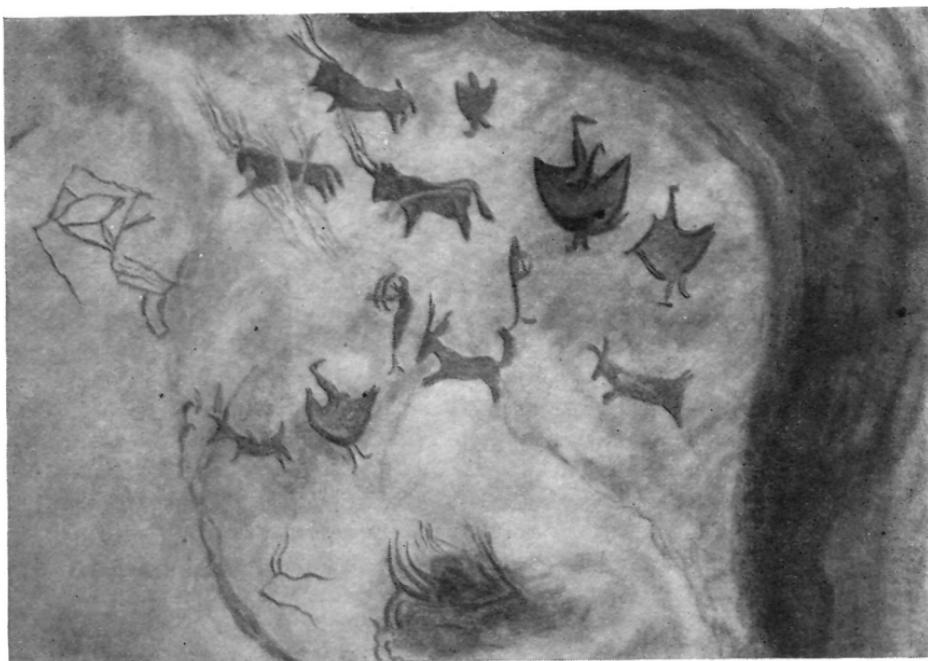

Рис. 19. СЦЕНА ЗАГОННОЙ ОХОТЫ, НАПИСАННАЯ КРАСНОЙ КРАСКОЙ
НА СТЕНЕ ПЕЩЕРЫ ЗАРАУТ-КАМАР. УЗБЕКИСТАН

(стопы, солнечный символ — круг с вписанным крестом, геометрические узоры) дают представление об искусстве эпохи бронзы.

В Зараут-Камаре нет никаких следов жилья, но на Памире похожие рисунки сделаны в гроте Шахты, содержавшем отложения мезолитического времени. Невозможные для палеолита сцены охоты с участием вооруженных луками загонщиков, резкое отличие росписей Зараут-Камара от петроглифов периода металла в Узбекистане и Таджикистане заставляют нас склониться к мезолитической или неолитической дате¹³.

На хронологии Кобыстана хотелось бы задержаться по-дольше. Мы уже ссылались на перекрывающие друг друга разностильные гравировки большого панно на горе Беюк-Даш. Первый слой состоит из целиком углубленных протертых в камне силуэтов людей с вытянутыми пропорциями тела, высотой до 1,5 м. Их прорезают контурные изображения быков

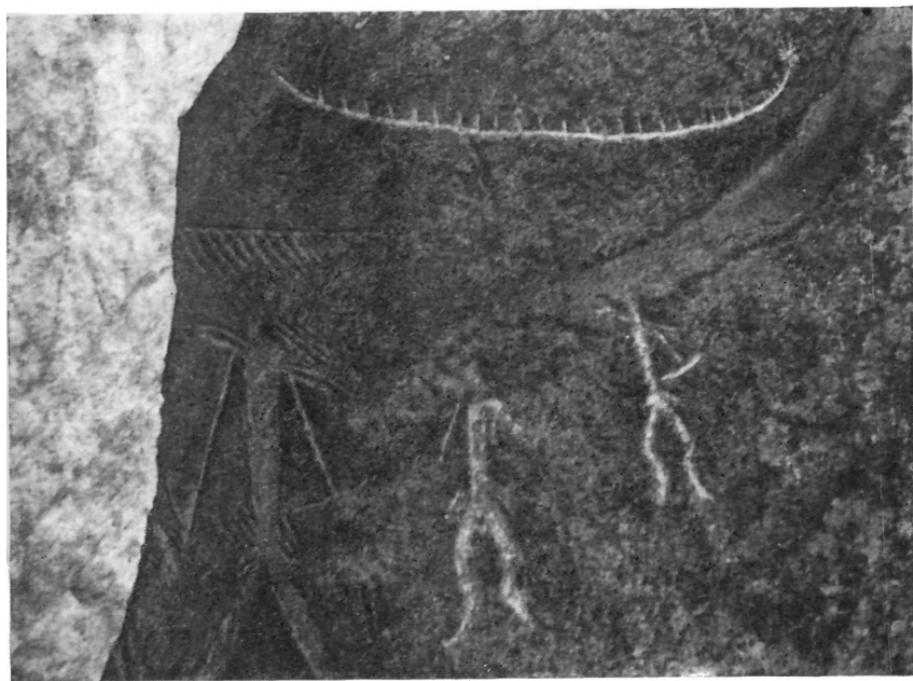

Рис. 20. ДВЕ ТЕХНИКИ НАНЕСЕНИЯ РИСУНКОВ В КОБЫСТАНЕ: ФИГУРЫ ЛЮДЕЙ, ЦЕЛИКОМ ПРОТЕРТЫЕ В КАМНЕ, И ВЫГРАВИРОВАННОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ЛОДКИ. ГОРА БЕЮК-ДАШ

длиной 80 см — 1 м (рис. 18, 20). В других пунктах на той же горе аналогичные изображения объединены в композиции со стадами лошадей и маленькими коренастыми лучниками ростом 10—15 см. Иногда поверх них высечены тоже контурные, но гораздо меньшие и предельно упрощенные фигуры беззаровных козлов. Этот сюжет вообще наиболее распространен в Кобыстане. К третьему пласту принадлежат и схематические тамгообразные начертания, в том числе человечки и лодки с пловцами.

На горе Беюк-Даш в пещере, образовавшейся среди гигантских каменных блоков, оторвавшихся от края плато и скатившихся по откосу, были проведены раскопки. Тут залегал неолитический культурный слой, местами закрывший гравировки с лошадьми и маленькими лучниками (рис. 22—24). Значит, эти рисунки не моложе неолита. К палеолиту их отнести нель-

зя, ибо здесь мы видим охоту на лошадей, быка и кабана с помощью лука и домашней собаки. Первый пласт гравировок древнее второго. Особенности трактовки отдельных углубленных силуэтов можно отыскать параллели в палеолитическом искусстве Европы. Но эти люди держат в руках луки, а человека в пещерных палеолитических святилищах изображали чрезвычайно редко. Вероятно, первый комплекс Кобыстана — раннемезолитический, а второй — позднемезолитический.

С третьим — разобраться уже несложно. Контурные профили козлов, тождественные кобыстанским (рис. 25), обнаружены на плитах камня из двух могильников начала I тысячелетия до н. э. на Апшеронском полуострове. Выявлены такие рисунки и севернее — в Дагестане. Там, в урочище Сигитми, археологи изучили остатки поселения, приютившегося под скалой с петроглифами. На ней запечатлены всадники, догоняющие оленей, серн и козлов. Кости этих зверей представлены и на стоянке. Но что еще важнее — в фундаментах ее домов лежали камни, выломанные из скалы с гравировками. Следовательно, поселение

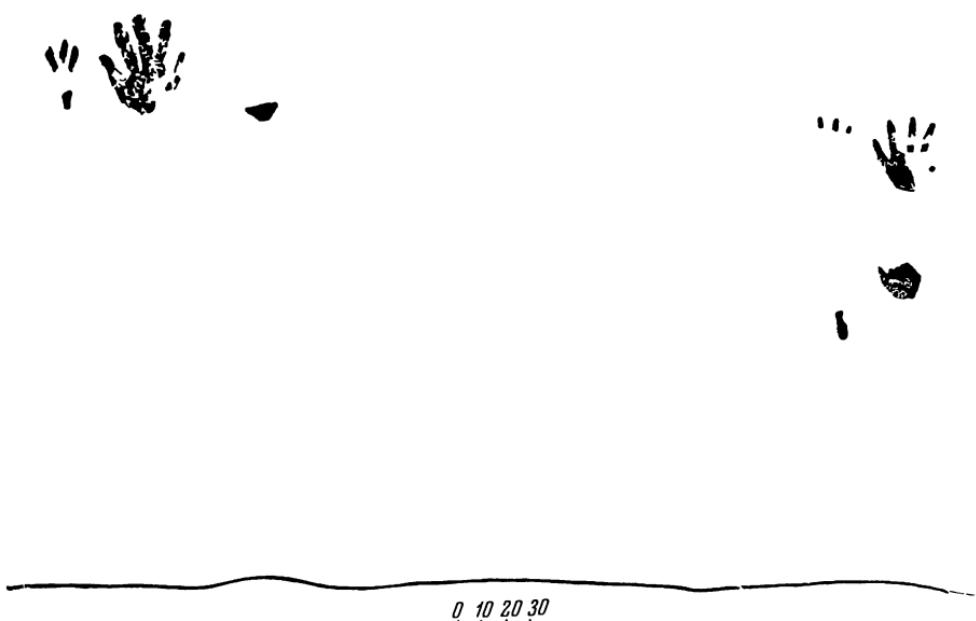

Рис. 21. ОТТИСКИ КИСТЕЙ РУК, НАМАЗАННЫХ КРАСНОЙ КРАСКОЙ НА СКАЛЕ В ВЕРХОВЬЯХ Р. ГУБС. КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ

Рис. 22. СЦЕНА ОХОТЫ НА БЫКА, ГРАВЮРА НА КАМНЕ. КОБЫСТАН, ГОРА БЕЮК-ДАШ

начала I тысячелетия до н. э. младше изображений. Однако вряд ли намного. Ведь ранее середины II тысячелетия до н. э. верхового коня в Закавказье не было.

Композиций со всадниками немало и на горе Джингир-Даг в Кобыстане. Один из них занес над оленем странные двурогие вилы (рис. 26). Бронзовые вилы знакомы археологам Азербайджана по раскопкам могил рубежа II и I тысячелетий до н. э.

Так определяются четкие хронологические рамки третьего пласта кобыстанских петроглифов. Основные памятники этой группы сконцентрированы на горе Джингир-Даг. Любопытно, что тут в отличие от трех других пунктов Кобыстана нет ни одного изображения лодки. Не старше ли композиции с солнечной ладьей, чем сцены конной охоты, не датируются ли они, как и в Западной Европе, II тысячелетием до н. э.?

Кое-где на камнях в Кобыстане ножом процарапаны совсем недавние рисунки — караваны верблюдов, всадники и т. д. К ним близки примитивные картинки, вырезанные на стенах азербайджанского мавзолея Мир-Али XIV—XV веков.

Пока что мы опирались на «палимпсесты» и данные раскопок. Обратившись к стилистическому анализу, мы сможем проследить, как человек перешел от обременительного углубления в камне всего силуэта к гравированным контурам, а потом к процарапыванию, как большие, почти в натуральную величину, силуэты людей сменились рисунками быков длиною около метра, а те, в свою очередь,— фигурками козлов еще меньших размеров. Очень заметно нарастание схематизма. Если изображения быков выполнены в реалистической манере, то фигуры козлов представляют собой скорее значки и идеограммы. Привлекают внимание и различия в передаче пропорций человеческого тела в мезолите и в позднейший период.

Рис. 23. ГРАВИРОВКИ НА КАМНЕ С ОХОТНИЧИМИ СЦЕНАМИ И СЦЕНАМИ ТАНЦЕВ. КОБЫСТАН, ГОРА БЕЮК ДАШ

и глиняных сосудах из городищ тюрок-курыкан в Прибайкалье¹⁷. Небезынтересно, когда прекращается создание петроглифов. В каждом районе это зависело от конкретной обстановки. На Онежском озере и Белом море после II тысячелетия до н. э. силуэты на граните уже не выбивали. Этот факт возвращает нас к старой проблеме в истории Севера: там обнаружены сотни неолитических стоянок, но почти нет более поздних памятников, вплоть до славянских и финских курганов. Прежде отсюда делали вывод с перерывом в заселении Карелии. Целеустремленные

В целом, петроглифы Кобыстана — это иллюстрированная история Восточного Закавказья за время с добрый десяток тысяч лет¹⁴.

Путем таких же хитроумных сравнений классифицированы писаницы Сибири и Урала. На реке Вишере в Прикамье и на реке Мархе в Якутии (Суруктаах-Хая) прямо под ними расположены жертвенные места с изделиями пережиточно-неолитического возраста в нижнем слое. Наверное, к этой стадии культуры относятся и древнейшие росписи на обоих утесах¹⁵. Узоры, нанесенные краской на берега Тагила, сопоставляются с орнаментацией керамики эпохи бронзы¹⁶. Образы сибирских скелетных писаниц имеют точные соответствия в литых фигурах на медных ножах и топорах начала железного века. И наоборот, бронзовые скифские котлы выгравированы на скалах верхнего Енисея. Дата шишкинских средневековых композиций установлена благодаря их сходству с рисунками на каменных плитках, альчиках

поиски стойбищ века металла опровергли столь категорическое утверждение, но все-таки период упадка в развитии культуры на Севере, видимо, был. Никак не исключено, что люди, молившиеся у Онежского и Беломорского святилищ, покинули этот край, а новым племенам, освоившим его спустя некоторое время, верования их предшественников были чужды.

По-иному складывалась судьба Кобыстана. Тут свежие композиции появлялись во всяком случае в средневековье, если не в прошлом и нынешнем столетии. На Лене известны изображения русских солдат в форме XVIII века, в Туве — охотников, стреляющих из ружей. Вырезанные рядом пятиконечные звезды показывают, что эти рисунки сделаны совсем недавно¹⁸. До сих пор высекают на камнях схематические силуэты

Рис. 24. КАМЕНЬ С ГРАВИРОВАННЫМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ ЛОШАДЕЙ, ЗАКРЫТЫЙ НЕОЛИТИЧЕСКИМ КУЛЬТУРНЫМ СЛОЕМ. КОБЫСТАН, ПЕЩЕРА НА ВЕРХНЕЙ ТЕРРАСЕ ГОРЫ БЕЮК-ДАШ

горных козлов в Таджикистане¹⁹. Итак, традиция, зародившаяся в палеолите, в ряде уголков нашей страны еще жива.

Какой же смысл был заложен в росписи и гравировке на скалах?

Гипотез высказано много. Одни выдвигали тезис об «искусстве для искусства». Первобытному человеку, мол, просто доставляло удовольствие рисовать мамонтов и оленей. Другие ратовали за мемориальное значение петроглифов: в них якобы увековечены выдающиеся события в жизни людей, например удачные охоты. Третьи утверждали, что лошади и бизоны на стенах пиренейских гротов — это мишени и наглядные пособия для обучения юношества метанию копья²⁰. Любое из этих объяснений явно несостоительно. Некогда французский исследователь палеолита А. Бегуен уже высмеял такие кабинетные построения, пригласив их авторов поползать вместе с ним по темным сырьим закоулкам пещер, где таятся древнейшие произведения живописи и графики.

В пещеру Фон-де-Гом попадают с огромными трудностями, прописнувшись через маленькую щель, так называемый Рубикон. В Ля-Мут подобное отверстие пришлось расширить и все же проникнуть вглубь можно лишь по-пластунски. В Нио зал с росписями удален от входа на целых полмили. В Тюк д'Одюбер, чтобы увидеть фрески, надо проплыть по подземной реке, подняться по узкой трубе на второй этаж и, согнувшись, пройти по нему изрядное расстояние до последнего зала. Вход в Пиндалль расположен на отвесной скальной стенке, в Пасьегу спускаются по карстовому колодцу, в Кабрере проползают по запутанным коридорам, образующим настоящий лабиринт.

Те же особенности характерны и для петроглифов нашей страны. Панно с мамонтами находится в абсолютной тьме на втором этаже Каповой пещеры, куда нужно влезать по расщелине среди опасных для жизни трещин и провалов. В 1964 году тут погиб молодой спелеолог. В Сураты-Сае в Киргизии изображения выбиты на обрывистой круче. Вскарабкаться на нее археологам помогали альпинисты. Иначе как на животе не пробраться в основной грот Каменной могилы. Даже онежские петроглифы осматриваешь не без риска, скользя по кромке скал у самой воды.

Совершенно очевидно, что, создавая рисунки для собственного удовольствия или в наиздание потомству, человек выбрал бы другие места — доступные, заметные, хорошо освещенные.

Рис. 25. ГРАВИРОВАННЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ БЕЗОАРОВЫХ КОЗЛОВ.
КОБЫСТАН. ГОРА ДЖИНГИР-ДАГ

Несомненно, художник, мечтающий увековечить некое событие или вдохновленный идеей искусства для искусства, не стал бы рисовать зверей поверх старых изображений, так что порой нелегко разобрать, к какой фигуре относится та или иная деталь. В Кобыстане склоны трех гор — Беюк-Даш, Кичик-Даш и Джингир-Даг усеяны обломками известняка, оторвавшимися от

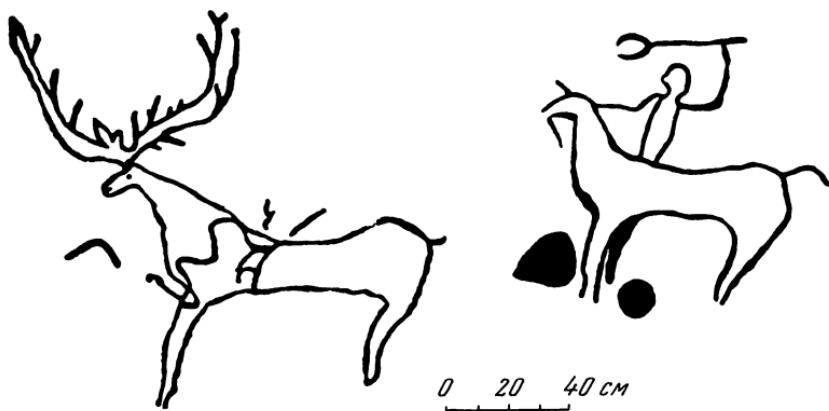

Рис. 26. ГРАВЮРА, ИЗОБРАЖАЮЩАЯ ОХОТУ ВСАДНИКА НА ОЛЕНЯ.
КОБЫСТАН. ГОРА ДЖИНГИР-ДАГ

края плато и скатившимися вниз. На этих глыбах сколько угодно плоскостей для гравировок, но люди каменного и бронзового веков вырезали свои композиции очень на немногих камнях, повреждая на них более ранние силуэты и контуры.

Важны и этнографические параллели. Сто лет назад бушмены и австралийцы украшали живописью стены гротов и навесов отнюдь не для развлечения или из тщеславия. Это было ритуальное магическое действие, необходимое для удачи на охоте, для изобилия промысловых животных. Австралийцы периодически подновляли — «ретушировали» — свои картины, как это делалось в Зараут-Камаре и Кобыстане²¹.

Не совсем заглохли древние представления и у нас, в Сибири и на Кавказе. Близ скалы Суруктаах-Хая якуты кладут жертвы до сего дня. Состав их примерно тот же, что в неолите. Тогда в числе приношений были кремневые наконечники стрел и деревянный прибор для добывания огня, теперь — свинцовые пули и коробки спичек²². Почтание росписей I тысячелетия до н. э. отмечено у бурят в Прибайкалье²³. В Кобыстан и сейчас верующие ходят на поклонение священной роще можжевельника и шести «пирам» — домусульманским языческим капищам²⁴.

Итак, все говорит о том, что для наших далеких предков гравировки и росписи на скалах были не пустой забавой, а частью тайных, сокровенных религиозных церемоний, без которых первобытный человек не мыслил благополучия своей общины.

У многих народов описаны очень похожие магические обряды: изготавливается скульптура или на песке очерчивается контур тела какого-нибудь животного. Затем в изображение кидают копья или стреляют из лука. Считается, что это поможет охотникам сразить настоящего зверя. Ритуал сам напрашивается на сравнение с палеолитической живописью Франции, где лошади, бизоны, носороги нередко показаны ранеными. Глиняная статуя медведя в пещере Монтэспан была изрешечена ударами копий. Судя по укрепленному на месте головы черепу, на статую раньше одевали шкуру. Очевидно, знакомые нам по этнографическим материалам обряды существовали еще в палеолите. В итоге восстанавливается следующая картина. В укромных закоулках в глубине пещер при свете факелов охотники древнекаменного века время от времени совершали магические церемонии. Отправляясь на про-

мысел, изображали желанную добычу и оружие, пригвоздившее ее к земле. Через определенный срок весь ритуал повторялся и старые рисунки перекрывались новыми.

Эти поверья держались очень долго. Земледельцы, обитавшие на стоянке Джейтун в Туркмении, лепили из глины фигурки диких быков и втыкали в них острые палочки²⁵. Не раз столкнемся мы со следами этого обряда даже при беглом просмотре наших петроглифов. В Зарагут-Камаре и Кобыстане нам бросятся в глаза мезолитические композиции с быками, оторопело стоящими под градом стрел, на сибирских писаницах Суруктаах-Хая, Чопчу-Бага, Тойон-Ары — неолитические рисунки буквально засыпанных копьями лосей²⁶. На кобыстанских гравировках эпохи бронзы корпус безоаровых козлов обычно рассечен пополам поперечной линией. И. М. Джадафарзаде толкует ее как магическое поражение зверя²⁷. На протертых в песчанике фигурах быков и оленей из Каменной могилы сделаны дополнительные круглые и удлиненные углубления, скорее всего обозначающие раны и вонзившиеся в животных дротики²⁸. Примыкают сюда и отдельные карельские силуэты, росписи Тагила и грота Шахты.

Было бы, конечно, ошибкой сводить все первобытное искусство только к этому ритуалу. По удачному наблюдению Б. Л. Богаевского, для палеолитических рисунков, рельефов и скульптур Франции типичны парные изображения — то самца и самки бизонов, то четы северных оленей. Этнография и здесь спешит на выручку археологам. Оказывается, известны обряды, направленные не на истребление дичи, а на увеличение ее стад²⁹. Люди достаточно рано поняли, что мало быть сытым после ближайшей охоты. Куда важнее с уверенностью глядеть в будущее. Поэтому они по-своему заботились, чтобы не иссякли охотничьи угодья. Этой мыслью проникнута знаменитая австралийская «интичиума».

Черты, свойственные мадленскому творчеству, улавливаются и в более поздних памятниках нашей страны. Парные фигуры лося и лосихи встречаются на ленских писаницах, на скалах Енисея³⁰ и Карелии. На Онежском озере заслуживают внимания частые изображения лебедей с лебедятами и утиных выводков³¹.

Вероятно, у племен Европейского Севера и Сибири, как и у австралийцев, выработались обряды, призванные увеличить стада диких животных и стаи промысловых птиц. На некоторых петроглифах мы увидим и участников этих церемоний. Таковы

танцующие человекоподобные существа со звериными ликами на росписях и гравировках во французских пещерах — колдуны в масках, разыгрывающие перед охотой магическую пантомиму (если принять интерпретацию, подсказанную этнографическими параллелями).

Древнейшие кобыстанские гравировки — это нечто вроде хороводов — ряды взявшись за руки людей, с луками, одетыми через плечо. На гравюрах конца мезолита или начала неолита в Кобыстане мы тоже найдем сходные композиции, но уже в комплексе с другими. Внизу маленькие человечки охотятся и тащат на себе убитых животных, наверху — они же пляшут, держась за руки (рис. 23). Хороводы есть и среди петроглифов периода металла в Чулекских горах Казахстана, в Шишике на Лене и на Каменных островах Ангары³². В урочище Тамгалы под Алма-Атой, кроме групповых, запечатлены и сольные танцы ряженых в шкуры людей, потрясающих бубнами над головой³³.

Так, самое подвижное, самое быстролетное искусство застыло, замерло навсегда на гладком экране скал, утесов и стен пещерных святилищ. К сожалению, специалисты по истории хореографии пренебрегают этими источниками, твердя, по привычке, что она родилась под небом Эллады³⁴. И археологи и этнографы убеждены в другом — корни народного танца и балета нужно искать гораздо глубже — в палеолите, в ледниковой эпохе.

По наскальным изображениям нельзя получить полное представление о жизни первобытного человека, но они передают ее дух. Охотники окружают зверя, натягивают луки, несут добычу в лагерь и пляшут дружно и радостно. Всюду чувствуется активность людей, везде — горячая заинтересованность художника в успехе всех предприятий его единоплеменников. Созерцательности, отчужденности от изображенных объектов нет и в помине.

Из сказанного может сложиться впечатление, что от каменного до железного века тематика гравировок и росписей совсем не менялась. Разумеется, и этот вид искусства эволюционировал, но, действительно, темпы его развития были много медленнее, чем у хозяйства и общества, да и у некоторых областей творчества — орнаментации, например.

На рубеже II и I тысячелетий до н. э. население Азербайджана было уже знакомо с металлом, земледелием, скотоводством; родовой строй распадался, а сюжеты кобыстанских пет-

роглифов остались почти такими же, как и в мезолите. Вместо пеших лучников, целящихся в быков, теперь рисовали всадников с копьем и вилами, преследующих козлов и оленей. Объясняется это тем, что мы имеем дело не с импровизациями свободных художников, а с отражением в искусстве очень устойчивых обрядов.

В XIX веке в Ярославской губернии был записан охотничий заговор: «Стану я сзывать своих слуг-сторожей...— большехуих, малоухих, рогатых и косолапых, хвостатых и шерстистых — загонять в мои ставушки-ловушки и в булатные клепы, чтобы все были пути-дороги, перебеги и их игрища обставлены, заставлены, чтобы попадались в мои ставушки и ловушки и булатные клепы лисицы-красовицы, куницы черные, зайцы белые, зайцы серые, рыси пестрые, волки серые, медведи бурые. Поклонюсь своим пригонщикам и загонщикам до мать-сырой земли, чтобы они всех зверей замахивали, заганивали во все мои ставушки..., чтобы мимо моих ставушек... не пробегали, не проскакивали... Пусть им кажется: по сторону — огонь, по другу — стена, сзади — каменна стрела»³⁵. Русские крестьяне, хлебопашцы в сотом поколении, собираясь на промысел, шептали заклинания, восходящие по меньшей мере к неолиту (недаром в них говорится о каменном оружии), взывали к каким-то зооморфным помощникам. Эти таинственные «большеухие» и «хвостатые» «сторожа» не кто иные, как благожелательные к охотнику полулюди-полуживотные, вроде персонажей палеолитических росписей.

Поздние наскальные изображения Кобыстана, Сибири и Средней Азии — прямая аналогия ярославскому заговору. И тут, и там повторяется древняя доземледельческая обрядность. Как русские мужики обращались к хозяевам зверей, мечущим кремневые стрелы, так и обитатели Азербайджана копировали мезолитический церемониал поражения нарисованного зверя. Новое сводится только к упоминанию в заговоре булатных капканов и к фигурам всадников с бронзовыми вилами на гравировках Кобыстана. Уже в XIX веке этот район был излюбленным местом охоты на джейрана у бакинских и шемаханских ханов. До сих пор функционируют кобыстанские святилища. Неудивительно, что две тысячи лет назад приезжавшие сюда поохотиться племенные вожди начинали свой день с совершения традиционных магических ритуалов.

Не отличались в этом отношении от Кавказа Сибирь и Средняя Азия. На одном из поселений земледельческо-ското-

водческой андроновской культуры в бассейне Иртыша пятая часть костных отбросов принадлежала архару³⁶. Больше всего силуэтов архаров и на петроглифах Казахстана и Средней Азии. Даже во дворце бухар-худотов VII века н. э. в Варахше на алебастровом декоре вырезаны горные козлы, пронзенные стрелами³⁷. На Лене в VI—X веках курсыкане не раз добавляли к Шишкинским писаницам очень близкие к неолитическим сцены охоты на лосей и косуль. В промысловую магию верили по-прежнему, и искусство столетие за столетием должно было обслуживать на редкость архаические культы.

Тем не менее, наскальная живопись и гравюра эволюционировали. Рассмотрим наши памятники в хронологической последовательности. В палеолите носорог и семь мамонтов были показаны в Каповой пещере каждый сам по себе (рис. 3). В мезолите от одиночных изображений сделали шаг к многофигурным композициям. В Зараут-Камаре и Кобыстане — это лучники, убивающие быков (рис. 7, 19, 22), в Каменной могиле — стада быков и оленей. Еще сложнее петроглифы Карелии — рассказ в рисунках, графическая запись древних мифов. Развитие по восходящей линии налицо.

Но весьма наглядны и свидетельства регресса. При всей обобщенности фигур мамонтов Каповой пещеры, лошадей Кобыстана, быков Зараут-Камара они воспринимаются как произведения первобытного реализма, как закрепленное на камне свежее непосредственное впечатление художника. Не то поздние гравировки с безоаровыми козлами в Западном Прикаспии или бесчисленные козлики на скалах Казахстана, Таджикистана, Тувы. Здесь перед нами лишь условные идеограммы. Люди эпохи бронзы в Азербайджане и Дагестане высекали на утесах подобие буквы «П» или арки, а на ее угол помещали два полукружия рогов (рис. 25). В Средней Азии выбивали пару соединенных вершинами треугольников, а над ними такие же полукружия³⁸.

На палеолитических росписях пещеры Ляско во Франции бизоны копыта и рога изображали чуть ли не двадцатью способами³⁹. Среди наскальных рисунков бронзового и железного века нет такого разнообразия и, напротив, выделяются целые серии почти тождественных силуэтов и контуров. Творчество вытеснялось каноном, сухой формальной схемой.

Мелкая пластика подчинена тем же закономерностям. Палеолитические «Венеры» — то худые, то ожиревшие, то одетые, то обнаженные, их руки вытянуты вдоль тела, сложены на

животе, подняты перед лицом⁴⁰. На энеолитических скульптурах передается каноническая поза женщины, поддерживающей руками свою грудь⁴¹. Статуэтка мамонта из Брюникеля ничем не похожа на авдеевскую. Энеолитические глиняные бычки одинаковы на Балканах, на Кавказе и в Туркмении.

И это, и отмеченная выше на материалах Кобыстана тенденция к уменьшению работы по камню указывает на вырождение первобытного искусства. Успех или неуспех охоты не был для земледельцев и скотоводов вопросом жизни и смерти. Охота превратилась в спорт, в забаву. Естественно, что и в связанные с ней обряды уже не вкладывали столько чувства, как раньше.

Влияние производственной магии на петроглифы велико и бесспорно. Но смысл их, несомненно, был шире. Рисуя мамонтов и быков, лосей и оленей, загонщиков и танцоров, человек не только выполнял определенный ритуал, но и познавал мир. Иначе искусство не получило бы дальнейшего развития и умерло вместе с присваивающим хозяйством. Этого не случилось. Памятники II тысячелетия до н. э. отразили более высокую по сравнению с палеолитом и мезолитом стадию мышления.

Круг сюжетов росписей и гравировок на скалах очень ограничен. Мы увидим здесь диких животных и стреляющих в них лучников, какие-то ритуальные действия, но не увидим посева, жатвы, домов, сосудов, доения коров, разделки туш, сцен инициации (посвящения в члены племени), даже обычной трапезы и много-много другого. Во II тысячелетии до н. э. тематика петроглифов несколько обогатилась. Появились те солнечные знаки и ладьи, о которых шла речь в предшествующей главе, солярные колесницы — иллюстрации к иному варианту мифа о движении светила по небосводу и, наконец, контуры стоп человека. В бронзовом веке их наносили везде — на Беломорье (рис. 8), на писаницах Тагила, Томи и Енисея, на глыбах Кобыстана и Каменной могилы⁴².

Нет нужды объяснять значение следопытства для охотников. Они никогда не спускают глаз с запутанной сети следов, оставленных на земле зверями, птицами и людьми, и с легкостью читают эту книгу природы. Не забыта она и в искусстве. В крайне схематизированную композицию, выбитую точечной техникой близ Беломорска, входят и следы лосей и лыжни, и углубления от лыжных палок. Украшая резьбой деревянные ковши, нивхи непременно поместят рядом

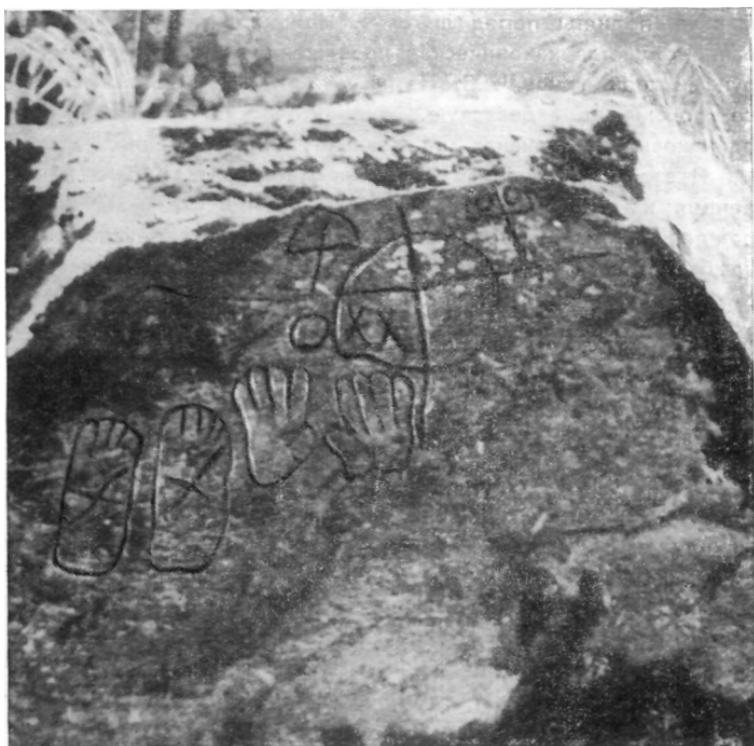

Рис. 27. КАМЕНЬ ЩЕГЛЕЦ С ГРАВИРОВКАМИ БРОНЗОВОГО ВЕКА —
У Д. МЫТНО ПОД НОВГОРОДОМ

с медведем, вылезающим из берлоги, его следы, а за фигурами лыжников — по две колеи на снегу и отпечатки палок по сторонам⁴³. Современному художнику эти детали вряд ли показались бы самыми существенными. О роли следопытства в прошлом можно судить и по обширности семи слов с корнем «след»: следовательно, исследование, наследие, последний, следить, следовать, преследовать, следствие, последователь, наследник и т. д., и т. д.

И все же не совсем понятно, почему этот сюжет свойствен не искусству палеолита или мезолита, а периоду металла и земледелия. Преобладают человеческие следы. Факт немаловажный, ибо в бронзовом веке людей вообще начали изображать чаще,

чем раньше. В Греции, где очень долго Аполлона чтили в виде каменных и медных столбов, в святилище в Амиклах Павсаний застал примитивное изваяние: «если не считать того, что эта статуя имеет лицо, ступни ног и кисти рук, то все остальное подобно медной колонне»⁴⁴. Всего пять черт требовалось для создания образа бога или человека, и в их числе были стопы.

Недалеко от Новгорода близ деревни Мышно лежит камень с высеченными знаками — двумя ладонями, двумя ступнями и солярным символом — овалом с вписанным крестом (рис. 27). Аналогии им можно подобрать среди наскальных рисунков конца II тысячелетия до н. э. в Швеции и в Приазовье. Думается, что этот валун — своего рода идол солнечного бога, каким был и античный Аполлон.

Кроме мифа о светиле, путешествующем на ладье или колеснице, в эпоху бронзы были популярны и другие легенды. Эпизоды некоторых мифов увековечены в гравировках и росписях на скалах. Уже при первом взгляде на онежские или беломорские петроглифы ясно, что это не просто магические изображения животных и охоты на них, а гораздо более сложный комплекс. Расшифровать его пытались ряд ученых — В. И. Равдоникас, С. Н. Замятнин, А. М. Линевский, А. Я. Брюсов. Интересна недавняя статья К. Д. Лаушкина, сопоставившего онежские композиции с архаичными пластами «Калевалы» и фольклора лопарей (саами).

В «Калевале» неоднократно говорится про дверь в преисподнюю — щель в скале, омываемой водой:

Видит трещину в утесе,
В камне узкую полоску.
* * * * *
На растрескавшемся камне,
На скале, блестевшей в море (стр. 209)

Преисподняя — страна Туонела — кишит гнусными пресмыкающимися. Вот как выглядит в этом краю частокол у домов:

Вместо прутьев там гадюки,
Ящерицы вместо связок.
И играют все хвостами
Да шипят все головами (стр. 210).

Воплощением царства мертвых был и гигантский налим.

За тебя я дочь не выдам

Я скорее брошу дочку

В страшный зев налима Маны» (стр. 212).

Правит в Туонеле отвратительное божество смерти с человечьим, а не со звериным обликом.

Все эти мотивы мы найдем на петроглифах в урочище Бесов Нос на Онежском озере. Гранитный берег, на который при ветре набегает волна, рассечен глубокой трещиной. Она стала центром монументальной композиции и осью двухметровой фигуры, резко отличающейся по трактовке и размеру от всех человеческих изображений. Уродливое существо с четырехугольной головой и кривым ртом, раскинувшее руки с растопыренными пальцами, как бы распахнуло объятья, чтобы схватить очередную жертву. По обе стороны на равных расстояниях — столь же большие силуэты налима и ящерицы (рис. 28). «Композиция представляет собой нечто вроде жуткой триады смерти», — пишет К. Д. Лаушкин⁴⁵. Центральная фигура вызывала страх даже несколько тысячелетий спустя у русского населения Прионежья, назвавшего мыс на озере Бесовым Носом. В XIV или XV веке монахи Муромского монастыря решили обезвредить «беса» и выбили на нем крест и монограмму Христа.

Другой сюжет Онежских петроглифов — космогонический. По «Калевале», Вселенная возникла из яйца, снесенного чудесной уткой на колене девы воздуха Ильматар — маленьком острове среди моря. Затем:

Из яйца из нижней части

Вышла мать — земля сырая.

Из яйца из верхней части

Встал высокий свод небесный.

На скалах по берегу озера разбросано немало силуэтов водо плавающих птиц — правда, скорее лебедей, чем уток. Рядом с каждым из них по одному яйцу. Самые любопытные гравировки обнаружены на островке Гурний, что, по всей вероятности, не случайно. Лебедь здесь необычный: на теле у него

Рис. 28. ИЗОБРАЖЕНИЯ, ВЫБИТЫЕ НА КАМНЕ, В УРОЧИЩЕ БЕСОВ НОС
НА ОНЕЖСКОМ ОЗЕРЕ

три изогнутые линии, как бы радуги. Тут же яйцо, солнце и звери — олицетворение неба и тверди земной (рис. 20)⁴⁶.

Легенда, вдохновившая художника, известна всему миру. Есть запись египетского мифа о том, как из первоначального хаоса поднялся кусочек суши, на нем гусь — «великий Гоготун» устроил свое гнездо и высидал солнце⁴⁷. Эта версия, пожалуй, ближе к сценке острова Гурый, чем та, что попала в «Калевалу». Согласно учению орфиков VI века до н. э., из яйца сотворены и небо и земля. Универсален и образ преисподней, но в рассказе о Туонеле мало бродячих сюжетов. В основе он самобытный и чисто северный. Так во II тысячелетии до н. э. в Карелии скрещивались и переплетались местные предания каменного века и мифы, заимствованные из передовых культур Юга и Юго-Запада.

С большей или меньшей убедительностью К. Д. Лаушкин разгадывает содержание других онежских рисунков, но работа

Рис. 29. ИЗОБРАЖЕНИЯ, ВЫБИТЫЕ
НА КАМНЕ. ОСТРОВ ГУРИЙ НА
ОНЕЖСКОМ ОЗЕРЕ

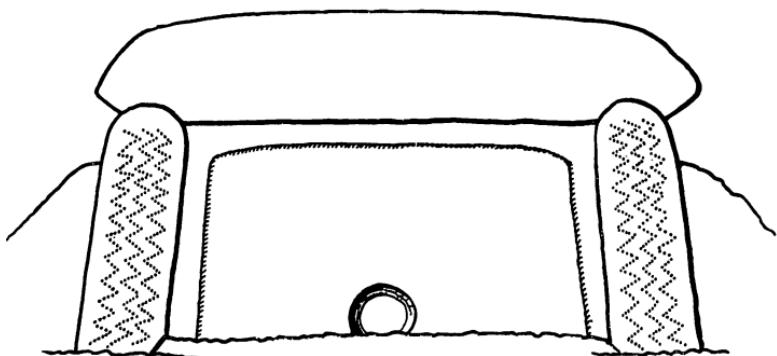
его пока не завершена. Она сулит еще немало открытий. Богатый духовный мир древности наверняка раскроют перед нами и петроглифы Юга СССР. К анализу их никто не приступал. Для тамгалинских гравировок — яркого и многообещающего памятника — не установлен даже возраст.

Пора подытожить наши наблюдения. Наскальные изображения — очень трудный, но весьма благодарный материал, в особенности если изучать сразу все его аспекты. Исследователь должен решать четыре задачи: определить дату и разобраться в технике исполнения рисунков, оценить их как произведения искусства и постичь их тайный смысл. Мы знаем теперь, что этот специфический вид творчества развивался на территории СССР минимум два десятка тысячелетий — с палеолитического времени до нынешнего столетия. От одиночных фигур животных первобытный человек перешел к композициям. На них среди быков, лосей, оленей и уток все чаще и чаще появляются люди. Позднее магические изображения охот и раненных стрелами и копьями зверей сменились более слож-

ными картинами, отразившими мировоззрение земледельцев, скотоводов и их северных соседей. Мифы о движении солнца, о возникновении Вселенной, о стране мертвых и другие важнейшие идеологические представления запечатлены на скалах во II тысячелетии до н. э.

Начиная с эпохи бронзы, живые изображения зверей почти исчезают. Всюду распространяются сухие геометризованные схемы. Пример тому — профили горных козлов, высеченные на утесах Азербайджана, Дагестана, Средней и Центральной Азии. Люди затрачивают на создание петроглифов все меньше усилий, наспех процаранывая на камне маленькие фигурки. И хотя почитание этих святилищ в Сибири и на Кавказе продолжается до XIX—XX веков, а кое-где рисунки выбивают и в наши дни, древнее искусство никогда уже не возродится. Все его высшие достижения в прошлом. Это росписи Каповой пещеры, Зараут-Камара и Шишкина, ранние гравировки Кобыстана. Это и мифологические сцены на Онежском озере и Белом море — слабые с эстетической точки зрения, но заслуживающие самого пристального внимания историков, фольклористов и социологов.

ГЛАВА IV

КАВКАЗСКИЕ ДОЛЬМЕНЫ

Тот, кто бывал на Черноморском побережье Кавказа, вероятно, слышал о дольменах. Близ Геленджика и Джубги экскурсантам показывают странные каменные домики, построенные из пяти огромных тесаных плит (рис. 30), и объясняют, что это гробницы первобытной эпохи. На фоне красот Сочинского дендрария и Пицунды эти памятники прошлого проходят обычно почти незамеченными. Между тем около них стоит задержаться подольше, над их историей стоит задуматься.

Некогда на северо-западе Кавказа дольмены исчислялись сотнями. Больше всего их было в Прикубанье — в верховьях реки Белой и по долинам Пшехи, Фарса, Губса и Ходзи¹. На «Богатырской поляне» у станицы Новосвободной в свое время возвышалось 360 дольменов. Вытянутые правильными рядами, они напоминали улицы в маленькой деревне. Недаром адыгейцы называли дольмены «сырп-ун» — дома карликов, а кубанские казаки — «богатырскими хатками». Потом за три-четыре десятка лет казаки разрушили древние усыпальницы, иногда, чтобы получить камень для вымостки дорог и на фундаменты жилищ, а то и просто так, забавы ради. Сейчас на Богатырской поляне местами торчат из земли лишь зубья расколотых плит.

Дольмены были уничтожены раньше, чем археологи успели всерьез ими заняться. Даже там, где сохранились крыша и стены, внутри все перекопано кладоискателями, кости погребенных и глиняные сосуды разбиты и выкинуты наружу. Поэтому наши сведения о дольменах очень неполны.

Самые ранние из них возведены более четырех тысяч лет назад племенами, уже освоившими земледелие, скотоводство и плавку меди. Но строители дольменов еще не знали железа, еще не приручили лошадь и не отвыкли от орудий из камня. Технически эти люди были оснащены крайне слабо. Тем не менее они создали такие каменные сооружения, каких не оставили после себя не только кавказские аборигены предшествующей эпохи, но и жившие позднее по берегам Черного моря скифы, сарматы и славяне.

Дольмен в Эшери сложен из плит длиной 3,7 м и толщиной до полуметра. Одна крыша весила 22,5 тонны². Нелегко поднять такую тяжесть на уровень стен, а это отнюдь не единственная проблема. Нередко камни доставляли за много километров. Вдалеке от гор в степном Прикубанье найден дольмен, покрытый плитой, которую «с трудом сбросили 10 человек»³.

Несомненно нужно было перепробовать немало вариантов сооружений, прежде чем прийти к классической конструкции — четыре поставленные на ребро плиты, несущие на себе пятую — плоское перекрытие. У станицы Новосвободной под насыпями курганов обнаружены необычные дольменообразные гробницы конца III тысячелетия до н. э. Среди них особенно интересна одна — круглая в плане со стенами из 11 высоких плит и с кровлей в виде шатра. Эта башня неминуемо развалилась бы, если бы ее целиком не засыпали землей. Нормального распределения функций опор и свода здесь еще не было⁴. Скорее всего настоящие дольмены тогда строить не умели.

Но всю сложность этого дела можно постичь только на собственном опыте.

В 1960 году было решено перевезти из Эшери какой-нибудь дольмен в Сухуми — во двор Абхазского музея. Выбрали самый маленький и подвели к нему подъемный кран. Как ни закрепляли петли стального троса на покровной плите, она не двигалась с места. Вызвали второй кран. Два крана сняли многотонный монолит, но поднять его на грузовик оказалось им не по силам. Ровно год крыша лежала в Эшери, дожидаясь, когда в Сухуми прибудет механизм помощнее. В 1961 году

с помощью этого механизма все камни погрузили на автомашины. Но главное было впереди: собрать домик заново. До того как это удалось, прошел изрядный срок, деревья музеиного сада были ободраны, а одна стена дольмена разбита. И все-таки реконструкция осуществлена лишь частично. Крышу опустили на четыре стены, но развернуть ее так, чтобы их края вошли в пазы на внутренней поверхности кровли, не смогли. В древности плиты были пригнаны друг к другу настолько, что клинок ножа между ними не пролезал. Теперь тут остался большой зазор.

Этапы возведения дольменов восстанавливаются только гипотетически. Наверное, на кладбища материал подтаскивали из каменоломни на волах. Очевидно, применяли простейшие катки, рычаги, подсыпку земли, временные подпорки, поддерживавшие плиты в вертикальном положении, пока на них не давило перекрытие. Но на первом плане был мускульный труд многих и многих десятков людей. По расчету Б. А. Куфтина, верхнюю плиту эшерского дольмена поднимало по крайней мере 150 человек⁵.

И на Черноморском побережье, и в Прикубанье открыты поселения племен, хоронивших своих покойников в дольменах. Следы жилищ, выявленные при раскопках, абсолютно не похожи на погребальные дома. У жилищ глинобитные полы, стены из плетня, обмазанного глиной, и в редких случаях — фундамент из небольших кусков рваного камня⁶. Строители дольменов — великаны адыгейских легенд, носившие на плечах четырехугольные глыбы, обитали в действительности в жалких лачужках. Более того. На реке Белой и в окрестностях Адлера в нескольких пещерах изучены стоянки с такой же глиняной посудой, как и в курганах у Новосвободной. Люди, попытавшиеся возвести на родовом кладбище усыпальницу в виде башни из 11 огромных плит, ютились в пещерах, подобно неандертальцам.

Идеология племен северо-западного Кавказа в чем-то перекликалась с представлениями древних египтян. И для тех, и для других было важнее создать рассчитанное на тысячелетия погребальное сооружение, чем сделать для себя удобное жилище. Египетские пирамиды воздвигали рабы, обреченные на жизнь в хижинах из тростника и кирпича-сырца, но и дворцы фараонов не могли соперничать с величием и роскошью пирамид. Только фундаменты уцелели от домов рядовых египтян, а их гробницы-мастабы хорошо сохранились.

Рис. 30. ОБЩИЙ ВИД ПШАДСКОГО ДОЛЬМЕНА. ЧЕРНОМОРСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ КАВКАЗА

Во II тысячелетии до н. э. население Кавказа не достигло еще рабовладельческой стадии, но очень богатые вожди здесь уже выдвинулись. Могила с балдахином и прочими сокровищами в Майкопском кургане даже древнее дольменов. Все же до эпохи железа основы первобытной общины на Кавказе не были поколеблены. Вероятно, весь род трудился над каждым склепом из камня. Полторы сотни людей тратили силы и время, чтобы достойно обставить переход своего собрата в мир иной, и никто из них не думал, что лучше употребить эти силы и время на обработку полей, совершенствование орудий или художественное творчество.

Люди, сооружавшие дольмены, лепили посуду от руки, хотя в южных районах Закавказья с середины II тысячелетия

до н. э. распространился гончарный круг. Обитатели северо-западного Кавказа мотыжили землю, не помышляя о плуге, давно известном в Двуречье, пользовались многими костяными и каменными орудиями чисто неолитических форм и охотились с таким примитивным оружием, как праща (шарики для пращи не раз встречались при раскопках дольменов). И вот при всей этой технической бедности те же люди ворочали двадцатидвухтонными монолитами, к которым не подступались позднейшие племена, знакомые с плугом и гончарным кругом, освоившие железо и оседлавшие лошадь. Характернейший пример одностороннего развития общества — явления, поражающего нас в истории от древности и до сего дня. Перед нами и пример господства над обществом одной религиозной идеи. В двадцатом столетии она выглядит нелепой. Посвятить жизнь созданию монументальных усыпальниц кажется нам бесмысленным, но мало ли не менее странных идей овладевало человечеством на века, а то и на тысячелетия. И далеко не всегда эти ложные посылки были бесплодны для культуры, для искусства. Так и здесь — чрезмерная, гипертрофированная забота о загробном мире и вечных домах предков привела первобытного человека к архитектуре.

Два кубанских поселения, одного времени с дольменами, огорожены стенами из рваного камня⁷. Значит, склепы строили из колоссальных плит не потому, что люди не умели дробить камень. Куда проще сложить куб или параллелепипед из небольших кусков известняка, чем из пяти громадных и неподъемных блоков. К тому же плиты надо было обтесать, пробить в них пазы, необходимые для скрепления, а в стене, предназначавшейся для фасада, неизменное круглое окошко. Очевидно, к камням-монолитам прибегали с определенной целью — стремясь придать постройке прочность и несокрушимость.

Об обрядах при возведении гробницы, похоронах и периодически повторявшихся жертвоприношениях можно только догадываться. Как и египетские пирамиды, дольмены скорее всего воздвигали еще при жизни тех, кому суждено было найти здесь свое последнее жилище. На ломку камня, доставку плит к месту погребения и сооружение самой усыпальницы не хватило бы немногих дней, пока тело умершего не начало разлагаться. В ряде дольменов обнаружено по нескольку костяков, но очень редко более трех. Вероятно, каждый каменный домик был семейным склепом, а группа дольменов — родовым кладбищем. Тело засовывали внутрь через отверстие в передней

стенке, затыкавшееся затем каменной пробкой. При новых захоронениях пробка вынималась.

Часто перед дольменами, стоящими на склоне горы, находится ровная площадка. Близ станицы Каменномостской вокруг нее вкопаны большие столбообразные камни-менгирь⁸. Такие же площадки или «дворики» есть около дольменов и в других странах — в Испании, Англии и Франции. Предполагают, что тут совершались какие-то религиозные церемонии. На верхней плите дольменов или на особых камнях перед ними кое-где выбиты чашечные углубления для жертвоприношений и возлияний⁹. Адыгейское племя шапсугов еще в XIX веке приносило к дольменам жертвенную пищу¹⁰. Этот обряд мог сохраниться с древнейших времен, когда на кладбище приходили с пищей родичи погребенных.

Б. А. Куфтин обратил внимание на то, что глиняные чашечки из дольменов, как правило, сделаны небрежно, хрупки и малы по размеру¹¹. По-видимому, они изготовлены специально для сопровождения покойника. Миниатюрность сосудов Куфтин объясняет, исходя из этнографических параллелей. Первобытным народам душа представляется очень маленькой. В чашечки наливали питье для душ умерших. В адыгейской легенде о домах карликов чувствуется отголосок этих верований. В легенде говорится, что карлики жили в пещерах, а потом им хитростью удалось заставить могучих, но простоватых великанов построить себе каменные дома¹². Мы помним, что в конце III тысячелетия до н. э. кавказские племена порою селились в навесах под скалами. Адыгейскую легенду можно понять и так: маленькие души людей, обитавших некогда в пещерах, теперь живут в дольменах.

Вот, пожалуй, и все, что мы вправе сказать о духовном мире людей, похороненных в дольmenах Прикубанья и Восточного Причерноморья. Нет еще ответа на главный вопрос: откуда пришла к нам идея этого погребального сооружения. В Сирии, Палестине и Северной Африке, в Испании, Франции и Англии, в Дании и южных районах Скандинавии, в Иране, Индии и юго-Восточной Азии изучены каменные склепы, очень похожие на кавказские. Строили их разные племена и не всегда в одну и ту же эпоху, но идея такой постройки несомненно должна была иметь общее происхождение. Некоторые археологи думают, что дольмен воспроизводит форму египетской гробницы-мастабы¹³, другие — их опровергают. Бессспорно лишь тяготение дольменов к приморским районам, указывающее на роль морских сношений в

распространении этих своеобразных усыпальниц¹⁴.

Если мы рассмотрим таблицу с данными о размерах кавказских дольменов¹⁵, мы заметим, что чем дальше от моря, тем их габариты все меньше и меньше. В Эшери высота передней плиты около 2,5 м, а длина боковых стен — 3—3,5 м. Столы же массивные камни использовали на древних кладбищах Геленджика, Джубги, Лазаревского. Стены Пшадского дольмена достигают в длину даже 4 м. Кубанские «богатырские хатки» Баговской, Новосвободной, Даховской станиц — гораздо мельче: фасад у них не выше метра, а общая длина в среднем — 1,8 м. В более восточных областях нет настоящих дольменов, но здесь на Кяфаре и Теберде найдены подражающие им по форме средневековые склепы (рис. 31). Они прямоугольные в плане, с круглым входным отверстием, однако сложены уже из множества небольших камней¹⁶.

Так, по археологическим памятникам можно судить о самом процессе распространения идеи дольмена с побережья в более глухие уголки Кавказа. Мы видим, что параллельно шел другой процесс: люди постепенно облегчали свою задачу — сначала уменьшили размеры гробниц, а затем стали строить их из того же материала, что и хижины, отказавшись от камней-монолитов (рис. 32).

Взглянем теперь на дольмены как на памятники искусства. Можно ли проанализировать их с этой точки зрения? Да, можно. Размещая плиты с точным строительным расчетом, создатели дольменов проявили себя и в качестве архитекторов. Почти везде боковые плиты и кровля несколько выступают над передней стенкой. Получается П-образный портал. Задняя стена обычно ниже передней, и крыша лежит наклонно. Все это позволяло выделить в постройке элементы конструкции — несущие свод опоры и выразить ощущение прочности, незыблности дольмена. Как мы уже говорили, именно стремление к прочности потребовало возведения дольменов из пяти крупных плит, а не из брускатки или рваного камня. Монолитность, несокрушимость роднит кавказские усыпальницы с египетскими пирамидами. Сходство закономерно. И те, и другие должны были служить вечными жилищами для людей, считавших эту жизнь лишь временным пристанищем и воплотивших веру в иную жизнь в монументальных каменных гробницах.

Снаружи дольмены никак не украшали, хотя их стены — идеальная плоскость для орнаментального фриза. Но такой

фриз неизбежно разрушит плоскости, а с ними пропадет циклопичность, суровость всего архитектурного сооружения. Поэтому в тех редких случаях, когда на дольменах есть орнамент, он сводится к узким поясам узора: например, в Жанэ к нарезным зигзагам на портале — выступающих перед входом в дольмен торцах боковых плит (см. заставку к этой главе). Монолитность стен этим не нарушена¹⁷.

Если снаружи плиты не могли быть декорированы без ущерба для архитектурного замысла памятника, то с интерьера дел обстояло иначе. Внутри некоторых дольменов были порядочные помещения (до 7,7 кв. м, как в Эшери), правда, слабо освещенные, но все же напрашивающиеся на какое-то убранство. В Западной Европе известны мегалитические гробницы с гравировкой¹⁸. У нас в Крыму открыты погребения эпохи бронзы в каменных ящиках, расписанных изнутри¹⁹. Иногда украшены и кавказские дольмены. Близ Геленджика и Жанэ на их плитах выгравированы зигзаги и треугольники²⁰. В дольмене у станицы Новосвободной сохранилась красная роспись²¹.

Рис. 31. ДОЛЬМЕНООБРАЗНЫЕ СКЛЕПЫ НА Р. КЯФАРЕ.
СТАВРОПОЛЬСКИЙ КРАЙ

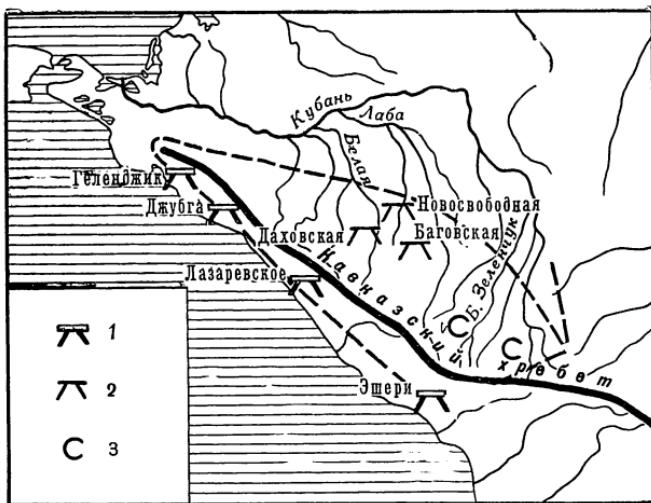

Рис. 32. СХЕМА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ДОЛЬМЕНОВ

НА КАВКАЗЕ

1 — большие дольмены, 2 — малые дольмены,

3 — дольmenoобразные склепы

Узор, очень похожий на геленджикский, мы найдем на трипольской глиняной модели жилища из Попунди²². Здесь в единственной комнате на уровне окон тянется полоса елочного орнамента. Исследователи мегалитов Западной Европы пришли к выводу, что резьба в усыпальницах изображает ковры. На одном фризе помимо их геометрического узора показаны как бы повешенные на стену лук и колчан со стрелами, т. е. воспроизведено все внутреннее убранство дома²³. Чисто ковровый характер имеет и орнамент крымских каменных ящиков (рис. 33). Строителям дольменов подчас хотелось сделать каменное жилище покойника не только прочным, но и уютным. На плиты известняка переносили рисунки с тканей, висевших в домах побогаче. Этот мотив очень типичен для прикладного искусства. В росписях египетских гробниц можно узнать орнаменты на краях циновок, а в боспорских склепах — написанные на стенах ковры. Да и в древнерусских церквях мы заметим длинные белые полотнища, обрамляющие над полом нижний ярус фресок.

Самые поздние из дольменов, раскопанных в Причерноморье, датируются серединой I тысячелетия до н. э.²⁴ Склепы,

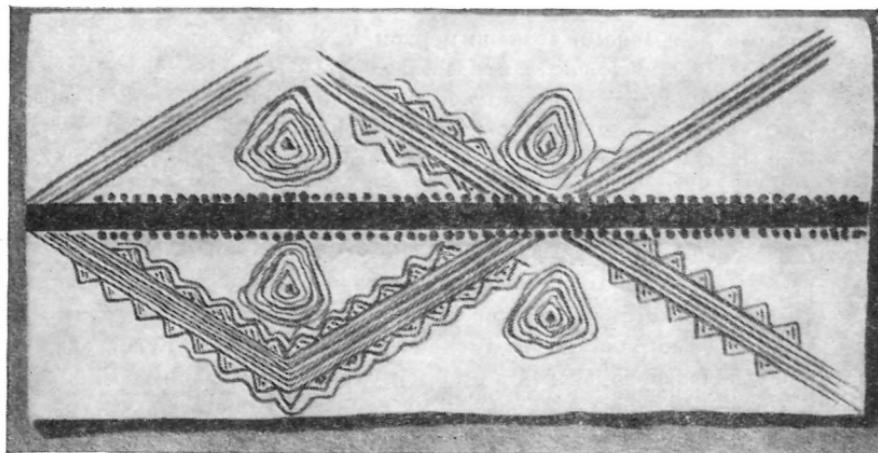

Рис. 33. РОСПИСЬ ОДНОЙ ИЗ СТЕН ПОГРЕБАЛЬНОГО КАМЕННОГО ЯЩИКА У С. КОЯШ ПОД СИМФЕРОПОЛЕМ

сходные с ними по форме, но сложенные уже не из монолитов, а из мелких камней, строились на Кавказе вплоть до XI—XII веков н. э.²⁵

Кавказские племена железного века берегли древние кладбища. Сто лет назад русские казаки, заселившие Прикубанье, постоянно наталкивались на совершенно целые дольмены. Большинство из них было заткнуто пробками. Местное население еще смутно помнило о поклонениях на старинных могилах, а кое-где продолжало выполнять эти обряды. Адыгейцы были уверены, что повреждение дольменов повлечет за собой мор и несчастье²⁶.

Чувство почтения к далеким предкам и боязнь нарушить их покой в течение сорока столетий передавались от дедов к отцам, от отцов к детям и даже к чуждым по происхождению народам.

Это явление наблюдается всюду, где есть мегалитические памятники. В Бретани еще на рубеже XIX и XX веков к ним приносили больных в надежде на исцеление и ходили молиться девушки, мечтавшие выйти замуж. Французские этнографы описывали хороводы вокруг менгиров²⁷. Известны церковные послания эпохи средневековья, запрещавшие паломничество к этим языческим сооружениям. Но в борьбе с тысячелетними поверьями церковь была бессильна. Тогда началась «христи-

анизация» мегалитов. На них установили кресты, а над некоторыми дольменами возвели церкви²⁸.

То же произошло в Закавказье. Тут у менгиров были святыни, им жертвовали петухов и баранов, определенное число раз оползали каменные столбы на коленях. Христианство узаконило эти обряды. И здесь мы находим часовни над менгирями²⁹.

Нечто подобное отмечено и у славян. В Почаевской лавре богомольцы прикладывались к камню со «стопой богородицы»³⁰, несомненно еще языческой святыне. В 6 км от Кирилло-Белозерского монастыря в часовне лежит другой валун. Монахи усмотрели на нем след святого Кирилла. Культ камней-«следовиков» восходит к бронзовому веку. Напомним, что в это время стопы изображали на камнях в Приазовье, на Урале, в Сибири и в Карелии³¹. Уже Геродоту показывали «у реки Тирааса (Днестра)... отпечаток ступни Геракла в скале. Он похож на след человека, но в длину имеет два локтя»³².

Охраняемые народным поклонением мегалиты Британии и Закавказья благополучно дожили до сего дня. Дольменам не повезло. В 1897 году основатель Краснодарского музея Е. Д. Фелицын сетовал: «Горцы, предшественники наши в Закубанском крае, относятся вообще с большим уважением к памятникам старины, в чем бы они ни заключались. К сожалению, кубанские казаки, унаследовав их места, не подражают этой похвальной черте горцев»³³. Еще до революции были уничтожены сотни дольменов. Часто их разбивали без цели, просто чтобы «испытать силу». Даже интеллигентные инженеры способствовали разрушению памятников, распорядившись использовать их плиты на щебень для Черноморского шоссе³⁴. Как это ни печально, наши трактористы тоже любят пробовать на дольменах «кто-кого возьмет» — разобьет трактор каменный дом или сломается. И вот результаты. В 1885 году на Богатырской поляне стояло 360 дольменов, в 1928 году — 20, а нынче их нет совсем.

Итак, темные неграмотные адыгейцы ничем не повредили дольменам, а народ с более высокой культурой стер их с лица земли. Разгадка парадокса в том, что для адыгейцев «сырпун» был чем-то священным, а для русских — чужим, непривычным и ненужным.

Сейчас участь немых свидетелей прошлого волнует не только археологов и искусствоведов. Слишком явными стали потери от уничтожения памятников. Извлечем же урок из истории доль-

менов. На наш взгляд, он формулируется так: сохранить памятники могут те, кто их любит, кто дорожит ими, но отнюдь не те, кто недоумевает, «зачем все это нужно». В старину древности защищала религия. Теперь их берегает культура. В период, когда религия утратила былую роль, а понимания ценности культурного наследия еще нет, обычно и погибают археологические объекты и произведения древнего искусства. Именно при таких обстоятельствах погибли дольмены Прикубанья.

Драматична и удивительна их судьба. Четыре тысячи лет назад, увлекшись заимствованным откуда-то со стороны учением о жизни и смерти, племена северо-западного Кавказа принялись сооружать рассчитанные на века мегалитические гробницы. Древнейшие и самые большие дольмены появились на берегах Черного моря. Создатели этих усыпальниц не были мифическими великанами. Это были люди, обитавшие в пещерах или в поселках из глинобитно-плетневых «турлучных» домов, сравнительно недавно познакомившиеся с металлом. Каждая усыпальница требовала тяжелой многодневной работы, и все же одно поколение людей за другим отказывалось ради нее от своих повседневных дел.

Постепенно идея дольмена распространилась с побережья в горы и перевалила через Кавказский хребет. Завоевывая новых приверженцев, идея слабела: дольмены Прикубанья меньше Причерноморских. Наконец, от нее осталась лишь оболочка: каменные гробницы с отверстием в передней стенке строили по-прежнему, однако складывали их уже из мелких плиток. Творчество титанов сменилось ремеслом рядовых каменщиков. Практический расчет победил идею. В XII веке исчезли и эти подражания древним склепам. Мелькало столетие за столетием, мир неизвестно преобразился, а старики шапсуги все еще носили к дольменам пищу для духов. Потом пришел чужой народ и разрушил «богатырские хатки».

Такова история дольменов. Право же, стоя перед последними из них, есть о чем задуматься.

ГЛАВА

V

КУРГАНЫ И КАМЕННЫЕ БАБЫ

В те дни, когда племена северо-западного Кавказа строили дольмены, в степной полосе Поволжья и Причерноморья воздвигали не менее грандиозные усыпальницы — курганы. На протяжении столетий дожди и ветры, а за последние два века интенсивная распашка сглаживали крутые склоны курганов, и теперь очень трудно представить себе, как они выглядели изначально. Ясно одно — это были вовсе не кучи земли, а настоящие архитектурные сооружения¹.

В основании многих курганов ямной культуры III тысячелетия до н. э. в древности выделялся кромлех — пояс из каменных блоков или плит, поставленных на ребро. Плиты такого кромлеха у села Вербовка в Приднепровье, притащенные за 60 км из-под Чигирина, были покрыты резным геометрическим узором. На этот каменный орнаментальный фриз опирался деревянный шатер, а земляная и дерновая основа всей конструкции была спрятана в глубине (рис. 34)². Обкладка насыпи деревом обычна и для волжских погребений срубной культуры II тысячелетия до н. э. Белый конус из отесанных плах должен был четко вырисовываться на зеленом фоне степи. У села Водяное поле этот шалаш увенчивала некогда большая kostяная бляха³.

Время шло. Разрушалось дерево, оплывали насыпи. Могилы бронзового века превратились в холмы, поросшие ковылем. Постепенно к ямным и срубным курганам прибавлялись все новые и новые — скифские, сарматские, половецкие. Менялись верования, над степью звучали то одни, то другие языки, но вплоть до средневековья родовые кладбища остались здесь прежними.

В горных и лесных районах курганы встречаются редко. И это неудивительно. Курган рассчитан на то, чтобы его было видно издалека на необозримом степном пространстве. Среди леса и в горах он неминуемо затеряется.

В центральной России погребения периода металла тоже как-то отмечали на поверхности (в абашевской культуре II тысячелетия до н. э. — оградками из плетня)⁴, но курганы в этих местах почти всегда связаны с проникновением степных народов или с очень поздним временем, когда леса были уже сведены.

В трипольской культуре, охватывавшей обширную область, ландшафтным зонам соответствуют и типы могильников — Усатовский в степи под Одессой был курганным, Выхватинский в лесной Молдавии — грунтовым.

Таким образом, при возведении курганов ставилась конкретная архитектурная задача — создать далеко заметный и вечный памятник погребенному. У археологов принято видеть в могиле прежде всего «дом мертвых» и судить по ее устройству об особенностях жилищ. Это не совсем верно. Именно как памятник расценивают холм над прахом героя homerовские поэмы и исландские саги.

Первые курганы появились в наших степях пять тысяч лет назад. В ту эпоху в Поволжье и Северном Причерноморье обитали скотоводческие племена — носители так называемой ямной культуры. Размеры ямных курганов были очень внушительными. Диаметр их кромлехов достигает 20 м, а высота иных сильно оплывших насыпей даже сейчас превышает 7 м⁵. В невзрачные бугры, сохранившиеся кое-где среди пахоты, в далеком прошлом был вложен колоссальный труд, не уступающий по объему труду строителей дольменов. Надо было поднять тысячи кубометров земли, а подчас доставить за десятки километров тяжелые камни для кромлеха. Видимо, погребальным обрядам в идеологии ямных племен придавалось такое же большое значение, как и в Египте, и в мегалитических культурах Европы и Кавказа.

Первые курганы поднялись над степью примерно в то же время, когда на Ниле воздвигали древнейшие пирамиды, в Бретани устанавливали первые ряды огромных вертикально вкопанных камней — менгиров, а на Черноморском побережье Кавказа ломали плиты для самых ранних дольменов. Одновременное возникновение всех этих монументальных архитектурных сооружений не случайно. Это результат распространения одной и той же идеи — идеи надгробия, памятника умершему, по-разному воплощенной в разных районах. Такая идея — плод определенной и уже весьма высокой стадии общественного развития.

Казалось бы, набросать над могилой земляной холм совсем не сложно. Но ни в палеолите, ни в мезолите, ни в неолите мы не найдем погребений под насыпью. Первоначальный внешний облик кладбищ каменного века не вполне ясен. Во всяком случае от них очень скоро не оставалось никаких следов на поверхности. Сами захоронения были скромны и нередко почти что тождественны. Примером могут служить три мезолитических некрополя на Днепровских порогах. Наверное, так же мало отличались и судьбы лежащих здесь людей. Каждый из них в совершенстве владел луком и изготавлял орудия из кремня, каждый имел решающий голос в родовом совете.

Переход к земледельческо-скотоводческому хозяйству решительно все изменил. В Двуречье и Египте были заложены основы цивилизации. Тут еще в IV тысячелетии до н. э. окончилась эпоха первобытного равенства, выделились племенная верхушка и жреческая каста. Раскопки свидетельствуют об этом не хуже письменных источников: уже в могильниках додинастического Египта среди сотен бедных погребений обнаружены десятки очень богатых. Жрецы и вожди постарались использовать искусство в целях прославления своей личности. Зародился египетский портрет, началось строительство пирамид. За фараонами тянулась знать, за знатью — рядовые общинники. О пирамидах они мечтать не смели, но и им хотелось сделать гробницы для себя, для предков и родичей как можно более заметными, как можно более величественными. Не всем удавалось возвести даже мастабу, дольмен или курган. Тогда покойников хоронили в старых чужих дольmenах и курганах.

Эти сдвиги в сознании человека, поневоле обрисованные очень бегло и схематично, отразились не на одних лишь цивилизациях Востока, но и на связанных с ними культурах Европы. Мегалитические памятники Франции в известной степени

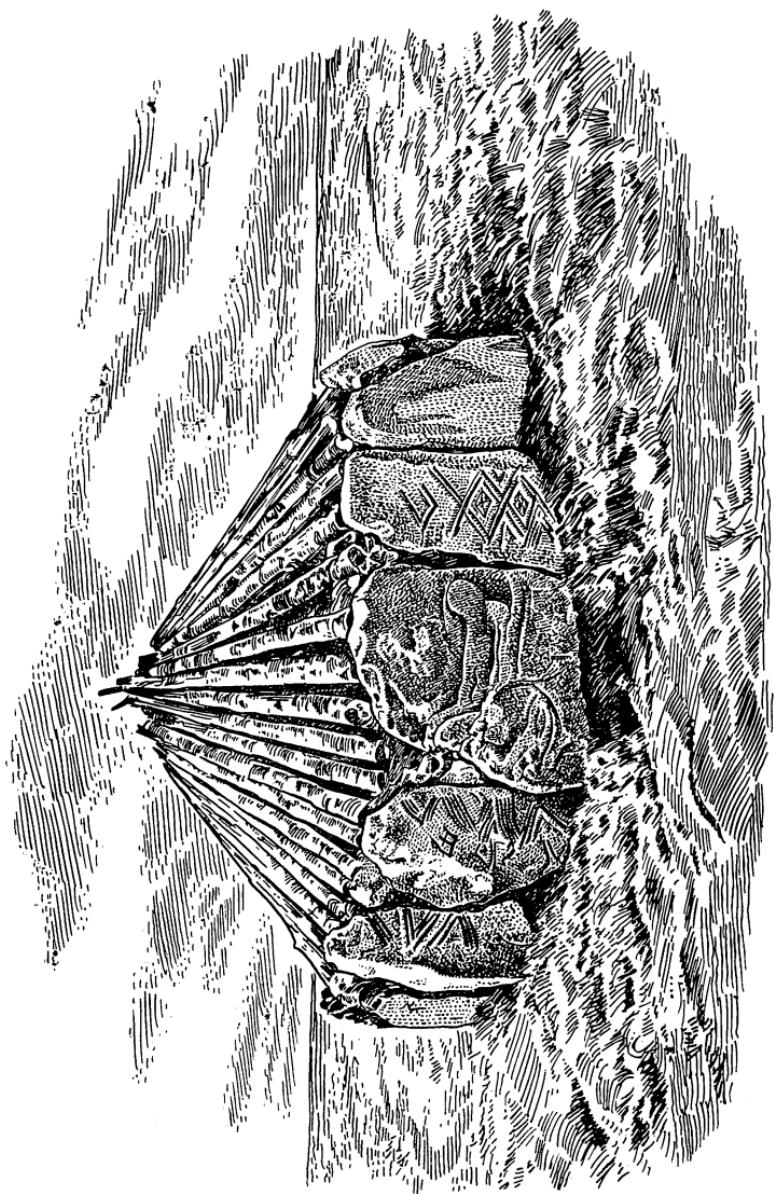

РИС. 34. РЕКОНСТРУКЦИЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ОБЛИКА КУРГАНА У С. ВЕРБОВКИ В ПРИДНЕПРОВЬЕ
(рис. А. С. ТРОФИМОВА)

зависят от архитектуры Египта. Влияние высокоразвитых районов коснулось и Северного Причерноморья.

Но дело, конечно, не только в воздействии идей классического Востока. Скотоводство и земледелие, медные и бронзовые орудия, обмен, борьба за пастбища и стада преобразили и первобытные общины Европы. Под курганами и в дольменах спят уже не прежние равноправные и похожие друг на друга охотники, а вожди, оборонявшие стада от нападений иноплеменников, мастера-литейщики, люди, совершившие трудные и далекие путешествия за металлом, за украшениями, за солью. С возникновением производящего хозяйства роль человека в жизни земли неизмеримо возросла. Возросла и его роль в идеологических представлениях. Новое строго определенное место в родовом коллективе занял каждый из его членов. В этих условиях и были созданы неведомые досель памятники человеку.

Итак, в главе истории искусств, посвященной мегалитам и пирамидам, должно найти место и для наших степных курганов. Как ни просты пирамиды, они производят огромное впечатление. Просты и мегалиты, но Мопассан признавался, что стоял перед менгирами Бретани «изумленный и очарованный»⁶. Конструкции из земли, дерна, камня и дерева пострадали от времени больше пирамид и менгиров. Тем не менее даже остатки этих конструкций как-то задевают наши чувства. «В двух шагах от нас, на бесконечной и гладкой, как ток, степи, стоит и глядит на меня большой могильный курган...», — говорит Бунин в «Жизни Арсеньева». — Это было нечто ни на что не похожее ни по своим столь определенным и вместе с тем столь мягким очертаниям, ни по тому, главное, что таялось в них. Это было нечто совершенно необыкновенное при всей своей простоте, такое древнее, что казалось бесконечно чуждым всему живому, нынешнему, и в то же время было почему-то знакомо, близко, родственно»⁷.

Курганами отмечены все ямные погребения, но над некоторыми из них возвышались еще каменные надгробия. Чаще всего это были антропоморфные стелы⁸.

Надмогильные статуи — такое же типичное для степей явление, как и курганы. На бескрайних просторах нашего юга они так же на месте, так же бросаются в глаза даже на очень большом расстоянии. В лесной зоне этот вид памятников почти не известен. Древесные стволы — самый неподходящий фон для любой статуи.

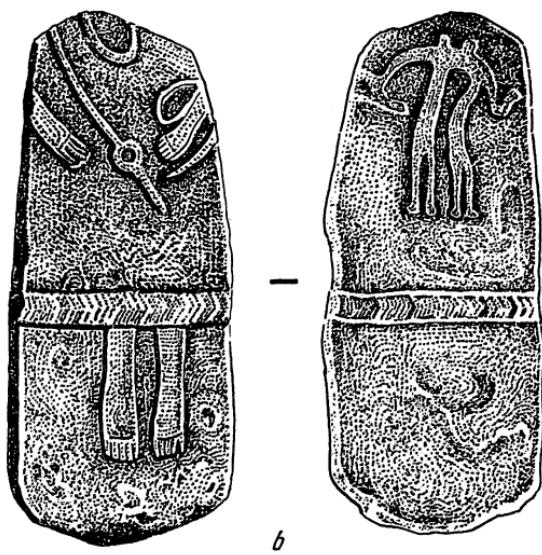
Каменные бабы Северного Причерноморья разнотипны и относятся к разному времени. Среди них есть и энеолитические — ямные — отесанные прямоугольные плиты с выступом головы и проработкой деталей гравировкой или рельефом (рис. 35, 1—4), и несколько более расчлененные — скифские (рис. 2), и уже объемные — половецкие. И все-таки нельзя не признать крайне примитивными все изваяния, вплоть до половецких. Но их и не надо разглядывать вблизи. Это не скульптура для музея, а кусок степи, деталь архитектурного сооружения — кургана. Представим себе мысленно стоящий на холме кол или куб. Ни тот, ни другой не сольется с полушарием насыпи в нечто единое. А вот каменная бaba составляет с ним неразрывное целое. Она и создавалась с расчетом на высокий земляной пьедестал, на обзор со всех сторон с самых отдаленных точек.

Каменных баб, так же как пирамид и дольменов, не было в палеолите. Эти предельно простые фигуры появились только в тот момент, когда возможной стала сама идея памятника умершему. И хотя рядом с палеолитическими рисунками зверей антропоморфные стелы ямной культуры кажутся совершенно беспомощными, бездарными попытками изобразить человека, значение их очень велико. Энеолитические изваяния — первые на территории СССР образы людей не в искусстве малых форм, а в монументальном искусстве. Полугораметровая диоритовая каменная бaba из Казанков в Крыму, стела из Белогрудовки высотой 2,4 м — принципиально иные произведения, чем одновременные им глиняные статуэтки Триполья или более древние каменные и костяные статуэтки палеолита.

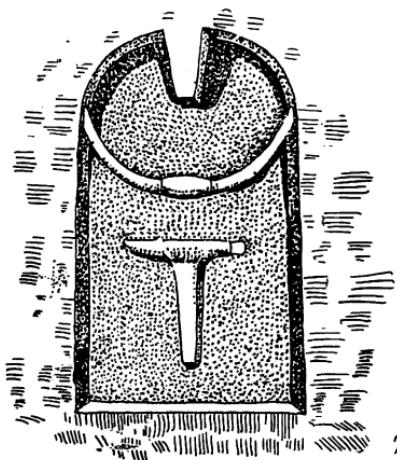
Присмотримся к стелам повнимательней. Лица на них обозначены то очень схематично, как в Казанках, поперечной чертой — нос, продольной — глаза, то чуть подробнее, как в Тиритаке, Натальевке, Александровке, — оба глаза, нос, рот. Обычно показаны руки, а иногда даже ребра. В руках человека на стеле Новочеркасского музея так называемая пастушеская палка — посох с изогнутым концом. Квадратный в сечении блок песчаника со всех сторон охватывает линия пояса. На обратной стороне камня как бы отпечатались две ступни (не таков ли был Аполлон из святилища в Амиклах?). Те же стопы мы увидим на спине статуй из Белогрудовки близ Умани и Гаманджии в Румынии. На последней изображены еще и топоры. Самый любопытный памятник найден под Днепропетровском у села Натальевки. На нем выгравированы пояс, лук,

Рис. 35. СОПОСТАВЛЕНИЕ АНТРОПОМОРФНЫХ ИЗВЯИЙ ИЗ СЕВЕРНОГО
1 — Новочеркасск, 2 — Казанки, 3 — Натальевка, 4 — Александровка, 5 — Кол
(департамент Марны), 6 — Эпон (департамент Сены-и-Уазы)

b

7

8

ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И ИЗ ФРАНЦИИ

лорж (департамент Гар), 6 — Морель (департамент Аveyron), 7 — Куржеонне

булава и какой-то т-образный предмет, вероятно, скипетр. На корпусе каменной бабы из Казанков помимо пояса находится дополнительный рельеф — пара геральдически расположенных человечков. Упомянем, наконец, ожерелье на Александровской стеле, и к характеристике интересующих нас произведений первобытных скульпторов прибавить, пожалуй, будет уже нечего.

Очень многое здесь перекликается с мегалитическими изваяниями Франции. Это изображение носа и глаз в виде двух перпендикулярных друг другу черт, пояса и ожерелья, т-образные скипетры и пастушки палки, фигурки людей в нижней части плиты и ступни ног на ее обороте⁹. Совпадений столько, что случайными они быть не могут (рис. 35). Перед нами бесспорное свидетельство тесных связей искусства Причерноморья и Франции в эпоху энеолита. Есть и другие доказательства этих связей. На Херсонщине встречаются камни с обособленными изображениями пастушеских палок¹⁰. Аналогичные рисунки на скалах описаны и на Западе¹¹. Однаковые силуэты топоров выбиты на надгробиях III—II тысячелетий до н. э. в Румынии и в Крыму, в Скандинавии и во Франции¹². Картографировав находки архаичных каменных баб, мы заметим, что, подобно дольменам, они тяготеют к побережью Черного моря и другому водному пути — Днепру.

В Поволжье антропоморфных стел не было ни в ямное время, ни позже до самого рубежа железного века. К этому периоду относится могильник со стелами недалеко от устья Камы. На овальных плитах нет и намека на лица или руки, но посередине, близ воображаемого пояса, очень тщательно вырезаны контуры топоров и кинжалов¹³. Эти виды оружия наиболее типичны и для мегалитических памятников. Поскольку волжские стелы более поздние, а мегалитические — немного древнее украинских, можно считать, что обычай устанавливать над погребениями каменные фигуры был заимствован обитателями наших степей из Средиземноморья, а не наоборот. В области распространения мегалитических сооружений при раскопках попадаются египетские бусы и амулеты¹⁴. Все это подводит нас к важному выводу. Образ человека вошел в монументальное искусство энеолита Франции и южной России не без влияния древнейших цивилизаций Востока.

Каменные бабы ямной культурыостояли на курганах четыре с лишним тысячи лет. Над чьей могилой поставлены и кого изображают эти изваяния, вскоре было забыто, но очень

долго степные народы смотрели на них с тем смешанным чувством страха и уважения, с каким кавказские племена смотрели на «дома карликов» — дольмены. В 1722 г. Д. Г. Мессершмидт, посланный Петром I для изучения Сибири, наблюдал поклонение хакасов у древних истуканов в Минусинской степи. Каждый его спутник трижды обхехал на коне наиболее почитаемую каменную бабу, а потом положил перед ней жертвенную пищу. Судя по зарисовкам Мессершмидта, хакасы возносили свои молитвы очень архаичной статуе, хранящейся ныне в Минусинском музее. О дате ее спорят, но даже по минимальным подсчетам ей не меньше трех тысяч лет¹⁵.

Поклонялись древним надгробиям и в Причерноморье. Уже в XIX веке украинские крестьяне клали дары у ног половецкой статуи на Чертомлыцком кургане и просили ее о помощи¹⁶. Можно не сомневаться, что сперва жертвоприношения совершили близкие родственники, затем все более отдаленные потомки, а иногда и чужды по происхождению пришедшие издалека народы. Умышленно или невольно эти люди использовали в своем творчестве некоторые черты старинных памятников. Так, уже в средние века на Кавказе строили склепы, напоминавшие дольмены, а в степях создавали подражания энеолитическим стелам.

На всех скифских каменных бабах, даже на самых схематичных, непременно показан пояс — та деталь, на которую мы обратили внимание в Казанках, Новочеркасске и Натальевке¹⁷. В V веке до н. э. Геродот записал в Причерноморье скифскую генеалогическую легенду: Геракл оставил сыновьям в наследство пояс и лук. Только один сын — Скиф сумел натянуть этот лук, и наследство досталось ему — родоначальнику скифских царей¹⁸. Очевидно, пояс потому и отмечен на всех скифских скульптурах, что это знак власти¹⁹. Но такое отношение к поясу и сама легенда могли возникнуть задолго до Геродота. Быть может, недаром на плите из Натальевки высечены и пояс и лук.

Кого же изображают древнейшие каменные бабы — бога или человека? В западной литературе всегда говорится о «мегалитической богине» или «богине погребений»²⁰. Но при всем сходстве статуй ямного времени с мегалитическими видеть и в тех и в других один и тот же образ было бы рискованно. Каждая из стел и французских, и южнорусских достаточно индивидуальна — у них разный набор оружия, разные украшения. Ближе всего друг к другу изваяния, найденные рядом

в Тиритаке в Крыму. Совпадают их размеры; как две капли воды, похожи личины и положение рук, но на одном — есть груди, а на другом — нет. Наверное, это парные фигуры мужчины и женщины. Существенно, что на трех стелах выгравированы знаки власти: на Натальевской — булава и пояс, на Новочеркасской — пояс и пастушеская палка (такие скипетры известны по шумерским мифам и по рельефам II тысячелетия до н. э. в Малой Азии)²¹, в Казанках — снова пояс. Эти предметы были, вероятно, атрибутами вождей и старейшин. Приняв предположение, что памятники поставлены выдающимся членам рода, мы поймем, почему на несколько сотен ямных курганов приходится всего два десятка стел. Вспомним в этой связи о колоссальных статуях вождей в Полинезии, о деревянных изображениях предков у папуасов и меланезийцев²².

Для решения спора важны и поздние каменные бабы. Ведь их тип сложился на очень древней основе. Зайдите в любой южный музей, и вы убедитесь, что половецкие статуи отнюдь не одинаковые идолы, а портреты, пусть и обобщенные: вот старые кочевники, а вот молодые, вот свирепые завоеватели, а вот заботливые матери-хозяйки.

Эти наблюдения позволяют утверждать, что и древнейшие каменные бабы в грубой схеме запечатлели черты умерших сородичей, а вовсе не «богини погребений». Но даже если мы ошибаемся, вывод о появлении в III тысячелетии до н. э. образа человека в монументальном искусстве сохраняет свою силу. Разве, глядя на античные мраморы, мы думаем о богах, о Зевсе и Афродите? Да и древний скульптор думал не только о них. Прежде всего он искал идеальный образ человека. Чьи бы изваяния — вождей, жрецов или богов ни устанавливали на своих курганах племена ямной культуры, все равно это были первые фигуры людей, гордо возвышавшиеся на земляных пьедесталах над еще девственной степью.

Помимо антропоморфных стел были у степняков эпохи энеолита и бронзы и другие памятники. Один из них — большая прямоугольная плита, найденная под Симферополем в Бахчи-Эли (рис. 36)²³. На ее верхней торцовой стороне расположено два ряда круглых углублений. Такие чаши на камнях выдалбливали в самые разные эпохи и в практических, и в культовых целях. Камень с ямками встречен даже на мустьеерской стоянке Ла-Ферраси. В XIX веке этнографы неожиданно обнаружили сходные углубления на недавних крестьянских надгробиях в Бретани, Швеции, Дании, Исландии и принялись рас-

Рис. 36. СТЕЛА ИЗ КУРГАНА У С. БАХЧИ-ЭЛИ
ПОД СИМФЕРОПОЛЕМ

спрашивать об их назначении. Бретонцы наливали в эти неподвижные сосуды воду, «чтобы охладить души умерших». Нередко воду заменяли молоком. В скандинавских странах туда клади приношения «для детей» и «для карликов» — иными словами, пищу для маленькой души покойника²⁴. В обоих случаях мы сталкиваемся с отголосками очень архаичных обрядов возлияний и жертвоприношений на могилах. Эти обряды из века в век совершили на старых кладбищах, свидетелем чему и был Мессершмидт. Те же обряды переносили и на свежие захоронения. В Азербайджане, где много древних чашечных камней²⁵, в селах и до сего дня выбивают чаши на могильных плитах. Существовали подобные памятники и в Северном Причерноморье. Есть сведения о камне, покрытом ямками, стоявшем среди курганов у деревни Розмариной на Херсонщине²⁶.

Плита из Бахчи-Эли представляет собой, однако, нечто большее. С четырех сторон она покрыта рисунками. Это главным образом силуэты топоров²⁷, такие же, как и на спине каменной бабы из Гаманджии. Тем самым находка в Бахчи-Эли связывается со всей группой ямных статуй. В центре композиции

на широкой лицевой стороне стелы — два человека, один вверх, а другой вниз головой. Из этнографии мы знаем, что в перевернутом виде у многих народов изображают умерших. Наверное, и здесь в обрамлении из боевого оружия — сверленых каменных топоров — показан финал какого-то поединка. На эту сцену очень похожа центральная часть росписи египетской усыпальницы додинастической эпохи в Гиераконполе. И там человек со знакомой нам пастушеской палкой в руках стоит над поверженным врагом, опрокинутым вверх ногами²⁸. Конечно, это всего лишь совпадение. Роспись Гиераконполя намного старше стелы из Бахчи-Эли. Можно указать и еще одну аналогию, явно не связанную ни с Египтом, ни с Крымом, — надгробия индейцев Северной Америки — вертикально вкопанные плиты с пиктографическими знаками на лицевой стороне. Среди пиктограмм убитые, обращенные вниз головой²⁹.

Разновременные произведения искусства из трех частей света сходны стадиально. Все они отражают тот этап, неизбежный в истории любого народа, когда устои первобытной общины уже расшатаны, начинаются ожесточенные стычки между племенами, а вожди забирают все большую власть. Думается, что стела из Бахчи-Эли была поставлена на могиле прославленного воина и запечатлела его подвиги. Трактовать этот сюжет иначе и усматривать в нем не единоборство людей, а битву богов нет никаких оснований.

Каменные бабы Натальевки и Тиритаки, изваяние из Казанков, на котором помещены две дополнительные фигурки людей, наконец стела из Бахчи-Эли с несколькими композициями, являвшаяся к тому же чашечным камнем, как вехи намечают путь постепенного усложнения памятника человеку и его делам.

Каждая антропоморфная стела чем-то отличается от остальных. В многочисленных изображениях людей Кобыстана нет такого разнообразия. Все участники хороводов и мезолитических, и неолитических совершенно одинаковы (рис. 18, 23). От разнохарактерности энеолитических стел до индивидуальных образов еще бесконечно далеко, но тенденция развития уже наметилась. В цивилизациях Востока эта тенденция доведена до логического конца. Создавая статуи фараонов, писцов, правителей номов, иноплеменных вождей и царей, придворный художник не только выполнял социальный заказ, но и размышлял о человеке, о высших и низших, о своих и чужих, о себе

Рис. 37. ПЛИТА ИЗВЕСТНИКА С ГРАВИРОВКОЙ
ИЗ КУРГАНА У С. УСАТОВА ПОД ОДЕССОЙ

самом. Тысячи портретов вышли из мастерских Египта и Передней Азии: голова Нефертити, «сельский староста», сидящий писец... А сколько шедевров утрачено, сколько еще скрыто в земле! К палеолитической статуэтке трудно применить слова «образ человека». К египетским и шумерийским скульптурам они приложимы без всяких оговорок.

Разумеется, то, что нашло почву для развития в цивилизации и государстве, в родовом обществе Северного Причерноморья было еще в зачатке. И все-таки мы вправе ожидать от

обитавших на нашем юге современников Нефертити и Хаммурапи хотя бы робких попыток в области портрета. Тщетны ли эти ожидания, покажут дальнейшие раскопки. Пока же приходится довольствоваться единственным намеком на будущие открытия. В позднетрипольских Усатовских курганах среди камней, составлявших кромлех, найдены обломки плит с гравировкой. К могилам они, скорее всего, отношения не имеют. Просто усатовцы ломали камень для кромлеха из скал с древними рисунками. До трипольцев под Одессой жили ямные племена. Им могли принадлежать и эти петроглифы. На самой крупной плите из Усатова вырезана фигура мужчины с острой бородкой, придающей ему саркастическое и злое выражение. Только одна черта оживила схематическую маску лица, но в предшествующий период не было и этого (рис. 37). Рядом с этим персонажем пять животных. Все они втрое его меньше. На египетских барельефах такая разница в росте помогала определить, кто играет главную роль, а кто второстепенную.

На протяжении эпохи бронзы человек занимает в искусстве и идеологии первобытного общества все большее и большее место. В каменном веке зверей изображали гораздо чаще, чем людей, в бронзовом — соотношение обратное. Кое-где эта закономерность проявилась с запозданием или затемнена колебаниями в одну и другую сторону, но в целом картина ясна. В степной зоне она, пожалуй, яснее, чем где-либо. Выйдем теперь за пределы степей, заглянем в лесные и горные районы.

Во II — начале I тысячелетия до н. э. по всему Старому Свету распространился египетский миф о борьбе солнца со змеями. Окруженное змеями светило мы увидим и в наскальных росписях Тагила, и на черепке из Кизил-кобинской стоянки в Крыму³⁰, и на бронзовых топорах кобанской культуры Кавказа³¹. Но на одном топоре из Кобанского могильника начала I тысячелетия до н. э. выгравирована другая сцена: вооруженный луком человек сражается с нападающими на него семью змеями (рис. 38)³². Человек, герой-змееборец заменил в мифе более древний образ солнца. В таком варианте миф до сих пор живет на Кавказе. В эпосе об Амирани есть рассказ о схватке этого грузинского Прометея именно с семью змеями.

Эпизоды мифов, посвященных уже не животным, не силам природы, а людям, сохранили и другие памятники искусства бронзового века. На сосудах начала I тысячелетия до н. э.

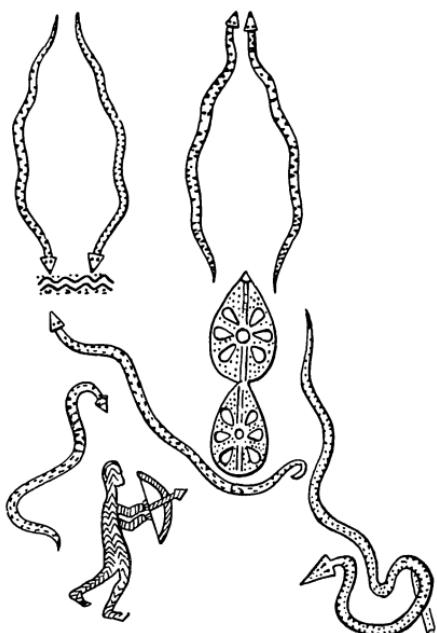

Рис. 38. СЦЕНА БИТВЫ ЛУЧНИКА СО ЗМЕЯМИ, ВЫГРАВИРОВАННАЯ НА БРОНЗОВОМ ТОПОРЕ. КОБАНСКИЙ МОГИЛЬНИК СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ

из погребений около Ханлара в Азербайджане часто повторяется одна и та же композиция — лучник, стреляющий в горного козла (рис. 39). Вероятно, это иллюстрация к какому-то местному преданию. Аналогии с наскальными гравюрами здесь нет. Раньше керамику так никогда не украшали, да и охотник тут не простой: его лук соединен линией с сияющим солнцем.

В других случаях канонические образы встречаются не в одном районе, а в весьма удаленных друг от друга пунктах. Такой же обширный ареал был, следовательно, и у того или иного мифа, той или иной легенды. В поселениях второй половины III — начала II тысячелетия до н. э. в Малой Азии, Азербайджане и Прикубанье обнаружены статуэтки и рисунки человека с перекинутой через плечо лентой, покрытой попечерной штриховкой. Кавказские фигурки крайне примитивны: голова и руки у них переданы треугольными выступами, лицо не обозначено, но на торсе, чтобы показать ленту, сделан специальный налеп, а на нем нанесены частые насечки. Очевидно, эта лента позволяла узнать в самых обобщенных скульптурах некий

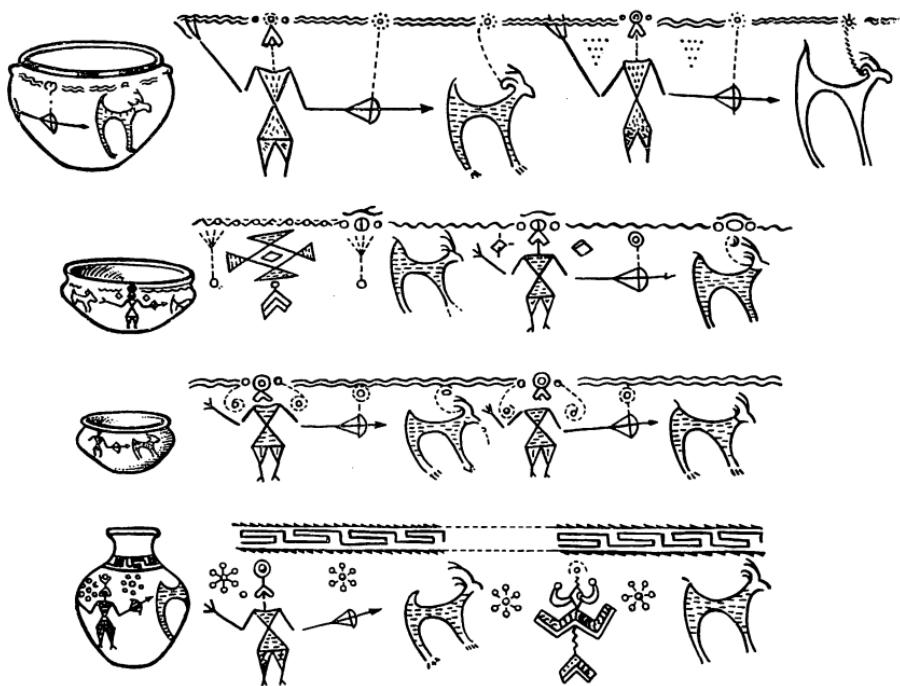

Рис. 39. ПОВТОРЯЮЩАЯСЯ КОМПОЗИЦИЯ НА СОСУДАХ ИЗ ХАНЛАРА (ВЕРХНИЙ РИСУНОК) И КИЛИК-ДАГА (ТРИ НИЖНИХ) В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

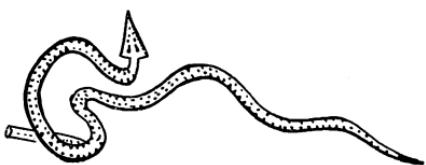
конкретный образ, одинаково близкий населению Анатолии, Закавказья и Прикубанья³³.

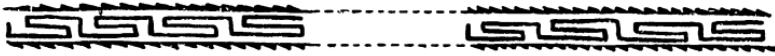
Так в III—II тысячелетиях до н. э. в искусстве наступил решающий перелом. Отшло в прошлое творчество величайших анималистов в истории живописи — художников каменного века. В центре внимания впервые оказался человек. Создавая образы мамонтов и бизонов, оленей и птиц, палеолитический мастер обращался к таинственным духам лесов и вод и к самим животным с мольбой об успешной охоте. В бронзовом веке ставили на курганах каменные изваяния и вырезали на сосудах и оружии сцены из мифов уже не столько для богов, сколько для людей. Не забота о пропитании, а желание увековечить память умерших сородичей, рассказать о героях легенд двигало теперь художником.

Пусть каменные бабы ямной культуры или рисунки на горшках из Ханлара не представляют эстетической ценности.

Верно, что они проигрывают не только при сравнении со скульптурой и графикой древнего Востока, античности и нового времени, но и при сравнении с палеолитическим искусством. Грубые истуканы, неуверенные рваные штрихи пришли на смену безупречным линиям гравировок и умелой лепке форм в росписях ледниковой эпохи. Все это так. Но гораздо важнее другое. Перед нами памятники более высокого этапа в развитии мышления и общества, стоящие у истоков того течения, которое привело впоследствии к глубочайшему проникновению в образ человека, к Микеланджело и Рембрандту, к Дюреру и Веласкесу.

Период, когда люди приспособливались к природе, а все искусство сводилось по сути дела к образу зверя, закончился. Начинался период господства человека над природой и господства его образа в искусстве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Седьмой век до нашей эры — важный рубеж в жизни народов, населявших территорию СССР. В этом столетии широко внедряется в быт железо. По всей степной полосе Европы и Азии распространяются металлические и деревянные украшения в «скифском зверином стиле» — с причудливо извивающимися фигурами животных (рис. 2). В отличие от предшествующей эпохи художников интересуют уже не мирно пасущиеся быки или пронзенные кольями горные козлы, а хищники — львы, пантеры, волки, орлы, фантастические грифоны, терзающие свою жертву или борющиеся друг с другом. Произведения, выполненные в этом стиле, обнаружены в Прикамье и на Лене, на Алтае и Аральском море, в Закавказье и к западу от границ СССР. Наконец, в VII веке в Причерноморье возникают греческие колонии. Вскоре античные изделия попадают далеко в степь и лесостепь и вызывают подражания местных мастеров. В истории древнейшего искусства открылась новая страница¹.

Но, как ни значителен был этот рубеж, многие сюжеты и стилистические особенности творчества каменного и бронзовового века держались чрезвычайно долго.

Едва ли не самым ранним памятником духовной культуры палеолитического человека, намеком на будущие гравировки на скалах можно считать плиту с чашевидными углублениями из мустьерской стоянки Ла-Ферраси. Такие же углубления выбиты на камнях с палеолитическими рисунками во Франции, на стеле II тысячелетия до н. э. из Бахчи-Эли в Крыму (рис. 36), на кавказских дольmenах и на христианских храмах

Армении². В Азербайджане и сейчас выдалбливают чаши на надгробиях.

Отолоски мегалитической техники чувствуются еще в средневековые. Дольменообразные склепы верховьев Кубани не единоки. Усыпальница Теодориха в Равенне VI века н. э. перекрывает монолит диаметром 10,5 м и толщиной 2,5 м. Он был добыт в Истрии, привезен подвешенным между двумя кораблями и поднят при помощи неоднократных подсыпок земли до высоты мавзолея. В Ирландии у церквей I тысячелетия н. э. проемы для окон и дверей часто сложены из глыб камня, наподобие мегалитических построек на Британских островах.

Изображения на скалах в Закавказье, Средней Азии и Сибири создавались всего несколько десятилетий назад. Недавние рисунки зверей, как бы парящих в воздухе, очень похожи на силуэты, высеченные за три-четыре тысячи лет до этого. Характерные для петроглифов мотивы мы отыщем и на памятниках совсем иного рода. В экспозиции Батумского музея стоит каменный христианский саркофаг. На его крышке — рельефный крест, а в прямоугольниках между крестом и краями крышки — профили горных козлов, почти тождественные с кыбыстанскими. Точная копия солярных ладей с утесов Швеции вырезана на костяном гребне из Пскова. В Финляндии есть церковь XII—XIII веков с весьма странными фресками. На них мы без труда узнаем все ту же ладью, лосей и др.³

Тип каменных надмогильных изваяний на половецких и скифских курганах восходит к антропоморфным стелам III тысячелетия до н. э. Преемственность улавливается и при анализе мелкой пластики. Около Галича Костромской области в кладе, относящемся к XIII веку до н. э., найден бронзовый идол с nimбом в виде трех лопастей. Три луча осеняют и литые шаманские фигурки из Приуралья и Сибири⁴. Изображения уточек, обычные для северных пережиточно-неолитических стоянок II тысячелетия до н. э.— с двумя головами и зигзагами — знаками воды на теле,— повторялись и в железном веке лесной зоны, вплоть до начала II тысячелетия н. э. (рис. 40).

Но налицо не только непрерывность в сюжетах и стиле искусства от первобытности до средневековья. Давние традиции сказываются порой и в новое время. Искусствоведы не раз констатировали относительно слабое развитие круглой монументальной скульптуры в России. Объясняя этот факт, они напоминали, что основа светской скульптуры XV—XIX веков

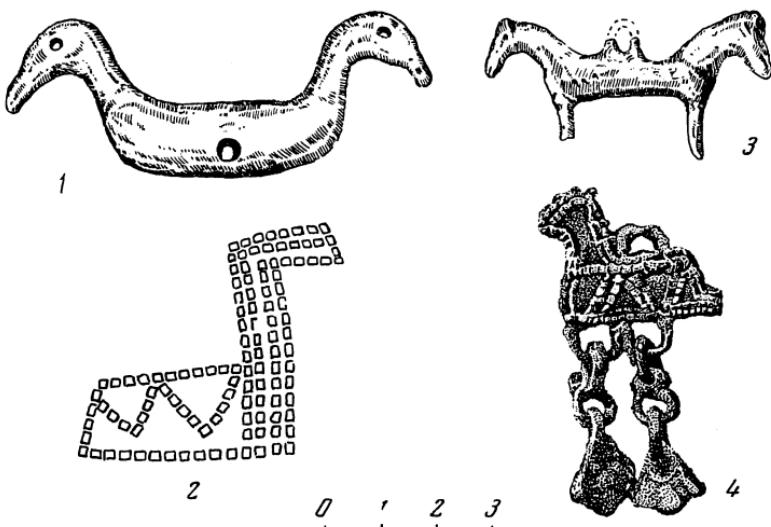

Рис. 40. СОПОСТАВЛЕНИЕ ЗООМОРФНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ЭПОХИ НЕОЛИТА (СЛЕВА) И ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА (СПРАВА).

1 — стоянка Николо-Перевоз в Подмосковье — II тысячелетие до н. э.;
2 — Перны под Новгородом — II тысячелетие до н. э.; 3 — Прикамье VI—IX вв. н. э.; 4 — Костромские курганы XI—XII вв. н. э.

на Западе — культовые готические статуи. Ни в Киевской, ни в Московской Руси ничего аналогичного не было. Дело тут не в запрете православной церкви — такого запрета нет, а в каких-то народных обычаях и привычках.

Псковская летопись гласит, что в 1540 году «привезоша старцы, переходцы с иныя земли, образ святого Николы, да святую Пятницу на рези в храмцах... люди поставиша то за болванное поклонение и бысть в людех молва велика и смятение»⁵. Значит, нельзя предполагать, что скульптура на Руси была деревянной и просто не сохранилась. Почитавшиеся наравне с иконами немногочисленные «Николы Можайские», в частности и виновник смятения во Пскове, хорошо известны. Это — всего лишь доски с резьбой. Никто не рассматривал их сбоку или сзади. Они не объемны⁶.

Казалось бы, близкое к романскому белокаменное убранство Владимира-Сузdalских соборов могло привести к настоящей круглой скульптуре. В романском искусстве наблюдается постепенное отделение рельефа от стены, пока не появ-

ляются обособленные готические статуи. Но у нас заметна обратная тенденция — ко все большему уплощению рельефа и слиянию его со стеной⁷.

Все это существенно для понимания судеб искусства в России в XVIII—XIX веках. Необходимо, однако, разобраться и в причинах столь малого развития скульптуры в средневековье. Здесь нам поможет знакомство с первобытными памятниками. Наши каменные бабы — не статуи, а плиты с гравировкой. Рельефных изображений на скалах даже в горных районах страны — считанные единицы. Западная Европа гораздо богаче древними изваяниями. Их тысячи — от палеолитического глиняного медведя Монтэспана и идолов культуры линейно-ленточной керамики до произведений античной эпохи.

Исключением из общего правила на территории СССР был Урал — родина оригинальной пермской деревянной скульптуры. Мы воспринимаем ее по коллекциям, поступившим в музеи из церквей XVII—XVIII веков, но еще в XIV столетии Стефан Пермский уничтожал в камских лесах языческие «кумиры различни... болваны истуканные, изваянны, издолбленны, вырезом вырезаемые»⁸.

Автор монографии о пермской пластике Н. Н. Серебренников, отвечая на вопрос об ее генезисе, говорил о скрещении влияний западноевропейского барокко с очень древними местными корнями⁹. О том, что задолго до контактов с Западом фигуры из дерева на Урале уже были, свидетельствует,

Рис. 41. ДЕРЕВЯННЫЙ КОВШ, ОФОРМЛЕННЫЙ В ВИДЕ ФИГУРЫ УТКИ. ГОРБУНОВСКИЙ ТОРФЯНИК ПОД ТАГИЛОМ

помимо жития Стефана, и археология. В окрестностях Тагила — в Шигирском и Горбуновском торфяниках — изучено несколько гosелений III—II тысячелетий до н. э. Торф консервирует древесину, поэтому тут уцелели идолы в две трети человеческого роста и меньшие статуэтки уток и лосей (рис. 41)¹⁰. Торфяниковые стоянки раскапывали и в других краях: в Вологодской области, в Латвии. Кое-какие вещи с художественной резьбой встречены и там, но их мало и они не слишком выразительны. Случайно ли это? Не следует ли сделать вывод, что расцвет деревянной скульптуры на Урале подготовлен ее длительной предысторией, а жалкое состояние пластики в Центральной и Южной России обусловлено отсутствием местных традиций?

Очевидно, складывавшийся тысячелетиями облик искусства данного района так или иначе воздействует на творчество позднейшего времени. Разумеется, это воздействие не бесконечно. В каменном и бронзовом веках искусство эволюционировало медленно. Сознание первобытных людей было косно, они с опаской и неохотой отходили от уже выработанных канонов. То же, хоть и в меньшей степени, характерно для классического Востока и средневековья. Некоторые христианские «иконные образцы» жили по тысяче, а египетские каноны даже по две и три тысячи лет. Начиная с Ренессанса, развитие убыстряется. Один стиль сменяет другой. Традиции чаще отвергают, чем продолжают.

Но на грани XIX и XX веков мы сталкиваемся и с неведомыми до того попытками научиться чему-то у древнейших художников. Еще в 1890 году Гоген утверждал, что «молодежь найдет спасение, обратившись к далеким первобытным источникам»¹¹. Пикассо и кубисты восхищаются скульптурой негров. В театре, где в XVIII—XIX веках все исторические пьесы (будь то «Дмитрий Донской» Озерова или «Баязет» Расина) разыгрывали в античных одеяниях, теперь даже греческие трагедии ставят, «черпая вдохновение в искусстве Африки». Так трактовал «Орестею» Эсхила Жан Луи Барро¹². Живопись палеолита, произведения народов Южного полушария, почти не затронутых цивилизацией, обогатили культуру Запада новыми оттенками. Благодаря им удалось преодолеть избитые, затасканные приемы творчества¹³.

Что же должно привлекать нас в первобытном искусстве? Прежде всего памятники, прекрасные сами по себе, без по-правок на время их исполнения. Трипольские глиняные вазы и чаши, изящные по очертаниям, радующие глаз нарядной трех-

цветной росписью и четким ритмичным спиральным орнаментом — истинно прекрасны (рис. 42). Хороши литые бронзовые орудия — плавно изгибающиеся топорики из кобанских могильников Кавказа, украшенные гравированными силуэтами оленей, змей, собак (рис. 43), ножи из Сибири, увенчанные фигурами зверей на рукоятях¹⁴. Заслуживают высокой оценки деревянные сосуды — утки из Горбунова — с обобщенной, уверенно вылепленной формой (рис. 41).

Наибольших успехов мастера каменного и бронзового веков добились в двух направлениях — в орнаментации и в изображении животных. Если нашим портретистам нечего взять у художников, высекавших хороводы на скалах Кобыстана, то анималисты постоянно анализируют палеолитические фрески и костяные статуэтки мамонтов и бизонов¹⁵.

На страницах этой книги те же памятники использовались как источники по истории мышления и духовной жизни. Велико их значение и для теории искусства. Мы убедились в том, что в первобытности оно не стояло на месте, и старались уловить закономерность в его эволюции. От одиночных силуэтов и контуров люди перешли к композициям, от монохромии — к полихромии, от сцен производства — к мифологическим темам. Образ зверя, безраздельно господствовавший в живописи и графике, был затем потеснен образом человека. В бронзовом веке делает первые шаги архитектура, в том числе и каменная (дольмены). Всюду нарождается что-то новое, и рядом отмирает старое. Так угасала идея дольмена, и приходили в упадок святилища с наскальными рисунками. Перед нами звенья одной цепи — логического объективного процесса, а не результаты случайных озарений немногих творцов, раскрывавших только свою личность,— как выглядит история искусств в иных зарубежных курсах.

Каковы же движущие силы этого процесса? Связь искусства с экономическим базисом и общественными отношениями вне сомнений. Сосредоточивать все внимание на животных свойственно именно охотникам. Изображения людей становятся частыми в тот момент, когда был изобретен лук и из безликой толпы загонщиков выделились меткие и ловкие стрелки. Решительный перелом наступает еще позже — в эпоху металла, земледелия и скотоводства, распада родовой общины и воззвышения племенных вождей и жрецов. Зная историю производства, мы легче можем ориентироваться и в сложных тутях искусства.

Рис. 42. ГЛИНЯНЫЕ СОСУДЫ С РОСПИСЬЮ ИЗ
ПОСЕЛЕНИЯ ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ НЕЗВИСКО
НА ДНЕСТРЕ

Рис. 43. БРОНЗОВЫЕ ТОПОРЫ С ГРАВИРОВКОЙ ИЗ КОБАНСКОГО МОГИЛЬНИКА

Но было бы грубой ошибкой понимать этот тезис примитивно и выводить каждое явление духовной жизни из экономики или социального строя. Искусство никак не откликнулось на собирательство — обширную сферу деятельности первобытных людей. Хозяйство палеолитического времени в Западной и Восточной Европе, в Сибири и на Кавказе было одинаковым. Но во Франции пещер с росписью — десятки, а на Русской равнине их нет. На стоянках здесь попадаются лишь статуэтки из камня и кости. На Кавказе ни живописи, ни скульптуры не было вовсе.

Растаял ледник. Человечество поднялось на стадию мезолита. С этих пор во Франции на стенах пещер уже не рисовали.

На Кавказе, наоборот, тут-то и были выгравированы лучшие кобыстанские композиции.

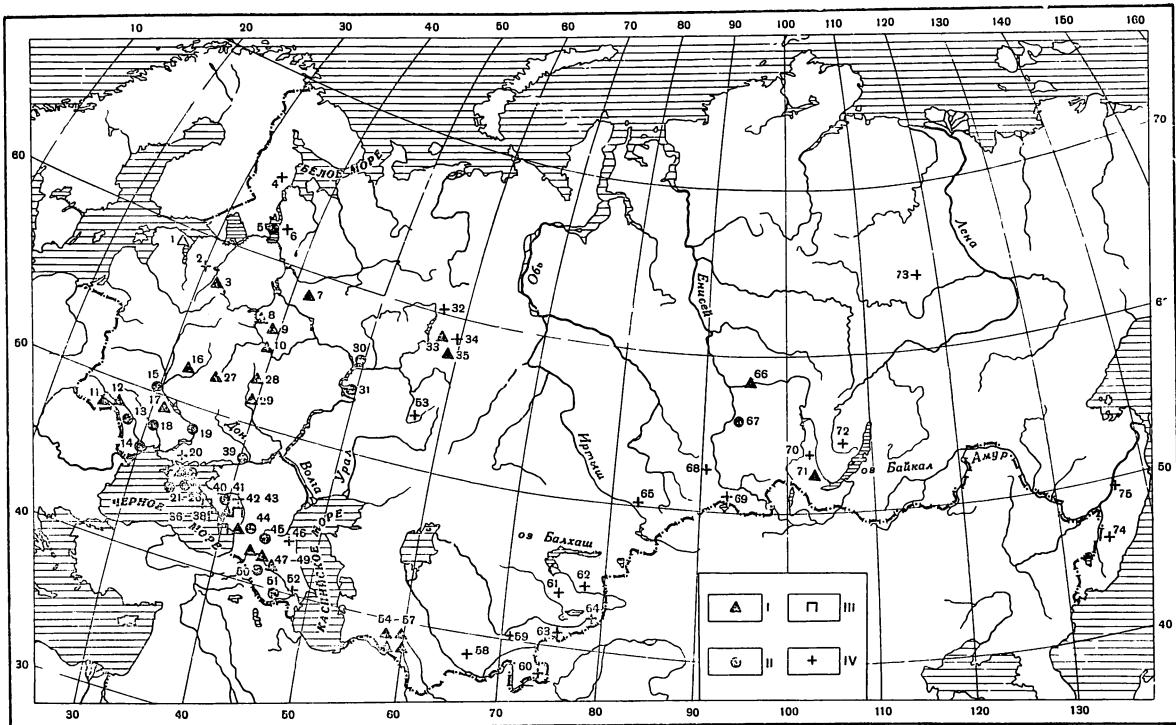
Все творчество носителей срубной или андроновской культуры II тысячелетия до н. э., умевших плавить медь, пасти скот и обрабатывать землю, выражалось в простейшем орнаменте на глиняной посуде. Они не унаследовали живопись и пластику мадлена, хотя в другом опередили палеолитических охотников.

Раскалывая на северо-западе Кавказа только поселения III—II тысячелетий до н. э., мы никогда не догадались бы, что люди, жившие в этих убогих деревушках, сооружали каменные гробницы из гигантских монолитов.

Не стоит умножать число примеров. И так ясно, что искусство в очень малой мере зависело от уровня хозяйства и социальной организации. Это положение, способное испугать некоторых догматиков, сформулировал во «Введении к критике политической экономии» Карл Маркс: «Относительно искусства известно, что определенные периоды его расцвета не находятся ни в каком соответствии с общим развитием общества»¹⁶. Видимо, мы подчас недооцениваем роль идей в духовной жизни, преувеличивая роль экономического базиса.

Остановимся теперь на задачах советских археологов в интересующей нас области. Раньше исследование творчества каменного и бронзового века велось преимущественно на материалах Западной Европы. Это не удивительно. Где, как не во Франции найдены пещерные «картины галереи», сотни пре-восходных палеолитических гравюр и статуэток! При характеристике древнейшего искусства без них мы никак не обойдемся. Не забудем, однако, что создание пещерных росписей во Франции, неожиданно прекратилось. Мезолит, неолит и бронзовый век этой страны оставили нам очень мало весьма скромных произведений, почти не связанных с палеолитическими шедеврами. В Восточной Европе и в Сибири, в Средней Азии и на Кавказе, в Индии и Африке все обстояло иначе. Первоклассные росписи и гравировки на камне появлялись там на протяжении многих тысячелетий, причем в нескольких случаях можно говорить о непрерывной линии развития.

Палеолитическая живопись в Пиренеях — такой же феномен, как и греческая пластика и архитектура. Если немыслимо написать историю культуры, опустив любой из этих разделов, то с другой стороны, нельзя рассказать об эволюции зодчества, ограничившись для всех эпох одной Грецией (сначала — античность, потом Византия, а дальше — бледные подражания

КАРТА ПАМЯТНИКОВ, УПОМЯНУТЫХ В ТЕКСТЕ.

1 — Тырвала, 2 — Щеглец, 3 — Перынь, 4 — Беломорские петроглифы, 5 — Олениостровский могильник, 6 — петроглифы Онежского озера, 7 — Галич, 8 — Николо-Перевоз, 9 — Сунгирь, 10 — Черная гора, 11 — Шипеницы, 12 — Молодово, 13 — Александровка, 14 — Усатово, 15 — Вербовка, 16 — Мезин, 17 — Попудня, 18 — Белогрудовка, 19 — Натальевка, 20 — Каменная могила, 21 — Таш-Аир, 22 — Кизил-Коба, 23 — Кояш, 24 — Бахчи-Эли, 25 — Казанки, 26 — Тиритака, 27 — Авдеево, 28 — Гагарино, 29 — Костенки, 30 — Полянки, 31 — Водяное поле, 32 — Вишера, 33 — Горбуново, 34 — Тагил, 35 — Шигир, 36 — Геленджик, 37 — Джубга, 38 — Агца, 39 — Новочеркасск, 40 — Майкоп, 41 — Мешоко, 42 — Губс, 43 — Новосвободная, 44 — Нальчик, 45 — Кобань, 46 — Сигитмы, 47 — Гвардджилас-Клде, 48 — Мгвимеви, 49 — Гудабертка, 50 — Триалети, 51 — Ханлар, 52 — Кобыстам, 53 — Капова пещера, 54 — Чопан-Тепе, 55 — Джейтун, 56 — Анау, 57 — Намазга-Тепе, 58 — Зарапут-Камар, 59 — Сураты-Сай, 60 — Шахты, 61 — Тамгальы, 62 — Чулек, 63 — Саймалы-Таш, 64 — Ак-Чункур, 65 — Смолянка, 66 — о. Жилой, 67 — Базаха, 68 — Тесь, 69 — Оглахты, 70 — Каменные острова, 71 — Мальта, 72 — Шишкино, 73 — Суруктаах-Хая, 74 — Шереметьево, 75 — Сакач-Алян.

I — стоянки, II — погребения, III — дольмены, IV — петроглифы

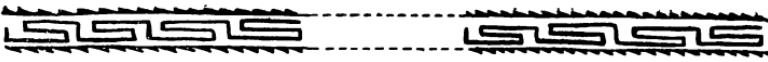
А. А. Формозов

постройкам Италии и США). Точно так же нельзя судить об успехах и неудачах первобытных мастеров только по раскопкам в Западной Европе. Статуи Фидия и Праксителя — вершина, достигнутая пластикой в период раннего железа, но закат античного ваяния — это лишь эпизод на фоне поступательного движения искусства во всем мире. Во Франции после мадлена пещерная живопись быстро регрессировала. Факт любопытный и все же менее показательный, чем продолжавшаяся от мезолита до сравнительно недавнего времени традиция наскальных изображений в Восточной Европе, Африке и Азии.

По памятникам этих частей света, а не по западноевропейским мы получим наиболее верное представление об этапах первобытного искусства. Опираясь на поздние петроглифы, мы приблизимся и к решению вопроса об их смысле. Сейчас наши французские коллеги избегают этнографических параллелей при интерпретации пещерной живописи, подчеркивая как хронологический разрыв, так и различие между условиями жизни бушменов и австралийцев в жарком поясе и кроманьонцев — на краю ледника¹⁷. Это справедливо. Но в ряде мест — у нас в Кобыстане, в Шишкине, на Енисее и в Приуралье — наскальные гравировки и росписи возникали не только в каменном веке, но и в бронзовом, и в железном, в прошлом, а то и в нынешнем столетии. Тут применение этнографии вполне закономерно и имеется возможность, вооружившись ретроспективным методом, подойти к расшифровке самых древних изображений.

Советские археологи обязаны реализовать эту возможность. До сих пор наскальные рисунки, дольмены и искусство малых форм они изучали далеко не достаточно. Часто мы слышим о гибели уникальных объектов. Об уничтожении кавказских дольменов речь уже была. А. П. Окладников заканчивает свою книгу про Шишкинские писаницы грустным сообщением, что некоторые из них недавно взорвали¹⁸. Целеустремленными поисками новых групп петроглифов никто не занимается, а копии со всех ранее обнаруженных композиций еще не сняты. Не в чести и научный анализ этих важнейших источников по истории культуры.

Хочется завершить этот очерк обращением к читателям. Раскопки курганов и стоянок не должны заслонять от нас огромную проблему первобытного искусства. Для разработки ее нужны и труды специалистов и усилия энтузиастов-краеведов. Пусть они берегут остатки старины и помогают археологам выявлять следы творчества древнейших обитателей нашей Родины.

ПРИМЕЧАНИЯ

К введению

- 1 А. П. Рифтин. Старовавилонские юридические и административные документы в собраниях СССР. М.—Л., 1937, стр. 72, 132.
- 2 Гильгамеш. Вавилонский эпос. Перев. Н. Гумилева, СПб., 1919, стр. 70—71. Ср. Эпос о Гильгамеше (О все видавшем). Перев. с аккадского И. М. Дьяконова. М.—Л., 1961, стр. 85—86.
- 3 И. М. Лурье. Беседа разочарованного со своим духом.— «Труды отдела Востока Гос. Эрмитажа», т. I. Л., 1939, стр. 145.
- 4 В. В. Струве. Диалог господина и раба «о смысле жизни».— В сб. «Религия и общество». Л., 1926, стр. 44.
- 5 Н. Д. Флиттнер. Культура и искусство Двуречья и соседних стран. М.—Л., 1958, стр. 175—176.
- 6 H. Movius. Radiocarbon Dates and Upper Palaeolithic Archaeology in Central and Western Europe. — «Current Anthropology», vol. I, N 5—6, Chicago, 1960, стр. 361, 362, 370, 371.
- 7 См., например, А. Д. Столляр. Проблема происхождения сюжетного изобразительного творчества верхнего палеолита Евразии.— «Государственный Эрмитаж. Тезисы докладов на юбилейной сессии». Л., 1964, стр. 8—10. Е. М. Мелетинский. Происхождение героического эпоса. М., 1963, стр. 22.

К главе I

- 1 О. Н. Бадер. Открытие палеолитической пещерной живописи на Урале.— «Историко-археологический сборник». Издво МГУ, 1962, стр. 18—22.
- 2 Обзор памятников палеолитического искусства в СССР: З. А. Абрамова. Палеолитическое искусство на территории СССР. М.—Л., 1962.
- 3 М. Я. Рудинський. Кам'яна могила. Київ, 1961, таб. VIII.
- 4 В. И. Равдоникас. Наскальные изображения Онежского озера. М.—Л., 1936, таб. II—III и т. д. Он же. Наскальные изображения Белого моря. М.—Л., 1938, таб. 5, 9—16

- и т. д. А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, № 18, 1950, стр. 281—284. Он же. Шишкянские писаницы. Иркутск, 1959, стр. 42—57. Он же. Олень — золотые рога. Л., 1964, таблицы. Н. Н. Гурина. Оленеостровский могильник. МИА, № 47, 1956, рис. 113, 114, 118, 119, стр. 216—217. Д. Н. Эдинг. Резная скульптура Урала.— «Труды Государственного исторического музея», т. X, М., 1940, рис. 35—39, 41—45.
- ⁵ В. И. Равдоникас. Наскальные изображения Белого моря, таб. 22, 24. Д. Н. Эдинг. Указ. соч., рис. 23, 24, 26—34, 51. Н. Н. Гурина. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. МИА, № 87, 1961, рис. 23, 25. С. Н. Замятин. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Востока Европы.— «Советская археология», X, 1948, рис. 5.
- ⁶ В. И. Равдоникас. Следы тотемистических представлений в образах наскальных изображений Онежского озера и Белого моря.— «Советская археология», IV, 1937, стр. 18.
- ⁷ Н. Н. Гурина. Древняя история..., рис. 19, 1—3. Д. Н. Эдинг. Указ. соч., рис. 61.
- ⁸ А. Д. Авдеев. Происхождение театра. Л.—М., 1959, стр. 41—42. Л. Левин-Брюль. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1937, стр. 420—425.
- ⁹ А. Л. Мерварт. Индийский театр.— В сб. «Восточный театр». Л., 1929, стр. 26.
- ¹⁰ З. А. Абрамова. Указ. соч., таб. XII, 1—7; XL, 5.
- ¹¹ А. Дюрер. Дневники, письма, трактаты, т. I. Л.—М., 1957, стр. 184 (рисунок «Обезьянний танец»).
- ¹² Н. Д. Флиттнер. Культура и искусство Двуречья и соседних стран. М.—Л., 1958, рис. на стр. 125.
- ¹³ С. В. Иванов. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в.— «Труды Института этнографии Академии наук СССР», т. XXII, 1954, стр. 26, 57.
- ¹⁴ С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука Врублевецкая. МИА, № 38, 1953, таб. 95—98.
- ¹⁵ М. Э. Матье. Древнеегипетский обряд отверзания уст и очей.— «Вопросы истории религии и атеизма», V, 1958, стр. 344—362.
- ¹⁶ З. А. Абрамова. Указ. соч., таб. LIII, 2.
- ¹⁷ Г. Дамм. Канака — люди южных морей. М., 1964, стр. 27.
- ¹⁸ З. А. Абрамова. Указ. соч., таб. XLII, 9.
- ¹⁹ Г. Обзорн. Человек древнекаменного века. Л., 1924, стр. 256.
- ²⁰ А. П. Черныш. Флейта палеолитического времени. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 129—130. И. К. Цветкова. Стоянка Черная гора. КСИИМК, вып. 75, 1959, стр. 114—122. А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, рис. 126. М. Макаренко. Марюпольский могильник. Київ, 1933, таб. IX, X. И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда. МИА № 60, 1959, рис. 56.
- ²¹ А. А. Фомозов. Образ человека в памятниках первобытного искусства с территории СССР.— «Вестник истории мировой культуры», 1961, № 6, стр. 104—106.

- ²² Н. Д. Флиттнер. Указ. соч., стр. 33.
- ²³ З. А. Абрамова. Указ. соч., таб. I—IV.
- ²⁴ Леонардо да Винчи. Книга о живописи. 1934, стр. 97.
Любопытно, что в творчестве Боттичелли — самого рафинированного мастера Ренессанса — нет-нет да и проскальзывают архаичные черты. В иллюстрациях к «Божественной комедии» фигуры парят в воздухе, а земля даже не намечена (как в наскальных изображениях). Беатриче — лицо более значительное, чем Данте,— изображена огромной — на две головы выше его. (Вспомним обычный прием египетского искусства.). См. «Боттичелли. Сборник материалов о творчестве». М., 1962, стр. 72, 76.
- ²⁵ Д. И. Менделеев. Перед картиной А. И. Куинджи. Сочинения, т. XXIV, 1954, стр. 247—248.
- ²⁶ З. А. Абрамова. Указ. соч., таб. XXIV, 14, XLVI, 8, XLVII, 1, 2, XLIV, 6—9, LII. А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Нальчике. МИА, № 3, 1941, таб. VIII, I.
- ²⁷ Аристотель. *De Mundo*, 5, 396, в. 7.
- ²⁸ М. Э. Матье. Искусство древнего Египта. Л.—М., 1961, стр. 276.
- ²⁹ Всеобщая история искусств, т. II, кн. II. М., 1961, стр. 512.
- ³⁰ B. Spenser and T. I. Gillen. *The Arunta*, vol. 2. London, 1927, стр. 551.
- ³¹ З. М. Истомина. Восприятие и называние цвета у детей дошкольного возраста.—«Доклады Академии педагогических наук», 1957, № 2, стр. 103. Она же. О взаимоотношении восприятия и называния цвета у детей дошкольного возраста.—«Известия Академии педагогических наук», вып. 113, 1960, стр. 77.

К главе II

- ¹ М. Макаренко. Маріупольський могильник. Київ, 1933, таб. X.
- ² Курьер ЮНЕСКО, 1958, № 3.
- ³ А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 108—125.
- ⁴ См. там же, стр. 157, 158.
- ⁵ D. Berçiu. A zoomorphic «Sceptre», discovered in the Peoples Republic of Bulgaria and its cultural and chronological position.—«Dacia», VI, Bucarest, 1962, стр. 397—409.
- ⁶ А. А. Формозов. Сосуды со знаками эпохи энеолита и бронзы и история письменности. ВДИ, 1963, № 2, стр. 180.
- ⁷ М. Э. Матье. Древнеегипетские мифы. М.—Л., 1956, стр. 32, 34, 39—40.
- ⁸ А. А. Формозов. Наскальные изображения Урала и Казахстана эпохи бронзы и их семантика.—«Советская этнография», 1950, № 3, рис. 1, 9, рис. 2, рис. 4.
- ⁹ И. Т. Савенков. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. «Труды XIV археологического съезда», т. I. М., 1910, таб. II—IV, VI.

- ¹⁰ А. П. Окладников. Шишкинские писаницы. Иркутск, 1959, рис. 26, 27, 39.
- ¹¹ А. П. Окладников и В. И. Рацек. Следы древней культуры в пещерах Тянь-Шаня. ИВГО, 1954, № 5, рис. 8.
- ¹² А. П. Окладников. Древние амурские петроглифы и современная орнаментика народов Приамурья.—«Советская этнография», 1959, № 2, стр. 40—41.
- ¹³ Изображения ладей на скалах Скандинавии сведены в статье: A. Norden. Die Schiffbaukunst der nordischen Bronzezeit.—«Mannus», 31 Jahrgang, H. 3, Leipzig, 1939, стр. 347—398. См. также O. Almgren. Nordische Felszeichnungen als religiöse Urkunden. Frankfurt am Main, 1934, стр. 1—17.
- ¹⁴ На нашей карте не показано нарезное изображение лодки из Беш-Тюбе (С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, рис. 14), так как оно многое сложнее остальных изображений ладей эпохи бронзы. Не исключено, однако, что это памятник того же круга. В рисунке можно усматривать изображение человека с поднятыми руками.
- ¹⁵ C. Althin. Studien zu den bronzezeitlichen Felszeichnungen von Skane, Bd. II. Stockholm, 1945, Taf. 59.
- ¹⁶ Н. Н. Чернягин. Гребень из Псковского городища. «Советская археология», X, 1948, стр. 305—308.
- ¹⁷ П. М. Дебиров. О художественных образах в народно-декоративном искусстве аварцев.—«Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР», т. VI, Махачкала, 1953, рис. 17.
- ¹⁸ А. А. Щепинский. Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму.—«Советская археология», 1963, № 3, рис. 4, 3.
- ¹⁹ Б. М. Зимма. Некоторые выводы по вопросу изучения наскальных изображений Киргизии.—«Труды Киргизского Государственного педагогического института, сер. историч.», вып. 2. Фрунзе, 1951, таб. IX.
- ²⁰ В. И. Равдоникас. Наскальные изображения Онежского озера, таб. 1—2 и т. д. О. Almgren. Указ. соч., рис. 1, 48—51.
- ²¹ Г. Чайлд. Прогресс и археология. М., 1948, стр. 148.
- ²² С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука Врублевецкая, МИА, № 38, 1953, стр. 204—218.
- ²³ W. W. Peredolski. Ein bildliche Darstellung des Menschen auf einem neolithische Tongefäss.—«Archiv für Anthropologie», Bd. III, H. 4, Braunschweig, 1905, taf. 15. Сосуд обычно, относят к стоянке Коломцы, но у Передольского сказано, что он найден на другой стоянке, по-видимому, той, которую раскапывала в Перыни Новгородская экспедиция 1950 г.
- ²⁴ А. А. Формозов. Материалы к изучению искусства эпохи бронзы Юга СССР.—«Советская археология», 1958, № 2, рис. 2.
- ²⁵ Б. А. Куптин. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии. КСИИМК, вып. VIII, 1940, рис. 14а.

К главе III

- 1 А. Н. Бернштам. Наскальные изображения Саймалы-Таш. «Советская этнография», 1952, № 2, стр. 55.
- 2 Литература о важнейших памятниках приведена в предшествующих главах. См. также обзоры: А. Häusler. Südrussische und nordkaukasische Petroglyphen. W Z. XII/11, 1963, стр. 900—902. К. М. Байпаков. Археологическая литература в изданиях Академии наук Казахской ССР 1946—1962 гг.—«Советская археология», 1964, № 2, стр. 251.
- 3 А. П. Окладников и В. И. Рацек. Следы древней культуры в пещерах Тань-Шаня. ИВГО, 1954, № 5, стр. 452.
- 4 А. П. Окладников. Шишкинские писаницы. Иркутск, 1959, рис. 30, 31. Он же. Якутия до присоединения к русскому государству. М.—Л., 1955, рис. 51, 52.
- 5 В. А. Ранов. Наскальные рисунки у кишлака Лангар (Западный Памир). «Известия отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР», 1960, № 1 (22), рис. 8, 9.
- 6 М. Я. Рудинский. Кам'яна могила. Київ, 1961, рис. 71.
- 7 В. Б. Антонович. О скальных пещерах на берегу Днестра в Подольской губернии. «Труды VI Археологического съезда», т. I. Одесса, 1886, таб. III; История русского искусства, т. I. М., 1953, стр. 51.
- 8 С. Н. Замятин. Палеолитические навесы Мгвимеви близ Чиатуры. «Советская археология», III, 1937, стр. 57—75.
- 9 А. П. Окладников. Шишкинские писаницы, стр. 42.
- 10 См. В. Е. Гарутт. Фауна неолитической стоянки Куллаты. В кн.: А. П. Окладников. Ленские древности, т. III. М.—Л., 1950, стр. 181.
- 11 Б. Ф. Земляков. Неолитические стоянки восточного берега Онежского озера. В кн.: В. И. Равдоникас. Наскальные изображения Онежского озера. Л., 1936, стр. 111—141; В. И. Равдоникас. Наскальные изображения Белого моря. Л., 1938, стр. 91—103.
- 12 О. Н. Бадер. Очерк работ Азово-Черноморской экспедиции. КСИИМК, вып. XXI, 1950, стр. 175—180.
- 13 А. А. Formozov. The rock-paintings of Zaraut-Kamar, Uzbekistan.—«Rivista di scienze preistoriche», vol. XX, fasc. 1. Firenze, 1965, стр. 63—83.
- 14 Подробнее: А. А. Formozov. The petroglyphs of Kobystan and their chronology.—«Rivista di scienze preistoriche», vol. XVIII, fasc. 1—4, Firenze, 1963, стр. 91—114.
- 15 О. Н. Бадер. Жертвенно место под Писанным камнем на р. Вишере.—«Советская археология», XXI, 1954, стр 241—258. В. Ф. Генинг. Наскальные изображения Писаного камня на реке Вишере. Там же, стр. 259—277. А. П. Окладников. Якутия до присоединения к русскому государству, стр. 100—102.
- 16 В. Н. Чернецов. Наскальные изображения Урала. М., 1964, рис. 4.
- 17 А. П. Окладников. О датировке забайкальских писаниц.—«Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры», т. XVI, Улан-Удэ, 1952, стр. 57—

62. Он же. Якутия... рис. 52. М. А. Дэвлет. Большая Боярская писаница.— «Советская археология», 1965, № 3, стр. 131—133. А. П. Окладников и В. Д. Запорожская. Ленские писаницы. М.—Л., 1959, стр. 109—112.
- ¹⁸ А. П. Окладников. Шишкинские писаницы, стр. 190. Л. Р. Кызласов. Письмо в редакцию.— «Советская этнография», 1958, № 1, стр. 202.
- ¹⁹ И. Мухитдинов. Стенные росписи в селении Ягид (Дарваз).— «Советская этнография», 1964, № 3, стр. 111.
- ²⁰ Этую теорию с самым серьезным видом развивает В. Ф. Зыбковец (Дорелигиозная эпоха. М.—Л., 1959, стр. 234).
- ²¹ А. Элькин. Коренное население Австралии. М., 1952, стр. 177—178.
- ²² А. П. Окладников. Якутия до присоединения к русскому государству, стр. 100—102.
- ²³ С. П. Балдаев. Культ писаниц у западных бурят. — Избранное. Улан-Удэ, 1961, стр. 177—183.
- ²⁴ И. М. Джагарзаде. Наскальные изображения Кобыстана.— «Труды Института истории Академии наук Азербайджанской ССР», т. XIII, Баку, 1958, стр. 68.
- ²⁵ В. М. Массон. Средняя Азия и древний Восток. М.—Л., 1964, стр. 36.
- ²⁶ А. П. Окладников. Якутия до присоединения к русскому государству, рис. 31.
- ²⁷ И. М. Джагарзаде. Указ. соч., рис. 21, 23, 27, 52, 58, 59.
- ²⁸ М. Рудинский. Указ. соч., таб. VI, VIII.
- ²⁹ Б. Л. Богаевский. О значении изображения так называемого колдуна в «пещере трех братьев» в Арьеже во Франции.— «Советская этнография», 1934, № 4, стр. 54—56.
- ³⁰ А. П. Окладников. Шишкинские писаницы, рис. 18, 20, 51, 54.
- ³¹ В. И. Равдоникас. Наскальные изображения Онежского озера, таб. 9.
- ³² П. И. Мариковский. О наскальных изображениях в горах Чулек.— «Вестник Академии наук Казахской ССР», 1950, № 6, таб. III. А. П. Окладников. Шишкинские писаницы, рис. 92. Он же. Олень — золотые рога. М.—Л., 1964, стр. 72.
- ³³ А. Г. Максимова. Наскальные изображения урочища Тамгалы.— «Вестник Академии наук Казахской ССР», 1958, № 9, рис. 32—33.
- ³⁴ В. Боданов-Березовский. Галина Сергеевна Уланова. М., 1961, стр. 5.
- ³⁵ Русское народное поэтическое творчество (хрестоматия). М., 1959, стр. 114.
- ³⁶ С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, № 88, 1960, стр. 168.
- ³⁷ В. А. Шишкин. Варахша. М., 1963, рис. 99.
- ³⁸ А. Н. Бернштам. Указ. соч., рис. 6. В. А. Ранов. Наскальные изображения у кишлака Наматгут.— «Известия отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР», вып. 14. 1957, рис. 1.

- ³⁹ A. Laming. Lascaux. Am Ursprung der Kunst. Dresden, 1959. рис. 20—21.
- ⁴⁰ З. А. Абрамова. Палеолитическое искусство на территории СССР. М.—Л., 1962, таб. LXI.
- ⁴¹ С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука Врублевецкая. МИА, № 38, 1953, рис. 73—77.
- ⁴² См. М. Рудинский. Указ. соч., рис. 59, 60, таб. XXI—XXIII. В. И. Равдоникас. Наскальные изображения Белого моря, таб. 2, 3, 23, 27. В. Н. Чернецов. Указ. соч., рис. 7, 6.
- ⁴³ С. В. Иванов. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX века.— «Труды Института этнографии АН СССР», т. XXII, 1954, стр. 396, рис. 246—8.
- ⁴⁴ Павсаний, III, 19, 2.
- ⁴⁵ К. Д. Лашкин. Онежское святилище.— «Скандинавский сборник», V, Таллин, 1962, стр. 221.
- ⁴⁶ Там же, стр. 280.
- ⁴⁷ М. Э. Матье. Древнеегипетские мифы. М.—Л., 1956. стр. 18.

К главе IV

- ¹ См. карту распространения и список дольменов в работе Л. И. Лаврова. Дольмены Северо-Западного Кавказа.— «Труды Абхазского института языка, литературы и истории», т. XXXI, Сухуми, 1960.
- ² Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. I. Тбилиси, 1949, стр. 266—267.
- ³ Н. А. Захаров. Погребение мегалитического типа из предгорных районов Северного Кавказа.— «Советская археология», III, 1937, стр. 227.
- ⁴ Б. А. Куфтин. Указ. соч., рис. 66.
- ⁵ Там же, стр. 267.
- ⁶ Л. Н. Соловьев. Энеолитическое поселение у Очемчирского порта.— «Труды Абхазского Института языка, литературы и истории», т. XV. Сухуми, 1939, стр. 5—55. А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 101—106.
- ⁷ А. А. Формозов. Указ. соч., рис. 46.
- ⁸ Е. Д. Фелицын. Западно-Кавказские дольмены. МАК, т. IX. М., 1904, рис. 26.
- ⁹ А. Лещенко. Матеріали до орнаментики дольменів на Північно-західному Кавказі.— «Антropологія», т. IV, Київ, 1931, рис. 2—3.
- ¹⁰ Л. И. Лавров. Из поездки в Черноморскую Шапсугию.— «Советская этнография», 1936, № 4—5, стр. 127.
- ¹¹ Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 295, 304.
- ¹² А. Зотов. Легенда о дольменах в Черноморской губернии.— «Известия Кавказского отдела РГО», т. XXIII, № 1. Тифлис, 1915, стр. 79—82.
- ¹³ E. Smith. The evolution of the rock-cui tomb and dolmen.— «Essays and Studies, presented to sir William Ridgeway», Cambridge, 1913.

- ¹⁴ См. карту дольменов мира: Ж. де Морган. Доисторическое человечество. М.—Л., 1926, рис. 147.
- ¹⁵ См. таблицы в статье Л. И. Лаврова. Дольмены Северо-Западного Кавказа, стр. 113—173.
- ¹⁶ Е. Д. Фелицын. Указ. соч., табл. XIII, В. А. Кузнецова. Средневековые дольменообразные склепы верхнего Прикубанья, КСИА АН СССР, вып. 85, 1961, стр. 106—117.
- ¹⁷ А. Лещенко. Указ. соч., рис. 9.
- ¹⁸ См. обзор данных: Н. Behrens, P. Fasshauer, H. Kirschner. Ein neues innenverziertes Steinkammergrab der Schnurkeramik aus der Dölauer Heide bei Halle (Saale).—«Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte», Ed. 40, Halle (Saale), 1956, стр. 22—29.
- ¹⁹ А. А. Щепинский. Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму.—«Советская археология», 1963, № 3, стр. 40—41, рис. 3—4.
- ²⁰ А. Лещенко. Указ. соч., рис. 4, 7, 8.
- ²¹ Отчет Археологической Комиссии за 1898 год. 1901, стр. 36.
- ²² Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949, рис. 50, 4.
- ²³ Н. Behrens. Указ. соч., таб. II.
- ²⁴ И. И. Аханов. Геленджикские подкурганные дольмены.—«Советская археология», 1961, № 1, стр. 139—149.
- ²⁵ В. А. Кузнецов. Указ. соч., стр. 112.
- ²⁶ А. Ф. Лещенко. О времени сооружения мегалитических памятников северо-западного Кавказа.—«Известия Общества любителей изучения Кубанского края», вып. IX, Краснодар, 1925, стр. 89.
- ²⁷ P. Sebillot. Le culte des pierres en France.—«Revue de l'École d'Anthropologie de Paris», Paris, 1902, V, стр. 175—186; VI, стр. 205—216.
- ²⁸ А. А. Олесницкий. Мегалитические памятники Святой земли.—«Православный Палестинский сборник», т. XIV, вып. 2. СПб., 1895, стр. 136—143.
- ²⁹ В. Н. Худадов. Мегалитические памятники Кавказа. ВДИ, 1937, № 1, стр. 200—204.
- ³⁰ П. Н. Батюшков. Волынь. СПб., 1888, стр. 84.
- ³¹ А. А. Формозов. Камень Щеглец близ Новгорода и камни следовики.—«Советская этнография», 1965, № 5, стр. 130.
- ³² Геродот. История, кн. IV, гл. 82.
- ³³ Е. Д. Фелицын. Кубанские древности. Екатеринодар, 1879, стр. 13.
- ³⁴ Б. В. Лунин. Дольмены Черноморья. Ростов-на-Дону, 1924, стр. 22.

К главе V

¹ М. П. Грязнов. Курган как архитектурный памятник.—«Тезисы докладов на заседаниях отделения исторических наук АН СССР, посвященных итогам полевых исследований в 1960 г. Института археологии и Института этнографии». М., 1961, стр. 22—25.

- ² А. А. Формозов. Изображения на плитах кромлеха из кургана у с. Вербовки. КСИА АН УССР, вып. 5, 1955, стр. 72—74, рис. 2—4. Дело Археологической комиссии, № 79, 1905. Архив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР.
- ³ Н. Я. Мерперт. Срубная культура в Чувашии. МИА, № 111, 1962, стр. 14.
- ⁴ Н. Я. Мерперт. Абашевская культура Северной Чувашии. МИА, № 97, 1961, рис. 14.
- ⁵ А. И. Тереножкин. Курганы в долине Молочной.— «Археологічні пам'ятки УРСР», т. VIII, Київ, 1960, стр. 8. Он же. Курган Сторожова могила.— «Археологія», V, Київ, 1951, стр. 183.
- ⁶ Ги де Мопассан. В Бретани. Полное собрание сочинений, т. 4. М., 1958, стр. 121.
- ⁷ И. А. Бунин. Повести, рассказы, воспоминания. М., 1961, стр. 336.
- ⁸ Обзор стел ямного времени см.: A. Häusler. Die Felszeichnungen der Kamennaja Mogila und megalithischen Einflüsse in Südrussland. WZ, Bd. VII, N. 2, 1958, стр. 497—509. А. А. Формозов. О древнейших антропоморфных стелах Северного Причерноморья.— «Советская этнография», 1965, № 6, стр. 177—181.
- ⁹ R. Octobon. Enquête sur les figurines neo- et néolithique.— «Revue Anthropologique», 1931, N 10—12, pl. XXXV—XL, LXXI. M. Hoernes, O. Menghin. Urgeschichte der Bildenden Kunst in Europa. Wien, 1925, стр. 217.
- ¹⁰ В. И. Гошкевич. Клады и древности Херсонщины. Херсон, 1903, стр. 25, 27.
- ¹¹ M. et. S. J. Péquart et Z. le Rouzic. Corpus des signes graves des monuments mégalithique du Morbihan. Paris, 1927, таб. 1, 39, 40, 53.
- ¹² Там же, таб. 6, 24, 37, 41, 43, 79. Н. Кюн. Die Felsbilder Europas. Stuttgart, 1952, таб. 85, рис. 126—128. M. Hoernes O. Menghin. Указ. соч., стр. 239.
- ¹³ А. Х. Халиков. Стелы с изображением оружия раннего железного века.— «Советская археология», 1963, № 3, стр. 180—190.
- ¹⁴ Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации. М., 1952, стр. 406, 411, 416.
- ¹⁵ D. G. Messerschmidt. Forschungsreise durch Sibirien 1700—1727, Teil I. Berlin, 1962, стр. 299—300. М. П. Грязнов. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами.— «Советская археология», XII, 1950.
- ¹⁶ А. Терещенко. О могильных насыпях и каменных бабах в Екатеринославской и Таврической губерниях.— «Чтения в обществе истории и древностей российских», кн. IV. М., 1866, стр. 7.
- ¹⁷ См. А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. М., 1964, таб. V. Здесь и литература вопроса.
- ¹⁸ Геродот. История, IV, 9—10.
- ¹⁹ А. П. Манцевич. О скифских поясах.— «Советская археология». VII, 1940, стр. 19.

- ²⁰ Г. Чайлд. Указ. соч., стр. 408—409.
- ²¹ F. Hančar. Die Nadelformen der prähistorischen Kaukasengebiets.—«Eurasia Septentrionalis Antiqua», VII, Helsinki, 1932, рис. 1, 7. С. Крамер. История начинается в Шумере. М., 1965, стр. 121.
- ²² См. Г. Дамм. Канака — люди южных морей. М., 1964, стр. 206, 277, 346.
- ²³ А. А. Формозов. Материалы к изучению искусства эпохи бронзы Юга ССР.—«Советская археология», 1958, № 2, стр. 137—139, рис. 1.
- ²⁴ А. А. Олесницкий. Мегалитические памятники Святой земли.—«Православный палестинский сборник», т. XIV, вып. 2. СПб., 1895, стр. 28, 30, 31.
- ²⁵ И. М. Джографадзе. Древнейший период истории Азербайджана. В кн.: «Очерки по древней истории Азербайджана», Баку, 1956, стр. 17—18, 21—23, рис. 5—6, 11—12.
- ²⁶ В. И. Гошкевич. Указ. соч., стр. 30.
- ²⁷ Существует мнение, что на стеле изображены не топоры, а плуги (см. Б. А. Шамко. Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника.—«Советская археология», 1964, № 4, стр. 96—98), но нам оно не кажется убедительным.
- ²⁸ I. E. Quibell. Hierakonpolis, t. II. London, 1902, Pl. LXV—LXIX.
- ²⁹ G. Mallery. On the pictographs of the North American Indians. «Smithsonian Institution. Bureau of Ethnology. Fourth Annual Report (1882—1883)», Washington, 1886, стр. 198, 199.
- ³⁰ А. А. Щепинский. Солярные изображения эпохи поздней бронзы из Крыма.—«Советская археология», 1961, № 2, рис. 3.
- ³¹ См. Б. В. Техов. Могильник эпохи поздней бронзы в с. Тли.—«Советская археология», 1960, № 1, рис. 5, 3.
- ³² П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, 1900, рис. 24—25.
- ³³ А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 130—131, рис. 64.

К заключению

- ¹ См. А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947, стр. 34—52.
- ² Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 27.
- ³ Н. К. Рерих. Древнейшие финские храмы.—«Старые годы», 1908, № 2, стр. 95—96.
- ⁴ А. А. Спицын. Галичский клад.—«Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества», т. V, вып. 1. СПб., 1903, стр. 104—110. А. П. Окладников. Шаманские изображения из Восточной Сибири.—«Советская археология», X, 1948, стр. 203—225.
- ⁵ Полное собрание русских летописей, т. IV. СПб., 1848, стр. 303.
- ⁶ А. И. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937, рис. 141, 147, 148, 150. Н. Н. Соболев.

- Русская народная резьба по дереву. М.—Л., 1934,
рис. 270—273, 283.
- ⁷ История русского искусства, т. I. М., 1953, стр. 440—441.
- ⁸ Житие Стефана Пермского. Цит. по кн. «Истории русского искусства», т. IV. М., 1959, стр. 330.
- ⁹ Н. Н. Серебренников. Пермская деревянная скульптура. Пермь, 1928, стр. 33—36.
- ¹⁰ Д. Н. Эдинг. Резная скульптура Урала. М., 1940.
- ¹¹ Д. Ревалд. История импрессионизма. М., 1959, стр. 364.
- ¹² Ж. Л. Барро. Размышления о театре. М., 1963, стр. 127.
- ¹³ Существует значительная литература о воздействии первобытного искусства на современное. См. W. Paulcke. *Steinzeitliche und moderne Kunst*. Stuttgart, 1923.
- ¹⁴ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, М., 1900, таб. III—V, VII—VIII, рис. 10—25. С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, таб. XX—XXII.
- ¹⁵ В. А. Ватагин. Изображение животного. М., 1957, стр. 38—41.
- ¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, часть I, стр. 200.
- ¹⁷ См., например, A. Leroi-Gourhan. *Les religions de la préhistoire*. Paris, 1964, стр. 1—9.
- ¹⁸ А. П. Окладников. Шишкинские писаницы. Иркутск, 1959, стр. 196.

Список сокращений

ВДИ	— Вестник древней истории
ИВГО	— Известия Всесоюзного географического общества
КСИА АН СССР	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КСИА АН УССР	— Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
МАК	— Материалы по археологии Кавказа
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
РГО	— Русское географическое общество
WZ	— Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther Universität Halle-Wittenberg, Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe

О Г Л А В Л Е Н И Е

ВВЕДЕНИЕ	3
Г л а в а I. ИСКУССТВО ОХОТНИКОВ	11
Г л а в а II. ИСКУССТВО ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ, СКОТОВОДОВ И ИХ СЕВЕРНЫХ СОСЕДЕЙ	35
Г л а в а III. НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ	49
Г л а в а IV. КАВКАЗСКИЕ ДОЛЬМЕНЫ	76
Г л а в а V. КУРГАНЫ И КАМЕННЫЕ БАБЫ	88
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	106
ПРИМЕЧАНИЯ	116
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	126

Александр Александрович Формозов
Памятники первобытного искусства на территории СССР

Утверждено к печати редколлегией
научно-популярной литературы
Академии наук СССР

Редактор издательства Е. И. Володина
Художественно-технический редактор В. Г. Лaut
Художник В. Г. Прохоров

Сдано в набор 2/II 1966 г. Подписано к печати 11/V 1966 г.
Формат 84 X 108¹/₃₂. Печ. л. 4,0 + 1 вкл. (0,1 печ. л.)
Усл. печ. л. 7,1. Уч.-изд. л. 7,3 (7,2 + 0,1 вкл.). Тираж 20 000 экз.
Изд. № 697/66. Тип. зак. 230. Т-07431. Цена 24 коп.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука».
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

24 КОП.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»